

В. С. ЛЕВКОВА

1111111111
1111111111

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

1903.

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ДЯКОВА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НА НОЖАХЪ.

РОМАПЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

НА ПОКРАЈИ

СРБИЈА И ЦРНА ГОРА

Часть первая.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отступница.

Въ губернскомъ городѣ N есть довольно большой деревянный домъ, принадлежащій господамъ Висленевымъ, Юсафу Платоновичу, человѣку лѣтъ тридцати пяти, и сестрѣ его, Ларисѣ Платоновнѣ, дѣвушкѣ по двадцатому году. Домъ этотъ, просторный и барскій, былъ бы вовсе бездоходенъ, если бѣ его владѣльцы захотѣли жить въ немъ, не стѣснясь. Въ немъ девять комнатъ, по старорусскому дворянскому обычаю расположенныхъ такъ, что двумъ семействамъ въ нихъ никакъ размѣститься невозможно. Родители нынѣшнихъ владѣльцевъ строили домъ для себя и не предвидѣли никакой нужды извлекать изъ него какіе бы то ни было доходы, а потому и планировали его, что называется, по своей фантазій. Старикамъ не было и нужды стѣснять себя, потому что у нихъ по старинѣ были хорошіе доходы съ доходнаго мѣста. При извѣстной безнечности, вообще свойственной русской натурѣ, доходамъ этимъ не предвидѣлось конца, а онъ вдругъ и пришелъ: старикъ Платонъ Висленевъ, совѣтникъ одной изъ губернскихъ палатъ, легъ однажды спать и не проснулся. Вдова его нашла въ бюро мужа очень небольшую сумму денегъ и получила тоже очень небольшой пенсіонъ. Всѣмъ этимъ

прожить было невозможно, тѣмъ болѣе, что приходилось воспитывать нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Юсафа Платоновича, бывшаго тогда въ шестомъ классѣ гимназіи, и Ларису Платоновну, оставшуюся въ совершенномъ малолѣтствѣ. Домъ надо было сдѣлать изъ бездоходнаго доходнымъ. Съ этою цѣлью вдова Висленева построила во дворѣ, окнами въ садъ, флигельскъ въ пять небольшихъ комнатъ, и сама съ дѣтьми поселилась въ этомъ флигелькѣ, а большой домъ начала отдавать внаймы. Съ этихъ поръ доходы ея стали таковы, что она могла содержать сына въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ, а дочь добрые люди помогли устроить въ институтъ на казенный счетъ. Вдова Висленева вела жизнь аккуратную и расчетливую, и съ тяжкою нуждой не зналась, а отсюда въ губернскихъ кружкахъ утвердилось мнѣніе, что доходы ея отнюдь не ограничиваются домомъ да пенсіей, а что у нея, кромѣ того, конечно, есть еще и капиталъ, который она тщательно скрываетъ, приберегая его на приданое Ларисѣ. Доходили такіе слухи и до самой вдовы, и она ихъ, по общему мнѣнію, опровергала очень слабо: старушка имѣла въ виду, что эти толки ей не повредятъ. Семь лѣтъ тому назадъ, подозрѣнія насчетъ таинственнаго ларца вдовы Висленевой получили еще новое и для мѣстныхъ прозорливцевъ неострашимое подтвержденіе. Юсафъ Платоновичъ Висленевъ, тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, пріѣхавъ домой, и только что было опредѣлился на службу, какъ вдругъ его ночью внезапно арестовали, обыскали и увезли куда-то по политическому дѣлу. Спасенія и возврата его никто не чаялъ, его считали погибшимъ навѣки, при чемъ губернскому человѣчеству были явлены новыя доказательства человѣческаго, или, собственно говоря, женскаго коварства и предательства, со стороны одной молодой, но, какъ всѣ рѣшили, крайне испорченной и корыстной дѣвушки, Александры Ивановны Гриневицъ. Выручилъ же Юсафа Висленева материнъ заповѣдный ларецъ. Дѣло объ этомъ предательствѣ требуетъ подробнаго объясненія.

Юсафъ Платоновичъ Висленевъ еще чуть не съ пятнадцати лѣтъ былъ влюбленъ въ дочь наминавшаго ихъ домъ инспектора врачебной управы Гриневица. Близкіе люди считали эту любовь большимъ несчастіемъ для моло-

дого человѣка, подававшаго блестящія надежды. Считали это несчастіемъ, конечно, не потому, чтобы кто-нибудь признавалъ Сашеньку Гриневицъ, тогда еще дѣвочку, недостойною современемъ хорошей партіи, но потому, что взаимное тяготѣніе дѣтей обнаружилось слишкомъ рано, такъ что предусмотрительные люди имѣли основаніе опасаться, чтобы такая ранняя любовь не помѣшала молодому человѣку учиться, окончить курсъ и стать на хорошую дорогу.

Опасенія, и понятныя, и умѣстныя, на этотъ разъ, какъ рѣдкое, быть-можетъ, исключеніе, оказались излишними. Любовь Иосафа Платоновича Висленева къ Александрѣ Ивановнѣ Гриневицъ не помѣшала ему ни окончить съ золотою медалью курсъ въ гимназій, ни выйти однимъ изъ первыхъ кандидатовъ изъ университета. Пока молодой Висленевъ былъ въ гимназій, а Александра Ивановна ходила въ пансіонъ, родители не препятствовали ихъ юной привязанности. Когда Висленевъ уѣхалъ въ университетъ, между нимъ и Сашей Гриневицъ, оставившей въ это время пансіонскіе уроки, установилась правильная переписка, которой никто изъ родителей не заботился ни пріостанавливать, ни провѣрять. Все это за обычай стало дѣломъ, имѣющимъ правильное теченіе, которое, какъ всѣ вѣрили, должно завершиться вѣнцомъ.

Родители Сашеньки имѣли про черный дѣль состояннице, правда, очень небольшое, но во всякомъ случаѣ обезпечивавшее ихъ дочери безбѣдное существованіе. Такимъ образомъ Сашенька, которая была недурна собой, очень способна, училась хорошо, нравъ имѣла веселый и кроткій, чѣмъ она не невѣста? Иосафъ Висленевъ молодецъ собой, имѣлъ домъ, университетское образованіе: стало бытъ, чѣмъ же онъ не женихъ? Матери очень многихъ дѣвицъ, поставленныхъ гораздо лучше, чѣмъ дочь доктора Гриневица, и гораздо положительнѣе ея обезпеченныхъ, не пренебрегли бы такимъ женихомъ, какъ Висленевъ, а Сашенькѣ Гриневицъ партія съ Висленевымъ, по всеобщему приговору, была просто кладъ, за который эта дѣвушка должна была держаться крѣпче.

По общимъ замѣчаніямъ, Сашенька понимала свою пользу и держалась, за что ей слѣдовало держаться, превосходно. Говорили, что надо было дивиться ей такту и уму, твер-

дымъ и расчелтливымъ даже не по лѣтамъ. Съ Иосафомъ Платоновичемъ она не всегда была равна, и даже подчасъ для самаго ненаблюдательнаго взгляда было замѣтно, что между ними пробѣгали легкія тѣни.

— Наши дѣти дуются, — говорили другъ другу ихъ матушки, бывшія между собою друзьями.

Дѣти дулись, но ихъ никто не мирилъ и никто не уговаривалъ; за ними, однако, наблюдали со вниманіемъ, и очень радоеались, когда ссора прекращалась и между ними возстановливалась дружба и согласіе, а это случалось всегда немедленно послѣ того, какъ Иосафъ Висленевъ, переломивъ свою гордость и изыскавъ удобную минуту уединеннаго свиданія съ Сашей, просилъ у нея прощенія.

Въ чемъ заключались тѣ вины Иосафа Висленева, которыя Александра Ивановна разрѣшила и отпустила ему не иначе какъ послѣ покаянія? Это оставалось тайной, этого никто изъ родныхъ и домашнихъ не зналъ, да и не успивался проникнуть. Однажды лишь одной досужей сосѣдкѣ вдовы Висленевой удалось подслушать, какъ Саша журила Иосафа Платоновича за его опыты въ стихотворствѣ. Это многихъ возмутило и показалось капризомъ со стороны Саши, но Иосафъ Платоновичъ самъ сознался матери, что онъ писалъ въ стихахъ ужасный вздоръ, который, однако, отразился вредно на его учебныхъ занятіяхъ въ классѣ, и что онъ даже очень благодаренъ Сашѣ за то, что она вернула его къ настоящему дѣлу.

Это разъ навсегда примирило мать Висленева съ тѣними въ отношеніяхъ Саши къ Иосафу Платоновичу, и вдова не преминула, кому только могла, рассказать о Сашенькиной солидности.

Солидности этой, однако, не всеми была дана одинаковая оцѣнка, и многіе построили на ней заключенія, невыгодныя для характера молодой дѣвушки. Нѣкоторыя молодыя дамы, наиримѣръ, называли это излишнею практичностью и жесткостью: по ихъ мнѣнію, Саша, имѣя она душу живую и воспримчивую, какую предполагаетъ въ себѣ каждая провинціальная дама, не убивала бы поэтическіе порывы юности, а поддержала бы ихъ: женщина должна вдохновлять, а не убивать вдохновеніе.

Вдова Висленева не внимала этимъ рѣчамъ; ей не легко

было содержать сына въ школѣ и потому она страшно болѣлась всего, что угрожало его усѣхамъ, и осталась на сторонѣ Саша, которою такимъ образомъ была одержана первая солидная побѣда намъ всѣми желавшими соперничать съ нею въ семьѣ жениха.

Старыя дамы глядѣли на дѣлю съ другой стороны, и, прозирая вдаль, предсказывали утвердительно одно, что Саша раньше времени беретъ Юсафа Платоновича подъ банмакъ и отнынѣ будетъ держать цѣлую жизнь подъ банмакомъ.

Мать Висленева явила столько характера, что не смущалась и такими предсказаніями и, махая рукой, отвѣчала, что «Улита фдетъ, а когда-то будетъ!»

Мать Александры Ивановны, въ свою очередь, пробовала допрашивать дочь, за что она порой недовольна на Висленева; но Саша обыкновенно кротко отвѣчала:

— Такъ, за пустяки, маман!

— Такъ за пустяки, мой другъ, зачѣмъ же сердиться? Споры во всякомъ случаѣ не красятъ жизнь, а темнятъ ее.

— Ну, мамочка, повѣрьте мнѣ, что я не хочу же, чтобъ его жизнь мрачилась, а, напротивъ, желаю ему счастія и...

Дѣвушка потупилась и замолчала.

— И что, Alexandrine?—допросила ее мать, положивъ на колѣни свое платье и вскинувъ на лобъ чернаховыя очки.

— И я, маман, сама стыжусь безпрестанныхъ размолвокъ и страдаю отъ нихъ больше, чѣмъ онъ. Вѣрьте, что я тысячу разъ сама охотиѣ просила бы у него извиненія... я сдѣлала бы все, чего бы онъ только захотѣлъ, если бъ я... была виновата!

— Предъ нимъ?

— Штъ, маман, не предъ нимъ... этого я даже не допускаю, но предъ правдой, предъ долгомъ, предъ его матерью, которой онъ такъ обязанъ. Повѣрь, маман, что все, что въ этомъ отношеніи въ немъ для другихъ мелко и ничтожно, то... для меня ужасно видѣть въ немъ. Онъ...—проговорила Саша и снова замялась.

Старая Гриневичъ посмотрѣла на дочь пристальнымъ взглядомъ и тихо поманила ее къ себѣ.

Дѣвушка опустила колѣнами на скамейку, стоявшую у ногъ матери, и, взявъ ея руки, поцѣловала ихъ.

Старуха откинула набѣжавшія на лобъ дочери кантановые кудри и вперила пристальный взглядъ въ ея большіе глаза.

— Скажи мнѣ, что онъ дѣлаетъ, мой другъ?—прошептала мать.

— Мама, дружокъ мой, не спрашивай меня объ этомъ, это, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ все пустяки, которые я преувеличиваю; но ихъ... какъ тебѣ, мама, выразить, не знаю. Онъ хочетъ любить то, чего любить не можетъ, онъ вѣрить тѣмъ, кому не довѣряетъ; онъ слушается всѣхъ и никого... Родная! прости мнѣ, что я тебя встревожила, и забудь о моей болтовнѣ.

Когда пріѣзжалъ на каникулы Иосафъ Висленевъ изъ университета, онъ и Саша встрѣчались другъ съ другомъ каждый разъ чрезвычайно тепло и нѣжно, но въ то же время было замѣчено, что съ каждой побывкою Висленева домой радость свиданія съ Сашей охладѣвала. Тѣней и прежнихъ полудѣтскихъ ссоръ теперь, правда, не было, но зато ихъ въ молодой дѣвушкѣ замѣнили сдержанность и самообладаніе и въ рѣчи, и въ пріемахъ. Впрочемъ, было ясно, что это была только сдержанность, а не измѣна въ чувствахъ. Опытный и зоркій взглядъ, наблюдая молодыхъ людей, могъ замѣтить, что они любили другъ друга по-прежнему, а Саша еще и больше прежняго. Чѣмъ дальше Висленевъ уклонялся отъ ея идеала, тѣмъ сильнѣе овладѣвалъ ея сердцемъ, ея волею и ея помыслами. Такъ любить въ жизни разъ, далеко предъ тою порой, когда любовь послушна разуму.

Любовь, самая чистая, самая преданная, сказывалась у Саши вниманіемъ ко всѣмъ вѣстямъ, касавшимся Висленева, выливалась въ пространнѣйшихъ письмахъ, которые она ему писала аккуратно каждую недѣлю.

Но вотъ прекратились и письма. Отчего и какъ? Это опять оставалось ихъ же секретомъ, но корреспонденція прекратилась, и на лбу у Саши между бровями стала набѣгать тонкая морщинка.

Такъ стояли дѣла въ послѣдній годъ пребыванія Висленева въ университетѣ, когда Сашѣ Гриневичъ только-что минуло восемнадцать лѣтъ, а ему исполнилось двадцать четыре года. Окончательно же Висленевъ потерялъ свою невѣсту слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхалъ Висленевъ домой, опредѣлился на службу въ губернскую канцелярію; служить, сводить знакомства. Саша выѣзжаетъ мало, однако и не избѣгаетъ выѣздовъ, показывается съ другими на губернскихъ вечерахъ, раутахъ; и весела она, и спокойна, и не отказывается отъ танцевъ. Съ Висленевымъ холодна. Въ городѣ рѣшили, что дѣло между ними кончено. Разныя лица, то самой Сашѣ, то ея родителямъ начали дѣлать предложенія. Сначала ея руки искалъ генераль Синтянинъ, если не очень важное, то очень вліятельное лицо въ районѣ губерніи, вдовецъ, съ небольшимъ пятидесяти лѣтъ, имѣющій хорошее содержаніе и двухлѣтнюю глухонѣмую дочь. Предложеніе генерала было отклонено, чему, впрочемъ, никто и не удивился, потому что хотя Синтянинъ еще бодръ, и свѣжъ, и даже ловокъ настолько, что не боялся соперничества молодыхъ людей въ танцахъ, но про него шла ужасная слава. Помнили, что когда онъ, десять лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ сюда изъ Петербурга въ первомъ штабъ-офицерскомъ чинѣ, онъ привезъ съ собою экономку Эльвиру Карловну, чрезвычайно кроткую петербургскую дѣвку. Эльвира Карловна не была принята нигдѣ во все годы, которые она провела въ должности экономки у генерала. Красотою ея, хотя и довольно стереотипною по безпредѣльной кротости выраженія, можно было любоваться только случайно, когда она, глядя въ окно, смаргивала съ глазъ набѣгавшія на нихъ слезы, или когда изъ-за оконной ширмы видно было ея вздрагивающее плечо. Она была всегда если не въ слезахъ, то въ страхѣ,—такъ ее все себѣ и представляли, и связывали это представленіе съ характеромъ генерала Синтянина. А какой это былъ характеръ, про то Богъ одинъ вѣдалъ, хотя по наружности и пріемамъ генераль былъ человекъ очень мягкій, даже черезчуръ мягкій. Для женщинъ Синтянинъ былъ особенно антипатиченъ, потому что онъ на словахъ былъ неумытно суровъ къ нравамъ: трактовалъ женщинъ несовершеннолѣтними, требующими всегдашней опеки, и циничски говорилъ, что «любить видѣть, какъ женщина плачетъ». Ко всему же этому у генерала Синтянина, человека очень стройнаго и высокаго роста, при правильномъ и блѣдномъ матовомъ лицѣ и при очень красиво-павшихъ сѣдинахъ, были ужасные, леденящіе глаза, неопредѣленнаго, темно-сѣраго цвѣта, безъ малѣйшаго от-

блеска. Такой цвѣтъ имѣеть пухъ подъ крыльями совь. Свыкнуться съ этими глазами было невозможно.

Но и этого мало: генераль Синтянинъ написалъ еще средство возстановить противъ себя всѣхъ женщинъ города однимъ поступкомъ, котораго неловкость даже самъ признавалъ и для объясненія котораго снизошелъ до того, что предпослалъ ему нѣкоторыя оправданія, несмотря на небреженіе свое къ общественному мнѣнію.

Дѣло въ томъ, что у Эльвиры Карловны, въ то время, когда она пріѣхала съ Синтянинымъ изъ Петербурга, была десятилѣтняя дочь, Флора, отъ законнаго брака Эльвиры Карловны съ бѣднымъ ювелирнымъ подмастерьемъ изъ нѣмецъ, покинутымъ женою въ Петербургѣ, неизвѣстно за что и почему! (Конечно, «не сошлись характерами»). Когда дѣвочкѣ минуло одиннадцать лѣтъ, ее стали посылать въ пансіонъ. Генераль въ качествѣ «благодѣтеля» вносилъ за нее деньги, а черезъ семь лѣтъ неожиданно вздумалъ завершить свои благодѣянія, сдѣлавъ ее своею законною женою «предъ лицомъ неба и людей». Таково было его собственное выраженіе.

Пустыхъ и вздорныхъ людей этотъ бракъ генерала тѣшилъ, а умныхъ и честныхъ, безъ которыхъ, по писанію, не стоитъ ни одинъ городъ, этотъ союзъ возмутилъ; но генераль сумѣлъ смягчить непріятное впечатлѣніе своего поступка, объявивъ тамъ и сямъ подъ рукою, что онъ женился на Флорѣ единственно для того, чтобы, въ случаѣ своей смерти, закрѣпить за нею и за ея матерью право на казенную пенсію, безъ чего онѣ могли бы умереть съ голоду.

Объясненіе это произвело свое впечатлѣніе и даже приобрѣло генералу въ губернскомъ обществѣ ретивыхъ защитниковъ, находившихъ бракъ его дѣломъ очень благороднымъ и предусмотрительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная по состоянію, безвѣстная по происхожденію, зануганная Флора едва ли бы могла сдѣлать себѣ партію выше генеральскаго писаря.

Большинство общества рѣшило, что Флорѣ все-таки гораздо лучше быть генеральшею, чѣмъ писаршей, и большинство этимъ удовольствовалось, а меньшинство, содержащее необходимую для стоянія города «праведность трехъ», только покивало головами и пріумолкло.

Дѣло во всякомъ случаѣ совершено, и никто не былъ властенъ въ немъ ничего ни поправлять, ни перерѣшать. Домъ генерала всегда былъ запертъ для всѣхъ. Датѣ генеральскаго кабинета, куда къ нему являлись разные люди по дѣламъ, въ дальнѣйшіе его апартаменты не проинкалъ никто. Съ женитьбой генерала ничто не перемѣнилось. Синятинъ и вѣчался съ Флорой тихо, безъ всякой помпы, въ походной церкви перехожаго армейскаго полка; визитовъ съ женой никому не дѣлать, и ни жена его, ни теща попрежнему не показывались нигдѣ, кромѣ скромной приходской церкви. Онѣ обѣ перемѣнили лютеранство на православіе и были чрезвычайно богомольны, а можетъ-быть даже и религіозны. Целены, занавѣсы, орари и воздухи приходской церкви—все это было сдѣлано ихъ руками, и приходское духовенство считало Флору и ея мать ревностнѣйшими прихожанками.

Такъ прошло десять лѣтъ. Городъ привыкъ видѣть и не видать скромныхъ представительницъ генеральскаго семейства, и празднымъ людямъ оставалось одно удовольствіе рѣшать: въ какихъ отношеніяхъ находятся при генералѣ мать и дочь, и нѣтъ ли между ними соперничества? Соперничества между ними, очевидно, не было, и онѣ были очень дружны. Къ концу десятаго года замужества Флорѣ, или по нынѣшнему Аннѣ Ивановнѣ, Богъ далъ глухонѣмую дочку, которую назвали Вѣрой.

Эльвиры Карловны скоро не стало. Густой, чернѣй вуваль Флоры, никогда не открывавшійся на улицѣ и часто спущенный даже въ темномъ углу церкви, былъ поднятъ, когда она стояла посреди храма у изголовья гроба своей матери. На бѣдную Флору смотрѣли жадно и со вниманіемъ, и она, доселѣ по общему признанію считавшаяся некрасивою, къ удивленію, не только никому отнюдь не казалась дурною, но напротивъ, кроткое, блѣдное, съ легкимъ золотистымъ подцвѣтомъ лицо ея, и ея черные, глубокіе глаза, направленные на одну точку открытыхъ вратъ алтаря, были найдены даже прекрасными.

Старый священникъ, отецъ Гермогенъ, духовникъ усопшей Эльвиры Карловны, духовникъ и Флоры, когда ему замѣтили, что послѣдняя такъ неожиданно похорошѣла, отвѣчала: «не такъ вы выражаетесь, она просіяла».

Флора не плакала и не убивалась при материномъ гробѣ,

и поцѣловала лобъ и руку покойницы съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто здѣсь вовсе и не шло дѣло о разлукѣ. Да оно и въ самомъ дѣлѣ не имѣло для Флоры значенія разлуки: онѣ съ матерью шли другъ за другомъ.

Черезъ мѣсяць послѣ похоронъ Эльвиры Карловны въ той же церкви отиѣвали Флору. Быстрая, хотя и очень спокойная кончина ея дала поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ, еще болѣе увеличивавшимъ общій страхъ къ характеру генерала Синтянина. Какъ ни замкнуть было для всѣхъ домъ Синтянина, но все-таки изъ него дошли слухи, что генераль, узнавъ, по чьему-то доносу, что у одного изъ писарей его канцеляріи, мараковавшаго живописью, есть поясной портретъ Флоры, сдѣланный съ большимъ сходствомъ и искусствомъ, потребовалъ этотъ портретъ къ себѣ, долго на него смотрѣлъ, а потомъ тихо и спокойно выкололъ на немъ письменными ножницами глаза и поставилъ его на каминѣ въ комнату своей жены. Что же касается до самого художника, то онъ былъ отчисленъ отъ канцеляріи генерала и отданъ въ другую команду, въ чьи-то суровыя руки; несчастный не вынесъ тяжелой жизни, зачахъ и умеръ. Предъ кончиною онъ не хотѣлъ причащаться изъ рукъ госпитальнаго священника, а просилъ призвать къ нему всегдашняго духовника его, отца Гермогена; исповѣдался ему, причастился и умеръ такъ спокойно, какъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ врачей, умѣютъ умирать одни русскіе люди. Черезъ недѣлю этому же отцу Гермогену исповѣдала грѣхи свои и отходившая Флора, а двое сутокъ позже, тотъ же отецъ Гермогенъ, выйдя къ аналою, чтобы сказать надгробное слово Флорѣ, взглянулъ въ тихое лицо покойницы, вздрогнулъ, и, быстро устремивъ взоръ и руки къ стоявшему у изголовья гроба генералу, съ нѣмымъ ужасомъ на лицѣ воскликнулъ: «Отче благій: она молить Тебя: молитвъ ея ради ими же вѣси путями спаси его!» и больше онъ не могъ сказать ничего, заплакалъ, замахалъ руками и сталъ совершать отпѣваніе.

Генераль Синтянинъ овдовѣлъ и остался жить одинъ съ глухонѣмою дочкой;—ему показалось очень скучно: онъ нашелъ, что для него не поздно еще одинъ разъ жениться, и сдѣлалъ предложеніе Александрѣ Ивановнѣ Гриневичъ. Та, какъ выше сказано, предложеніе это отклонила, и генераль болѣе за нее не сватался; но въ это же время отецъ

Саша, старый инспекторъ Гриневицъ, ни сѣло ни пало, получилъ безъ всякой просьбы чистую отставку. Въ городѣ проговорили, что это не безъ Синтянинской руки, но какъ затѣмъ доктору Гриневицу, неповинному ни въ чемъ, кромѣ мелкихъ взятокъ по должности (что не считалось тогда ни грѣхомъ, ни покоромъ), опасаться за себя не приходилось, то ему и на мысль не въпадало робѣть предъ Синтяниннымъ, а тѣмъ болѣе жертвовать для его прихоти счастьемъ дочери. Объ этомъ и рѣчи не было въ семейныхъ совѣтахъ Гриневицей. Они только сократили свои расходы, и продолжали жить тихо и смиренно на свои очень умѣренныя средства. Люди ихъ, однако, не позабывали, и женихи къ Alexandrine сватались и бѣдные, и богатые, и не знатные, и для губернскаго города довольно знатные, но Сашенька всѣмъ имъ отказъ и отказъ. Благодарить и отвѣчаетъ, что она замужъ не хочетъ, что ей весело съ отцомъ и съ матерью. Ее, наконецъ, и оставили въ покоѣ. Прошелъ другой годъ, какъ уже Висленевъ служилъ, и вдругъ раздражается надъ нимъ туча: его арестовываютъ и увозятъ; старуха мать его, въ страшномъ отчаяннн, спѣшитъ въ Петербургъ, ходитъ тамъ, хлопочетъ, обиваетъ пороги, и все безуспѣшно. «Юсафу спасенья нѣтъ», пишетъ она родной сестрѣ, майоршѣ, Катеринѣ Астафьевнѣ Форовой. Вѣсть эта, разумѣется, содержится въ секретѣ, но, однако, Катерина Астафьевна не таитъ ее отъ Гриневицей, потому что это все равно, что одна семья.

Старикъ Гриневицъ, врачъ стараго закала, лѣчившій людей бузиной да ромашкой, и то перекрестясь, и писавшій вверху рецептовъ: «cum Deo», развѣдавъ, въ чемъ заключается вина Юсафа Платоновича, и узнавъ, что съ нимъ и по его винѣ обречены къ страданіямъ многіе, поморщился и сказалъ дочери:

— Ну, знаешь, Саша, воля твоя, я хотя Висленевымъ старый другъ и очень жалѣю Юсафа Платоновича, но хотѣлось бы мнѣ умереть съ увѣренностью, что ты за него замужъ не пойдешь.

— Ваша воля, папа, будетъ исполнена,—спокойно отвѣчала Саша.

Старикъ даже подскочилъ на мѣстѣ: онъ считалъ свою дочь очень доброю, благоразумною, но такого покорнаго отвѣта, такого спокойнаго согласія не ожидалъ отъ нея.

— Я тебя, Саша, совѣмъ не стѣсняю и не заклинаю... Пѣть, нѣтъ! Спаси меня отъ этого, Боже!—продолжалъ онъ, крестясь и поднимая на лобъ очки,—покидать человѣка въ несчастіи недостойно. И пожелай ты за него выйти, я, скрѣпя сердце, дамъ согласіе. Можетъ-быть, даже сами со старухою пойдемъ за тобой, если не отгонимъ, но...

— Да полно тебѣ, Иванъ Петровичъ, на старости лѣтъ романическія слова говорить!—остановила его жена.

— Нѣтъ, постой,—продолжалъ докторъ.—Это не романъ, а дѣло серьезное. Но если, другъ мой Сашенька, взвѣситъ, какъ ужасно предъ совѣстью и предъ честными людьми это ребячье легкомысліе, которое ничѣмъ нельзя оправдать и отъ котораго теперь плачутъ столько матерей и томятся столько юношей, то...

— Я понимаю, папа, что это грѣхъ и преступленіе.

— И хорошо еще, если онъ глубоко, искренно вѣрилъ тому, что гибель тѣхъ, кого губилъ онъ, нужна, а если же къ тому онъ искренно не вѣрилъ въ то, что дѣлалъ... Нѣтъ, нѣтъ! не дай мнѣ видѣть тебя за нимъ,—вскричалъ онъ, вскочивъ и дѣлая шагъ назадъ.—Нѣтъ, я отрекусь отъ тебя, и если Богъ покинетъ меня силою терпѣнья, то... я вѣдь еще про всякій случай врачъ и своею собственною рукою выпишу про те *acidum borussicum*.

Старикъ закрылъ одною рукою глаза, а другою затрясъ въ воздухъ, какъ будто отгоняя отъ себя страшное видѣніе, и отвернулся.

Саша приблизилась къ отцу, отвела тихо его руку отъ глазъ, прижала его голову къ своей груди и, поцѣловавъ отца въ лобъ, тихо шепнула ему:

— Успокойся, успокойся, мой добрый папа. Чего ты не хочешь, того не будетъ.

Саша въ обыкновенномъ, спокойномъ, житейскомъ разговорѣ съ отцомъ и матерью всегда говорила имъ *вы*; но когда заходила рѣчь отъ сердца, она безнамѣренно устранила это *вы* и говорила отцу и матери дружеское *ты*.

— Нѣтъ,—заговорилъ опять, успокоившись, старикъ:—ты какъ слѣдуетъ пойми меня, дитя мое. Я вѣдь отнюдь не упрашиваю тебя сдѣлаться эгоисткой! Напротивъ, я заповѣдываю тебѣ, жертвуй собой, дитя мое, жертвуй собой на пользу ближняго и не возносись своей чистотой. Правому нечего гордиться предъ неправыми, ибо неправый

можетъ исправиться, ибо въ живой душѣ всегда возможно обновленіе. Неодолимымъ страстямъ есть извѣстное оправданіе въ ихъ силѣ и неодоимости; но съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ... вовсе этого... какъ бы это тебѣ назвать... съ человѣкомъ...

— Безнатурнымъ, ты хочешь сказать?

— Да; вотъ именно ты это прекрасно выразила, съ безнатурнымъ человѣкомъ только измаешься и наконецъ сдѣлаешься тѣмъ, чѣмъ никогда не хотѣла бы сдѣлаться.

Весь слѣдующій день Саша провела въ молитвѣ тревожной и жаркой: она не умѣла молиться тихо и въ спокойствіи; а на другой, на третій, на четвертый день она много ходила, гуляла, думала, и наконецъ въ сумерки пятаго дня вошла въ залу, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, и сказала ему:

— Нѣтъ, знаешь что, папа: изъ всѣхъ твоихъ совѣтовъ я способна принять только одинъ.

— Скажи какой, дитя мое?

— Лучше сдѣлать что-нибудь съ расчетомъ и упованіемъ на свои силы, чѣмъ браться за непосильную ношу, которую придется бросить на половинѣ пути. Я положила себѣ предѣлъ самый малый: я пойду замужъ за человѣка благонадежнаго, обеспеченнаго, который не потребуетъ отъ меня ни жертвъ, ни пылкой любви, къ которой я неспособна.

Старикъ щелкнулъ пальцемъ по табакеркѣ, потянулъ носомъ большую понюшку и, обмахнувшись энергически платкомъ, взглянулъ на дочь и спросилъ:

— Ты, Александра, это шутишь? За кого это ты собираешься?

— Папа, я иду за генерала.

Старый Гриневицъ взглянулъ на дочь и тихо шепнулъ:

— Полно, Саша, шутить!—перекрестилъ ее и пошелъ въ свой маленькій кабинетикъ.

Опъ былъ увѣренъ, что весь этотъ разговоръ веденъ его дочерью просто ради шутки; но это была съ его стороны большая ошибка, которая и обнаружилась на другой же день, когда старикъ и старуха Гриневици сидѣли вмѣстѣ послѣ обѣда въ садовой бесѣдкѣ, и къ нимъ совершенно неожиданно подошла дочь вмѣстѣ съ генераломъ Синтяниннымъ и попросила благословенія на бракъ.

— Да-съ, вы насъ благословите-съ!—прибавилъ тихимъ,

но металлическимъ голосомъ генераль и, немного сморщась, согнуть свои ноги и опустился рядомъ съ Сашей на колѣни.

Старики растерялись и тутъ же благословили.

Объясненія, которыя послѣ этого послѣдовали у нихъ наединѣ съ дочерью, были по обычаю очень кратки и не выяснили ничего кромѣ того, что Сашѣ бракъ съ Синтяпиннымъ приходится болѣе всего по мыслямъ и по сердцу. Говорить болѣе было не о чемъ, и дочь Гриневича была обвинена съ генераломъ.

По поводу этой свадьбы пошли самыя разнообразныя толки. Поступокъ молодой генеральши объясняли алчностью къ деньгамъ и низостью ея характера, и за то предсказывали ей скорую смерть, какъ одной изъ женъ Рауля Синей Бороды; но объясненія остаются и доселѣ въ области догадокъ, а предсказанія не сбылись.

Теперь уже прошло восемь лѣтъ со дня свадьбы, а Александра Ивановна Синтяпина жива и здорова, и даже отнюдь не смотритъ надгробною статуей, съ которой сравнивали Флору. Александра Ивановна, напротивъ, и полна, и очень авантюжна, и всегда находитъ въ себѣ силу быть въ мѣру веселою и разговорчивою.

Въ чемъ заключается этотъ секретъ полнѣть и не упадаться въ несчастіи? (А что Александра Ивановна была несчастлива, въ томъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Это было признано всѣми единогласно).

— Она безчувственная деревяжка,—говорили одни, думая все разрушить этимъ приговоромъ.

— Она суетна, мелка и фальшива; для нея совершенно довольно того, что она теперь генеральша,—утверждали другіе.

— Да; но отчего же она не шла за Синтяпина, когда онъ прежде просилъ ея руки?—ставили вопросъ скептики для поддержанія разговора.

— О, это такъ просто: ей тогда нравился Висленевъ, а когда бѣдный Жозефъ попалъ въ бѣду, она предпочла любви выгодный бракъ. Дѣло простое и понятное.

— Совершенно! Два заключенія здѣсь невозможны.

Что она не любила Висленева или очень мало любила, это вполне доказывается тѣмъ, что даже внезапное извѣстіе объ освобожденіи его и его товарищей съ удаленіемъ на

время въ отдаленныя губерніи вмѣсто Сибири, которую имъ пророчили, Синягина приняла съ деревяннымъ спокойствіемъ, какъ-будто какую-нибудь самую обыкновенную вѣсть. Она даже вѣнчалась именно въ тотъ самый день, когда отъ Висленева получилась нисьмо, что онъ на свободѣ, и вѣнчалась (какъ говорятъ), имѣя при себѣ это нисьмо въ посо-вомъ платкѣ. Ея безчувственность, впрочемъ, едва ли и по-томъ нуждалась въ какихъ-нибудь подтвержденіяхъ, такъ какъ вскорѣ стало извѣстно, что когда ей однажды, по по-рученію старой Висленевой, своякъ послѣдней, отставной майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ, прочелъ вслухъ нисьмо, гдѣ мать несчастнаго Юсафа горько укоряла измѣнницу и называла ее «змѣей предательницей», то молодая гене-ральша выслушала все это спокойно, и по окончаніи письма сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, не хотите ли закусить?

Добрыя и искреннія чувства въ молодой генеральшѣ не дощускались, хотя лично она никому никакого зла не сдѣ-лала, и съ первыхъ же дней своего брака не только со вни-маніемъ, но и съ любовью занималась своею глухо-пѣмою надчерницей, — дочерью умершей Флоры; — но это ей не вмѣ-нялось въ заслугу, точно всякая другая на ея мѣстѣ сдѣ-лала бы несравненно больше. Говорили, что это для нея самой служить развлеченіемъ, такъ какъ двое собственныхъ ея дѣтей, которыхъ она имѣла въ первые годы замужества, умерли въ колыбельномъ возрастѣ. Отца и мать своихъ любила Синягина, но вѣдь они же были и превосходные люди, которыхъ не за что было не любить; да и то, по отношенію къ нимъ, у нея, кажется, былъ на устахъ ме-докъ, а на сердцѣ ледокъ. По крайней мѣрѣ носились слухи, что будто, вскорѣ послѣ замужества Александры Ивановны, генераль сѣ супругъ вызвался исходатайствовать ея отцу его прежнее служебное мѣсто, но генеральша будто даже отклоняла это, хотѣла погордиться на стариковскій счетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, и что въ этомъ родѣ было, но было вотъ какъ: Гривевичъ посоветовался съ дочерью, принять или не принять обязательное предложеніе?

Она спокойно отвѣчала отцу, что можно принять и не принять.

— То-то, кажется итъ зазора принять! — резонировалъ старикъ.

- Пожалуй, зазора нѣтъ,—отвѣтила ему дочь.
- А не принять какъ-будто еще достоинѣе?
- А ужь про это и говорить нечего.
- Такъ я самъ лучше поблагодарю и не приму?
- Сдѣлавши такъ, ты, папа, поступишь, какъ слѣдуетъ.
- Правда: вѣдь я, дитя мое, ужь старъ.
- Конечно, тебѣ ужь шестьдесятъ пять лѣтъ!
- Ну да, ужь не до службы, а денегъ хоть и мало...
- Да не на что тебѣ ихъ больше, папа.
- Совершенная правда! ты пристроилась, а мы стары. Нѣтъ; да мимо меня идетъ чаша сія!—рѣшилъ, махнувъ рукой, старый Гриневичъ и отказался отъ мѣста, сказавъ: что мѣста нужны молодымъ, которые могутъ быть на службѣ гораздо полезнѣе старика, а мнѣ-де пора на покой; и черезъ годъ съ небольшимъ дѣйствительно получилъ покой въ безвѣстныхъ краяхъ и три аршина земли на городскомъ кладбищѣ, куда вслѣдъ за собою призвалъ вскорѣ и жену.

Генеральна осиротѣла.

Нива смерти зрѣетъ быстро. Вслѣдъ за Гриневичами умерла вскорѣ и старуха Висленева. Проживя съ годъ при сынѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ городовъ и затѣмъ въ Петербургѣ, она вернулась домой съ окончившею курсъ красавицей дочерью, Ларисою, и не успѣла путемъ осмотрѣться на старомъ пепелищѣ въ своемъ флигелькѣ, какъ тоже скончалась.

Съ Александрой Ивановной старуха вначалѣ избѣгала встрѣчъ и сближенія, но въ послѣднее время своей жизни пламенѣла къ ней благоговѣйною любовью.

Этотъ всѣхъ удивившій переворотъ въ чувствахъ доживавшей свой вѣкъ Висленевой къ молодой генеральнѣ не имѣлъ иныхъ объясненій, кромѣ старушечьей прихоти и фантазіи, тѣмъ болѣе, что произошло это вдругъ и неожиданно.

Старуха въ тяжелой болѣзни однажды спала послѣ обѣда и позвонила. Въ комнатахъ никого не случилось, кромѣ Синтаниной, пришедшей навѣстить Ларису. Генеральна взошла на зовъ старушки и черезъ часъ ихъ застали обнявшихся и плачущихъ.

Съ этихъ поръ собственное имя Александры Ивановны не произносилось устами умиравшей старушки, а всякій разъ, когда она хотѣла увидать генеральну, она говорила: «пошлите мнѣ мою праведницу».

Умирая, Висленева не только благословила Синтяшину, ей же, ея дружбѣ и вниманію поручила и свою дочь, свою ненаглядную красавицу Ларису.

Всѣ знали, что эта дружба не доведетъ Ларису до добра, ибо около Синтяшиной все фальшь и ложь.

Нынѣ, то-есть въ тѣ дни, когда начинается нашъ разсказъ, Александръ Ивановичъ Синтяшиной отъ роду двадцать восемь лѣтъ, хотя, по привычкѣ ни въ чемъ не довѣрять ей, есть охотники утверждать, что генеральшѣ уже стукнуло тридцать, но она объ этомъ и сама не споритъ. Физическая жизнь ея въ полномъ расцвѣтѣ. Довольно замѣтная полнота стана генеральши нимало не портитъ ея высокой и стройной фигуры, напротивъ, эта полнота идетъ ей. Полныя руки ея съ розовыми ногтями достойны быть моделью ваятеля; шея бѣла какъ алебастръ и чрезвычайно красиво поставлена въ соотношеніи къ бюсту, служащему ей основаніемъ. Густые, свѣтлокаштановые волосы слегка волнуются, образуя на всей головѣ три-четыре волны. Положены они всегда очень просто, безъ особыхъ претензій. Все свѣжее лицо ея дышитъ здоровьемъ, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ ясное спокойствіе души. Она не блондинка, но всѣмъ кажется блондинкою: это тоже какой-то обманъ. Въ лицѣ ея есть постоянно нѣкоторая тѣнь ироніи, но ни одной черты, выражающей злобу. Походка ея плавна, всѣ движенія спокойны, тверды и рѣшительны.

Образъ жизни генеральши въ ея городской квартирѣ и въ загородномъ хуторѣ, гдѣ она проводитъ большую часть своихъ дней въ обществѣ глухонѣмой Вѣры, къ крайнему неудовольствію многихъ, почти совсѣмъ неизвѣстенъ.

Общество видитъ только нѣчто страшное въ этихъ безпрестанныхъ перекочевкахъ генеральши изъ городской квартиры на хуторъ и съ хутора назадъ въ городъ, и полагасть, что тутъ что-нибудь да есть; но тутъ же само это общество считаетъ всѣ составляющіяся насчетъ Синтяшиной соображенія апокрифическими.

Но чѣмъ же живетъ она, чтѣ занимаетъ ее и чтѣ даетъ ей эту неодолимую силу души, крѣпость тѣла и спокойную ясность полускрытаго взора? Какъ и чѣмъ она произвела и производитъ укрощеніе своего строптиваго мужа, который по отношенію къ ней, повидимому, не смѣетъ помыслить о какомъ-либо деспотическомъ притязаніи?

Это долго занимало всёхъ. Всѣ увѣрены, что здѣсь непременно есть какая-нибудь исторія, даже очень важная и, можетъ-быть, страшная исторія. Но какъ ее проникнуть? Вотъ вопросъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вся впереди.

Во флигель, построенномъ въ глубинѣ двора Висленевыхъ и выходящемъ одною стороною въ старыи, густой садъ, оканчивающійся крутымъ обрывомъ надъ Окою, живетъ сама собственница дома, Лариса Платоновна Висленева, сестра знакомаго намъ Юсафа Платоновича Висленева, отъ котораго такъ отступнически отреклась Александра Ивановна. Флигель построенъ съ большимъ комфортомъ. По довольно высокому крылечку, равному высотѣ нижняго полуэтажа, вы входите въ свѣтлыя, но очень тѣсныя сѣни, въ которыхъ только что можно поворотиться. Отсюда дверь въ переднюю, тоже очень чистую, съ двумя окнами на дворъ; изъ передней направо большая комната съ двумя окнами въ одной стѣнѣ и съ итальянскимъ окномъ въ другой. Эта комната называется «Юзефовъ кабинетъ». Несмотря на то, что Юсафъ Платоновичъ здѣсь давно не живетъ, комната его сохраняетъ обстановку кабинета человѣка хотя небогатаго, но и не бѣднаго. Мягкіе диваны кругомъ трехъ стѣнъ, два шкафа съ книгами; большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ кистями по угламъ, хорошія шторы на окнахъ, тяжелые занавѣсы на дверяхъ. По стѣнамъ висятъ нѣсколько гравюръ и литографій, между которыми самое видное мѣсто занимаютъ Ревекка съ овцами у колодца; Лаванъ, обыскивающей походный шатеръ Рахили, украиной его боговъ, и пара замѣчательныхъ по своей красотѣ и статности лошадей въ англійскихъ сѣдлахъ; на одной сидитъ жокей, другая идетъ въ поводу, безъ сѣдока. Обѣ лошади въ своемъ родѣ совершенство: на нихъ нельзя не заглядѣться послѣ горбатыхъ верблюдовъ, дремлющихъ на библейскихъ картинахъ. Огненные губы перваго коня показываютъ, что онъ грызетъ и сжимаетъ желѣзо удила, по идетъ мирно и тихо, потому что знаетъ власть и силу узды; по другой конь... О, ему опытъ еще не знакомъ. Но это сказочный конь, которому только нужно прикосновеніе

руки сказочнаго же царевича, и вихрь-конь взовьется выше лѣса стоячаго.

Чтобы покончить описаніе кабинета отсутствующаго хозяина, должно еще упомянуть о двухъ вѣсѣхъ, помѣщающихся въ бѣлой кафельной нишѣ, на каминѣ: здѣсь стоитъ высокая чайная чашка, съ массивною позолотою и съ поргретомъ гвардейскаго полковника, въ мундирѣ тридцатыхъ годовъ, и почернѣвшіе бронзовые часы со стрѣлкою, остановившеюся на пятидесяти шести минутахъ двѣнадцатаго часа.

На этой чашкѣ портретъ отца нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Платона Висленева, а часовая стрѣлка стоитъ на моментъ его смерти. Съ тѣхъ поръ часы эти не идутъ въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ.

Вторая комната небольшой залъ, съ окнами, выходящими въ садъ, и стеклянною дверью, ведущею на террасу, съ которой широкими ступенями сходятъ въ садъ. Убранство комнаты не залное и не гостиное, а и то и другое вмѣстѣ. Здѣсь есть и мягкая мебель, и буковые стулья, и зеркало, и рояль, заваленная нотами. Изъ залы двери ведутъ въ столовую и въ спальню Ларисы. Спальня Ларисы тѣхъ же размѣровъ, какъ и кабинетъ ея брата. Здѣсь также два окна въ одной стѣнѣ и одно широкое, тройное, «итальянское» окно въ другой. Всѣ эти окна выходятъ въ садъ: два справа затѣнены густою зеленью листвы, а надъ итальянскимъ окномъ, предъ которымъ расчищена, разбитая на клумбы площадка, повѣшена широкая бѣлая марнiza съ красными прошвами. Такимъ образомъ въ комнату открытъ доступъ аромату цвѣтовъ, и удалены палящіе лучи солнца, извлекающіе благоуханіе изъ резеды, левкоевъ и геліотроповъ. Мебель обита свѣтлымъ ситцемъ, которымъ драпированы и двери, и окна. Кровать замѣнена диваномъ съ подъемною подушкой, предъ диваномъ у изголовья небольшой круглый столикъ, въ сторонѣ двѣ этажерки съ книгами.

Описавъ домъ, познакомимъ читателей съ его одинокою жилищею.

Рассказъ этотъ будетъ коротокъ, потому что и вся жизнь Ларисы еще впереди.

Она окончила институтскій курсъ семнадцати лѣтъ и по выходѣ изъ заведенія жила съ матерью и братомъ въ Пе-

тербургѣ. Перечитала гибель книгъ, перевидала массы самыхъ разнообразныхъ лицъ и не вошла ни въ какія исключительныя отношенія ни съ кѣмъ.

По смерти матери, она опять было уѣхала въ Петербургъ къ брату, но черезъ мѣсяць стала собираться назадъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ брата не видала.

Прибывъ домой, она появилась первой Александрѣ Ивановнѣ Снитяниной и объявила ей, что жизнь брата ей не понравилась, и что она рѣшилась жить у себя въ домѣ одна. Другое лицо, которое увидало Ларису въ первый же часъ ея пріѣзда, была тетка ея, родная сестра ея матери, Катерина Астафьевна Форова, имя которой было уже упомянуто. Катерина Астафьевна, женщина лѣтъ сорока пяти, полная, нервная, порывистая, очень добрая, но горячая и прямая необыкновенно. Узнавъ о внезапномъ возвращеніи племянницы изъ Петербурга, она влетѣла какъ бомба въ комнату, гдѣ сидѣла Лариса, кинулась на шею дрожа и всхлиывая, и наконецъ совсѣмъ разрыдалась. Лариса поцѣловала у тетки руку и съ той же минуты не то полюбила ее, не то привязалась къ ней. Сойдясь близко съ теткой, она сошлась и съ мужемъ ея, пятидесятилѣтнимъ майоромъ изъ военныхъ академистовъ. Майоръ Форовъ, Филетеръ Ивановичъ, толстоватый, полусѣдой, здоровый и очень добрый человекъ, ведущій въ отставку самую оригинальную жизнь.

Майоръ Форовъ и самъ очень легко сблизился съ Ларисой и посѣщалъ ее ежедневно. У нихъ были общія точки прикосновенія, и Филетеръ Ивановичъ очень правился женщиной племянницѣ. Впрочемъ, Форовъ правился всѣмъ, не исключая и тѣхъ, кто его не любилъ. Онъ правился за свои энциклопедическія познанія, и за характеръ, который самъ называлъ «примитивнымъ». Александра Ивановна употребила все усилія сойтись съ Ларисой какъ можно ближе и дружественнѣе и, кажется, достигла этого, по крайней мѣрѣ по видѣности. Онѣ видѣлись другъ съ другомъ ежедневно, когда Снитянина была въ городѣ, а не на хуторѣ: и несмотря на неравенство ихъ лѣтъ (гдѣ играла роль цифра 10), были другъ съ другомъ на ты. Чего же больше? Любили ли онѣ одна другую?

Да, Снитяника любила Ларису горячо и искренно.

Лариса высока и очель стройна. Легкая фигура ея имѣетъ свою особенность, и особенность эта* заключается именно въ томъ, что у нея не только была *фигура*, но у нея была *линія*; видя ее разъ, ее можно было нарисовать всю одною чертою отъ шляпки до шлейфа. Ея красивая голова кажется, однако, нѣсколько велика, отъ цѣлаго моря черныхъ волосъ. У ней небольшое, продолговатое лицо съ тонкимъ носомъ, слегка подвижными и немного вздутыми ноздрями. При ея привычкѣ меньше говорить и больше слушать, пунцовыя губки ея, влажныя, но безъ блеска, всегда, въ самомъ спокойствіи своемъ, готовы какъ-будто къ шопоту. Можно думать, что она отвѣчаетъ и возражаетъ на все, но только не удостоивая никого сообщеніемъ этихъ возраженій. Она, какъ сказано, брюнетка, жгучая брюнетка. Въ ней мало русскаго, но она и не итальянка, и не испанка, а тѣмъ меньше гречанка, но южнаго въ ней бездна. У нея совершенно особый типъ,—нѣсколько напоминающій что-то еврейское, но непохожее ни на одну еврейку. Еврейскимъ въ ней отдаетъ ея внутренній огонь и сила. Цвѣтъ лица ея блѣдный, но горячо-блѣдный, матовый; глаза большіе, черные, свѣтящіеся электрическимъ блескомъ откуда-то изъ глубины, отчего вся она кажется фарфоровою лампой, освѣщенною жаркимъ внутреннимъ свѣтомъ. Всякое ея движеніе спокойно и даже лѣнливо, хотя и въ этой лѣни видимо разлита спящая, но и во снѣ своемъ рдѣющая, неутомимая нѣга. По виду она всегда спокойна; но покой ея видимо полонъ тревоги. Она совсѣмъ не кокетка, она вѣжлива и наблюдательна, и въ ея наблюдательности кроется для нея источникъ ожесточающихъ раздраженій. Она ребенокъ по опытности, и сама ничѣмъ не участвовала въ жизни, но, судя по выраженію ея лица, она всего коснулась въ типичнѣ своего долгаго безмолвія; она отвѣдала горькихъ лѣкарствъ, самую ея составленныхъ для себя по разнымъ рецептамъ, и всѣ эти питія ей не по вкусу. Ее интересуютъ только предѣлы вещей и крайнія положенія. Ей хочется собрать и совмѣстить, какъ въ фокусѣ стекла, то, что вмѣстѣ не собирается и несомвѣстимо.

Настоящее у Ларисы такое: недѣлю тому назадъ нѣкто Подозеровъ, небогатый изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, служавшій по земству, сдѣлалъ ей предложеніе. Онъ былъ давни ея знакомый; она знала, что онъ любитъ ее...

Лариса, выслунавъ Подозерова, дала ему слово обдумать его предложеніе и отвѣтить ему на-дняхъ положительно и ясно.

Этого отвѣта еще не дано.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Глава, которую можно поставить въ началѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ недавно прошедшаго года, четыре часа спустя послѣ жаркаго полудня, надъ крутымъ обрывомъ, которымъ заканчивался у рѣки садъ Висленевыхъ, собрались всѣ, хотя отчасти, знакомыя намъ лица. Лариса Висленева сидѣла на широкой доскѣ качелей, подвѣшенныхъ на вѣтвяхъ двухъ старыхъ кленовъ. Она держалась обѣими руками за одну веревку и, положивъ на нихъ голову, смотрѣла вдаль за рѣку, на широкую, безпредѣльную зеленую степь, надъ которою въ синевѣ неба дотанвало одинокое облачко. Шагахъ въ трехъ отъ качель, на зеленой деревянной скамейкѣ помѣщались Катерина Астафьева Форова и генеральша Снитянина. Первая жадно курила папирску изъ довольно плохого табаку, а вторая шла и слушала повѣсть, которую читаетъ Форовъ. Майоръ одѣтъ въ черный статскій сюртукъ и военную фуражку съ кокардой, по жилету у него виденъ часовой ремешокъ, на которомъ виситъ въ видѣ брелока тяжелая, массивная золотая лягушка съ изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладкомъ брюшкѣ лягушки мѣлкою, искусною вязью выгравировано: «Нигилисту Форову отъ Бодростиной». Дорогая вещь эта находится въ видимомъ противорѣчій съ прочимъ гардеробомъ майора. Филетеръ Ивановичъ теперь читаетъ: правою рукой онъ придерживаетъ листы лежащей у него на колѣняхъ книги, а лѣвою — машинально дергаетъ толстый, зеленый бумажный шнурокъ, привязанный къ серединѣ доски, на которой сидитъ Лариса. Чтеніе идетъ плавно и непрерывно, качаніе тоже.

Есть здѣсь и еще одинъ человѣкъ: онъ лежитъ въ травѣ надъ самымъ обрывомъ, спиной къ рѣкѣ, лицомъ къ качающейся Ларисѣ. Это Подозеровъ. Ему на видъ лѣтъ тридцать пять; одѣтъ онъ безъ претензій, но опрятно; лицо у него очень пріятное, но въ немъ, можетъ-быть, слишкомъ много серьезности и нервнаго безпокойства, что придаетъ

ему минутами недоброе выраженіе. Подозеровъ какъ бы постоянно или что-то воспоминаеть, или ожидаетъ себѣ чего-то непріятнаго, и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ сдвигаетъ красивыя брови, морщитъ лобъ и шевелитъ рукою свои недлинные, но густые темпорусые волосы съ раннею сѣдиной въ вискахъ.

Чтеніе, начатое назадъ тому съ полчаса, неожиданно прервано было веселымъ и довольно громкимъ смѣхомъ Катерины Астафьевны Форовой, смѣхомъ, который поняла только одна тихо улыбававшаяся Синтянина. Лариса же и Подозеровъ его даже не замѣтили, а чтець только поднялъ удивленные глаза и спросилъ баскомъ свою жену:

— Что ты это разсыпалась, Тора?

— Для кого ты читаешь, бѣдный мой Форовъ? Всякій разъ заставитъ его читать и никто его не слушаетъ.

— Ну, и что же такое?—отвѣчалъ майоръ.

— Ничего. Ты читаешь, Лариса гдѣ-то витаетъ; Подозеровъ витаетъ за нею; мы съ Сапеей еще надъ первою страницей задумались, а ты все читаешь да читаешь!

— Ну, и что же такое? я же въ прибыли: я, значить, начитываюсь и умнѣю, а вы выбалтываетесь.

— И глупѣемъ?

— Сама сказала, — отвѣтилъ, шутя, Форовъ и, доставъ изъ кармана кошелекъ съ табакомъ, началъ крутить папирску.

Жена долго смотрѣла на майора съ улыбкой и наконецъ спросила:

— Вы, господинъ Форовъ, пенсіонъ нынче получили?

— Разумѣется, получилъ-сь, — отвѣчалъ Форовъ и, доставъ изъ кармана конвертикъ, подалъ его женѣ.

— Вотъ вамъ все полностью тридцать одинъ рубль.

— А шестьдесятъ копеекъ?

— Положеніе извѣстное! — отвѣчалъ майоръ, раскуривая толстую папирску.

Синтянина взглянула на майора и размѣялась.

— Да чего же она въ самомъ дѣлѣ спрашиваетъ? — заговорилъ Филстеръ Ивановичъ, обращая свои слова къ генеральшѣ: — вѣдь ужъ сколько лѣтъ условлено, что я ей буду отдавать все жалованье за удержаніемъ въ свою пользу въ день полученія капитала шестьдесятъ копеекъ на тринкельдъ.

— Итъ, я что-то этого условія не помню! Когда ты за мной ухаживалъ, ты мнѣ ни о какихъ тринкгельдахъ тогда не говорилъ,—возразила майорша.

— Ну, ухаживать за тобой я не ухаживалъ.

— Такъ зачѣмъ же ты на мнѣ женился?

Майоръ тихоенько улыбнулся и проговорилъ:

— Что же, женился просто: вижу женщина въ несчастномъ положеніи, дай, думаю себѣ, хоть кого-нибудь въ жизни осчастливилю.

— Да,—проговорила Катерина Астафьевна, ни къ кому особенно не обращаясь:—чему, видно, быть, того не миновать. Нужно же было, чтобъ я рѣшила, что мнѣ замужемъ не быть, и пошла въ сестры милосердія; нужно же было, чтобы Форова въ Крыму мнѣ въ госпиталь полумертваго принесли! Все это судьба!

— Итъ, французская пуля,—отвѣчать Форовъ.

— Ты, невѣрующій, молчи, молчи, пока Богъ постучится къ тебѣ въ сердце.

— А я не пуцу.

— Пустишь, и самъ позовешь, скажешь: «взойди и сотвори обитель».

Вышла маленькая пауза.

— И Самина свадьба тоже судьба?—спросила Лариса.

— А еще бы! —отвѣчала живо Форова. — Почему ты знаешь... можетъ-быть, она приставлена къ Вѣрѣ за молитвы покойной Флорушки.

— Ахъ, полноте, тети! —воскликнула Лариса.—Я знаю эти «роковыя опредѣленія»!

— Неправда, ничего ты не знаешь!

— Знаю, что въ нихъ сидѣшь и рядомъ итъ ничего рокового. Неужто же вы можете ручаться, что не встрѣтся дядя Филетеръ Ивановичъ съ вами, онъ никогда не женился бы ни на комъ другомъ?

— Ну, на этотъ разъ, жена, положительно говори, что никогда бы и ни на комъ,—отвѣчать Форовъ.

— Ну, не женились бы вы, напимѣръ, на Александринѣ?

— Ни за что на свѣтѣ.

— Bravo, bravo, Филетеръ Ивановичъ, —воскликнула, смѣясь, Сиятянина.

— А почему?—спросила Лариса.

— Вы всегда все хотите знать «почему»? Бойтесь, этакъ скоро состарѣетесь.

— Но я не боюсь и хочу знать, почему бы вы не женились на Санѣ?

— Говорите, Филетеръ Ивановичъ, мнѣ ужъ замужъ не выходить,—вызвала Синтянина.

— Ну, извольте: Александра Ивановна слишкомъ умна и имѣетъ деспотическій характеръ, а я люблю свободу.

— Не великъ комплиментъ тетѣ Катѣ! Ну, а на мнѣ бы вы развѣ не женились? Я вѣдь не такъ умна, какъ Александраина.

— На васъ?

— Да, на мнѣ.

Форовъ снялъ фуражку, три раза перекрестился, и проговорилъ:

— Боже меня сохрани!

— На мнѣ жениться?

— Да, на васъ жениться: сохрани меня грозный Господь Богъ Израилевъ, карающій сыны сыновъ даже до седьмого колѣна.

— Это отчего?

— Да развѣ мнѣ жизнь надоѣла!

— Значить на мнѣ можетъ жениться только тотъ...

— Тотъ, кто хочетъ ада на землѣ, въ надеждѣ встрѣтиться съ вами тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

— Вотъ одолжилъ! — воскликнула, разсмѣявшись, Лариса. — Ну, позвольте, кого бы вамъ еще изъ нашихъ по-сватать?

— Глафиру Васильевну Бодростину, — подсказалъ, улыбаясь, Подозеровъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ Бодростину! — подхватила Лариса.

— Кого ни сватайте, все будетъ напрасно.

— Но вы ей кавалеръ «лягушки».

— «Золотой лягушки», — отвѣчалъ Форовъ, играя своимъ цѣннымъ брелокомъ. — Глафирѣ Васильевнѣ охота шутить и дарить мнѣ золото, а я философъ и беру сей презрѣнный металлъ въ какомъ угодно видѣ, и особенно доволенъ, получая кусочекъ золота въ видѣ этого невиннаго созданія, напоминающаго мнѣ поколѣніе людей, которыхъ я очень любилъ и съ которыми навсегда желаю сохранить нрав-

ственное единеніе. По жениться на Бодростиной... пи за что на свѣтъ!

— На ней почему же нѣтъ?

— А почему? Потому, что мнѣ нравится только особый сортъ женщинъ: умныя дуры, которыя, какъ все хорошее, встрѣчаются необыкновенно рѣдко.

— Такъ это я по-твоему дура?—спросила, напуская на себя строгость, Катерина Астафьевна.

— А ужь, разумѣется, не умна, когда за меня замужъ пошла,—отвѣчала Форовъ. — Вотъ, Бодростина умна, такъ она въ золотомъ терему живетъ, а ты подъ солодкою.

— Ну, а бодростинская золотая лягушка-то что же вамъ такое милое напоминаетъ? — дружески подшучивая надъ майоромъ, спросила Подозеровъ.

— Золотая лягушка напоминаетъ мнѣ золотое время и прекрасныхъ умныхъ дураковъ, изъ которыхъ однихъ ужь нѣтъ, а тѣ далеко.

— Она напоминаетъ ему моего брата Жозефа,—сказала Лариса.

— Ну, ужь это нѣтъ-съ,—отрекся майоръ.

— Почему же нѣтъ? Братъ мой развѣ не женился по принципу, не любя женщину, для того только, чтобы «освободить ее отъ тягости отцовской власти»,—сказала Лариса, надутю продекламировавъ послѣднія шесть словъ. Надѣюсь, это могъ сдѣлать только «умный дуракъ», которыхъ вы такъ любите.

— Нѣтъ-съ; умные дураки этого не дѣлали, умные дураки, которыхъ я люблю, на такіе вздоры не попадались, а это могъ сдѣлать глупый умникъ, но я съ этимъ ассортиментомъ мало знакомъ, а, впрочемъ, вотъ поразглядимъ его!

— Какъ это *поразглядите*? Развѣ вы его надѣетесь скоро видѣть?

— А вы развѣ не надѣетесь дожить до той недѣли?

— Что это за шарада? — спросила въ недоумѣніи Лариса.

— Какъ же, вѣдь онъ на-дняхъ прійдетъ.

— Какъ на-дняхъ?

— Разумѣется, — отвѣчала Форовъ.—Мой знакомый видѣлъ его въ Москвѣ; онъ ѣдетъ сюда.

Присутствующіе переглянулись.

— Это что-нибудь педоброе!—мелькнуло во взглядъ Ларисы, брошенномъ на Синтянину; та поняла и, сама немного измѣняясь въ лицѣ, сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, вы совсѣмъ безтолковы.

— Чѣмъ-съ? Чѣмъ я безтолковъ?

— Да что же это вы намъ открываете новости по кашлѣ?

— Чѣмъ же я безтолковѣе васъ, которыя мнѣ и по кашлѣ не открыли, что вы этого не знаете?

— Откуда же мы могли это знать?

— А развѣ онъ не писалъ объ этомъ Ларисѣ Платоновнѣ?

— Ничего онъ не писалъ ей.

— Ну, а я почему могъ это знать?

— Но вы, Филетеръ Ивановичъ, шутите это или правду говорите, что онъ ѣдетъ сюда?—спросила серьезно Лариса.

По дорожкѣ, часто сѣменя маленькими погами, шла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, остриженная въ кружокъ и одѣтая въ опрятное ситцевое платье съ фартучкомъ. Въ рукахъ она держала круглый подносъ, и на немъ запечатанное письмо.

Лариса разорвала конвертъ.

— Вы отгадали, это отъ брата,—сказала она, и пробѣжавъ маленькій листокъ, добавила: — все извѣстiе заключается вотъ въ чемъ (она взяла снова письмо и снова его прочитала): «Сестра, я ѣду къ тебѣ; черезъ недѣлю мы увидимся. Приготовь мнѣ мою комнату, я проживу съ мѣсяцъ. ѣду не одинъ, а съ Гор...»

— Не могу дальше прочесть, съ кѣмъ онъ ѣдетъ,—заклчила она, передавая письмо Синтяниной.

— Не прочтете ли вы, Филетеръ Ивановичъ?

Форовъ посмотрѣлъ на указанную ему строчку и, качнувъ отрицательно головой, передалъ письмо Подозерову.

— «Гордановъ»,—прочелъ Подозеровъ, возвращая письмо Ларисѣ.

— Такъ вотъ онъ какъ будетъ называться вашъ рокъ!—воскликнулъ майоръ.

— Филетеръ Ивановичъ, вы несосны,—замѣтила ему съ педовольствiемъ Синтянина, кинувъ взглядъ на немного смущеннаго Подозерова.

— А я говорю только то, что бываетъ, — оправдывался

майоръ: — братья всегда привозятъ жениховъ, какъ мужья сами вводятъ любовниковъ...

— А что это за Гордановъ?—сухо спросила Лариса.

— Я, кажется, немножко знаю его, — отвѣчала Подозеровъ.—Онъ помѣщикъ здѣшней губерніи и нашъ сверстникъ по университету... Я его часто видѣлъ въ домѣ нѣкійхъ господъ Фигуринныхъ, гдѣ я давалъ уроки, а теперь у него здѣсь есть дѣло съ крестьянами о землѣ.

— Фигуринныхъ!—воскликнула Лариса. — Вы видѣли его тамъ? Онъ ихъ знакомый?

— Кажется, даже родственникъ.

— Интересный господинъ? — полюбопытствовала Синтянина.

— М-ммъ! Какъ вамъ сказать...

Подозеровъ, казалось, что-то хотѣлъ сказать нехорошее о названномъ лицѣ, но перемѣнилъ что-то и отвѣтилъ:

— Не знаю, право, мы съ нимъ какъ-то не сладились.

— А вы кого же у Фигуринныхъ учили?

— Тамъ были мальчикъ Петръ и дѣвочки Наташа и Алина.

— А вы эту Алину учили?

— Да; она уже была великонька, по я ее училъ.

— Хороша она?

— Нѣтъ.

— Умна?

— Не думаю.

— Добра?

— Господь ее знаетъ, дѣвушки, вѣдь, почти всѣ кажутся добрыми. У малороссіянъ есть присловье, что будто даже «всѣ панночки добры».

— «А только откуда-то поганья жинки берутся?» — закончилъ Форовъ.

— Эта Алина теперь жена моего брата.

— Въ такомъ случаѣ малороссійское присловье прочь.

— Лариса, взгляни, — перебила дрогнувшимъ голосомъ Синтянина, глядя на ту дорожку, по которой недавно дѣвочка принесла письмо отъ Висленева.

Лариса обернулась.

— Что тамъ такое?

Синтянина блѣднѣла и не отвѣчала.

По длинной дорожкѣ отъ входныхъ воротъ шель высокій,

статный мужчина. Онъ былъ въ легкомъ, сіромъ пиджакѣ и маленькой соломенной шляпѣ, а черезъ плечо у него висѣла щегольская дорожная сумочка. Сзади его въ двухъ шагахъ сѣменила давшняя дѣвочка, у которой теперь въ рукахъ былъ большой портфель.

— Братъ!.. Иосафъ!.. Каковъ сюрпризъ!—вскрикнула Лариса, ступая съ качелей на землю.

И съ этимъ она рванулась быстрыми шагами впередъ и побѣжала навстрѣчу брату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Безъ содержанія.

Въ наружности Иосафа Висленева не было ни малѣйшаго сходства съ сестрой: онъ былъ блондинъ съ голубыми глазами и очень маленькимъ носомъ. Лицо его нельзя было назвать некрасивымъ и неприятнымъ, оно было открыто и даже довольно весело, но на немъ постоянно блуждала неумовимая тѣнь тревоги и печали.

Лариса встрѣтилась съ братомъ на половинѣ дорожки, они обнялись и поцѣловались.

— Ты не ждала меня такъ скоро, Лара?—заговорилъ Висленевъ.

— То-есть я ждала тебя, Жозефъ, но не сегодня; я только сейчасъ получила твое письмо, что ты въ Москвѣ и ѣдешь сюда съ какимъ-то твоимъ товарищемъ.

— Да, съ Гордановымъ.

— Онъ здѣсь съ тобой?

Лариса оглядѣла дорожку.

— Да, онъ здѣсь, то есть здѣсь въ городѣ, мы вмѣстѣ пріѣхали, но онъ остановился въ гостиницѣ. Я самъ не думалъ быть сюда такъ скоро; но случайныя обстоятельства выгнали насъ изъ Москвы раньше, чѣмъ мы собирались. Ты, однако, не будешь на меня сердиться, что я такъ сюрпризомъ къ тебѣ нагрянулъ?

— Помилуй, что ты!

— Ну да, а я, видишь ли, въ виду этой скоростежности, расчелъ, что мы застанемъ тебя врасплохъ, и потому не пригласилъ Горданова остановиться у насъ.

— Напрасно, я не бываю врасплохъ, и твоему гостю нашлось бы мѣсто.

— Ну, все равно; онъ не захотѣлъ ни стѣснять насъ, ни

самъ стѣсняться, да тѣмъ и лучше: у него дѣла съ крестьянами... нужно будетъ принимать разныхъ людей... Не удобно это!

— А по крестьянскимъ дѣламъ самый вліятельный чело-вѣкъ теперь здѣсь мой добрый знакомый.

— Кто?

— Подозеровъ, твой товарищъ.

— А-а! Я было совсѣмъ потерялъ его изъ виду, а онъ здѣсь; вотъ что значить долго не переписываться.

Висленевъ чуть замѣтно поморщился и отеръ лобъ платкомъ.

— Подозеровъ кстати и теперь у меня,—продолжала Лариса. — Пойдемъ туда или сюда, показала она сначала на домъ, а потомъ на конецъ сада, гдѣ оставались гости.

— Да,—встрепенулся братъ.—У тебя гости, мнѣ это сказала дѣвочка, я потому и не велѣлъ тебя звать, а пошелъ сюда самъ. Я уже умылся въ гостиницѣ и на первый разъ, кажется, настолько опрятенъ, что въ качествѣ дорожнаго чело-вѣка могу представиться твоимъ знакомымъ.

— О, да, конечно! тѣмъ болѣе, что это и не гости, а мои друзья: тутъ Форовы. Сегодня день рожденія дяди.

— Ахъ, здѣсь безцѣнный Филетеръ Иваичъ,—весело перебрлъ Висленевъ.—А еще кто?

— Жена его и Alexandrine Синянина.

— И она здѣсь?

Висленевъ всмихнулъ на минуту и тотчасъ же весело проговорилъ:

— Вотъ еще интереснѣйшая встрѣча!

— Ты долженъ былъ знать, что ты ее здѣсь встрѣтишь.

— Представь, что это-то у меня и изъ ума вонъ вышло. Да, впрочемъ, что же такое!

— Разумѣется, ничего.

— Много немножко сразу: отставная дружба и измѣнившая любовь, но все равно! А еще кто такой здѣсь у тебя?

— Больше никого.

— Ну, и прекрасно. Пойдемъ. Возьми вотъ только мой портфель: здѣсь деньги и бумаги, и потому я не хотѣлъ его тамъ безъ себя оставить.

Лариса приняла изъ рукъ дѣвочки портфель, и они, взявшись съ братомъ подъ руку, пошли къ оставшимся гостямъ.

Здѣсь между тѣмъ хранилось мертвое молчаніе.

Форовъ, жена его, Подозеровъ и Синтянина—всѣ четверо теперь сидѣли рядомъ на скамейкѣ и, за исключеніемъ майора, который снова читалъ, всѣ, не сводя глазъ, смотрѣли на встрѣчу брата съ сестрой. Катерина Астафьевна держала въ своей рукѣ стынущую руку генеральши и постоянно ее пожимала. Синтянина это чувствовала и два отвѣчала легкимъ благодарнымъ пожатіемъ.

Братъ и сестра Висленевы подходили.

Катерина Астафьевна въ это время взяла изъ рукъ мужа книгу, кинула ее въ траву, а сама тихо шеннула на ухо Синтяниной: «Сама...»

— Ничего,—проговорила также шопотомъ Синтянина:—теперь все прошло.—Сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, она вызвала на лицо улыбку и весело воскликнула на встрѣчу Висленева:—Здравствуйте, Юсафъ Платоновичъ!

Гость неспѣшно подошелъ, съ достоинствомъ снялъ свою шляпу и поклонился всѣмъ общимъ поклономъ.

— Я васъ первая привѣтствую и первая протягиваю вамъ руку,—проговорила Синтянина.

Форова почувствовала въ эту минуту, что вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ другая рука генеральши мгновенно согрѣлась.

Висленевъ, очевидно, не ждалъ такого привѣтствія; онъ ждалъ чего-нибудь совсѣмъ въ другомъ родѣ: онъ ждалъ со стороны отступницы смущенія, но ничего подобнаго не встрѣтилъ. Конечно, онъ и теперь замѣтилъ въ ней небольшую тревогу, которой Александра Ивановна совсѣмъ скрыть не могла, но эта тревога такъ смѣла, и Александра Ивановна, повидимому, покушается взять надъ нимъ верхъ.

Висленевъ рѣшилъ тотчасъ же отнарировать это покушеніе, но сдѣлалъ неосторожность.

Едва намѣревался онъ, подавъ Синтяниной руку, поразить ее холодностію взгляда, она посмотрѣла ему въ упоръ и весело воскликнула:

— Однако, какъ же вы быстро умѣли перемѣниться. Почти узнать нельзя!

Висленеву это показалось даже смѣшно, и онъ рѣшилъ не сердиться, а отшучиваться.

— Я думаю, я измѣнился какъ и всѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Пу, нѣтъ, вы больше всѣхъ другихъ, кого я давно не видала.

— Вамъ незамѣтно, а вы и сами тоже измѣнились и...

— Ну, да,—быстро перебила его на полусловѣ генеральна:—конечно, года идутъ и для меня, но между тѣмъ меня еще до сей поры никто не звалъ старухой, вы развѣ первый будете такъ нелюбезны?

— Помилуй Богъ! — отвѣчать, разсмѣявшись, Висленевъ. — Я пораженъ, оставивъ здѣсь васъ скромнымъ ландшафтомъ и видя васъ теперь на томъ же самомъ мѣстѣ...

— Не скажете ли пышною лиліей?

— Почти. Но вотъ кто совсѣмъ не измѣняется, такъ это Филетеръ Ивановичъ!—обратился Висленевъ къ майору. — Здравствуйте, мой «грубый материалистъ»!

Они поцѣловались.

— Ничего не перемѣнилось! Только носъ развѣ немножко покраснѣлъ,—воскликнулъ, снова обозрѣвая майора, Висленевъ.

— Носъ красенъ отъ того, что у меня насморкъ вѣчный, какъ вѣчный жидь,—отвѣчалъ Форовъ.

— А вамъ сегодня сколько стукнуло?

— Да пятьдесятъ два, девять мѣсяцевъ.

— Девять мѣсяцевъ? Ахъ да, у васъ вѣдь особый счетъ.

— Конечно, какъ слѣдуетъ.

— А дѣти у васъ есть?

— Не знаю, но очень можетъ быть, что и есть.

— И опять все вретъ,—замѣтила жена.

Висленевъ подалъ руку Катеринѣ Астафьевнѣ.

— Васъ, тетушка, я думаю, можно и поцѣловать?

— Если тебѣ, милый другъ, не противно, сдѣлай мнѣ милость, поцѣлуйтея.

Висленевъ и Катерина Астафьевна три раза поцѣловались.

— Вы перемѣнились, но немного.

— Какъ видишь, все толстѣю.

Иосафъ Платоновичъ обернулся къ Подозерову, протянулъ и ему руку, и, принявъ серьезную мину, посмотрѣлъ на него молча ласковымъ, снисходительнымъ взглядомъ.

— Вы много измѣнились,—сказалъ Висленевъ, удерживая его руку въ своей рукѣ.

— Да, всё старѣемъ,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— «Старѣемъ!»! Рано бы еще старѣть-то!

— Ну, нѣтъ, пожалуй, и пора.

— Вотъ и пора! чуть стукнетъ тридцать лѣтъ, какъ мы ужъ и считаемъ, что мы старѣемъ. Вамъ вѣдь, я думаю, лѣтъ тридцать пять, не больше?

— Мнѣ тридцать два.

— Изволите ли видѣть, вѣкъ какой! Вонъ у васъ уже виски сѣдые. А у меня будетъ къ вамъ просьба.

— Очень радъ служить.

— То-есть еще и не своя, а пріятеля моего, съ которымъ я пріѣхалъ, Павла Николаевича Горданова: съ нимъ по лѣности его стряслось что-то такое вопіющее. Онъ чортъ знаетъ что съ собой надѣлалъ: онъ, знаете, пока шли всё эти пертурбаціи, нигилистичанье и всякая штука, онъ за-глаза надавалъ мужикамъ самыя глупыя согласія на земельныя разверстки, и такъ разверстался, что имѣніе теперь гроша не стоитъ. Вы вѣдь, надѣюсь, не принадлежите къ числу тѣхъ, для которыхъ лапотъ всегда правъ предъ Сотникомъ?

— Рѣшительно не принадлежу.

— Вы за крупное землевладѣніе?

— Ни за крупное, ни за дробное, а за законное,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы наша опора! Вы позволите намъ побывать у васъ на-дняхъ?

— Сдѣлайте милость, я дома каждое утро до одиннадцати часовъ.

— Впрочемъ... сестра!—обратился Висленевъ къ Ларисѣ, удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова, — теперь всего вѣдь семь часовъ, не позволите ли попросить тебя велѣть приготовить что-нибудь часамъ къ одиннадцати?

— Охотно, братъ, охотно.

Въ это время они прошли весь садъ и стояли у террасы.

— Право, — продолжалъ Висленевъ: — что-нибудь такое, что Богъ послалъ, что напомнило бы святой обычай старины. Можно?

Лариса кивнула въ знакъ согласія головою:

— И очень рада.

— Такъ вотъ, Андрей Ивановичъ,—отнесся Висленевъ къ

Подозерову:—теперь часочекъ я приберусь, сдѣлаю кое-какъ мой туалетъ, оправлюсь и привезу съ собой моего пріятеля,—онъ тутъ сирота, а къ десяти часамъ позвольте васъ просить придти побесѣдовать, вспомнить старину и выпить рюмку вина за упокой прошлаго и за многія лѣта грядущаго.

— Отъ такихъ приглашеній, Иосафъ Платоновичъ, не отказываются,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Вашу руку! — и Висленевъ, взявъ руку Подозерова, крѣпко сжалъ ее въ своей рукѣ и сказалъ:—«До свиданія».

Всѣмъ остальнымъ гостямъ онъ поклонился общимъ поклономъ, и тоже отъ всѣхъ взявъ слово вечеромъ придти къ Ларисѣ на ужинъ.

Гости ушли.

Висленевъ, взоидя съ сестрою и теткою въ домъ, направился прямо въ свой кабинетъ, гдѣ еще разъ умылся и переодѣлся, прихлебывая наскоро поданный ему сюда чай,— и послалъ за извозчикомъ.

— Братъ! — сказала ему Лариса, когда онъ вышелъ въ залъ и оправлялся передъ большимъ зеркаломъ: — не давай знать Бодростиной, что ты пріѣхалъ?

— Кому это? Глафирѣ Васильевнѣ!

— Да.

— Что ты это! Зачѣмъ?

— Да, можетъ-быть, и она захотѣла бы пріѣхать?

— Богъ съ ней совсѣмъ!

— За что же это?

— Да такъ; на что она здѣсь?

— Она очень умная и пріятная женщина.

— Ну, мнѣ она вовсе не пріятная,—пробурчалъ Висленевъ, обтягивая воротникъ рубашки.

— А непріятна, такъ и не надо, но только какъ бы она сама не заѣхала.

— Будетъ предосадно.

— И еще вотъ что, Жозефъ: ты позвалъ вечеромъ Сиптянину?

— Кажется... да.

— Нѣтъ, навѣрное да. Такъ зайди же къ нимъ, позови генерала Ивана Демьяныча.

Висленевъ оборотился къ сестрѣ и сморщился.

— Что такое?—проговорила Лариса.

— Такъ, знаешь, тамъ доносомъ пахнетъ,—отвѣчалъ Висленевъ.

Лариса вспыхнула и нетерпѣливо сказала:

— Полно, пожалуйста: мы объ этомъ никогда не говоримъ и не знаемъ; а Александриша... такая прекрасная женщина...

— Но дѣло-то въ томъ, что если вы чего не знаете, то я это знаю!—говорилъ, смѣясь, Висленевъ.—Знаю, дружокъ, Ларушка, все знаю, знаю даже и то, *какая* прекрасная женщина эта Александра Ивановна.

Лариса промолчала.

— Да, сестра,—говорилъ онъ, наклонивъ къ Ларисѣ голову и приподнявъ на вискѣ волосы: — здѣсь тоже въ мои тридцать лѣтъ есть серебряныя нити, и ихъ выприала эта прекрасная бѣлая ручка этой прекрасной Александры Ивановны... Такъ ужъ предоставь *мнѣ* лучше васъ знать эту Александру Ивановну,—заключилъ онъ, ударивъ себя пальцемъ въ грудь, и затѣмъ еще разъ сжалъ сестрину руку и уфхаль.

Лариса глядѣла ему вслѣдъ.

«Все тотъ же самый! — подумала она: — даже десять разъ повторяетъ, что ему тридцать лѣтъ, когда ему ужъ тридцать пятый! Бѣдный, бѣдный человекъ!»

Она вздохнула и пошла распорядиться своимъ хозяйствомъ и туалетомъ къ встрѣчѣ прїѣзжаго гостя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На всѣ ноги кованъ.

Павель Николаевичъ Гордановъ, котораго Висленевъ называлъ «сиротою», не терпѣлъ никакихъ недостатковъ въ своемъ временномъ помѣщеніи. Древняя худая слава губернскихъ пристанищъ для проѣзжающихъ теперь уже почти повсемѣстно напраслипа. Въ большинствѣ сколько-нибудь замѣтныхъ русскихъ городовъ почти всегда можно найти не только чистый номеръ, но даже можно получить цѣлый «ложементъ», въ которомъ вполне удобно задать обѣдъ на десять человекъ и вечерокъ на нѣсколько карточныхъ столовъ.

Такой ложементъ изъ трехъ комнатъ съ передней и ванной, и съ особымъ ходомъ изъ особыхъ сѣней занялъ и

Павель Николаевичъ Гордановъ. Съ него спросили за это десять рублей въ сутки,—онъ не поторговался и взять помященіе. Эта щедрость сразу дала Горданову вѣсь и приобрѣла ему почтеніе хозяина и слугъ.

Павель Николаевичъ на первыхъ же порахъ объявилъ, что онъ будетъ жить здѣсь не менѣе двухъ мѣсяцевъ, договорилъ себѣ у содержателя гостиницы особаго слугу, самаго представительнаго и расторопнаго изо всего гостиничнаго штата, лучшей экипажъ съ кучеромъ и парюю лошадей,—однимъ словомъ, сразу сталъ не на обыкновенную погу дюжиннаго прѣзжающаго, а былъ рѣдкимъ и дорогимъ гостемъ. Его огромные юфтовые чемоданы, строченные цвѣтнымъ шелкомъ и изукрашенные нейзильберными вшитями и бляхами съ именемъ Горданова; его гардеробъ, обширный какъ у актрисы; батистовое бѣлье; громадныя портфели и несесеры, надъ разборомъ которыхъ отряженный ему слуга хлопоталъ цѣлый часъ, проведенный Висленевымъ у сестры, все это увеличивало обаяніе, произведенное прѣзжимъ.

Черезъ часъ послѣ своего прѣзда, Павель Николаевичъ, освѣжившись въ прохладной ваннѣ, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ предъ дорожнымъ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, и чистилъ костянымъ копыецомъ ногти.

Гордановъ вообще человѣкъ не особенно представительный: онъ не высокъ ростомъ, плечистъ, но не толстъ, ему тридцать лѣтъ отъ роду и столько же и по виду; у него правильный, тонкій носъ; высокіи, замѣчательно хорошо развитый смѣлый лобъ; черныя глаза, большіе, бархатные, совсѣмъ безъ блеска, очень смышленные и смѣлые. Уста у него свѣжія, очерченныя тонко и обрамленныя небольшими усами, сходящимися у угловъ губъ съ небольшою черною бородкой. Кисти ослѣпительно бѣлыхъ рукъ его малы и находятся въ нѣкоторой дисгармоніи съ крѣпкими и сильно развитыми мышцами верхней части. Говоритъ онъ голосомъ ровнымъ и спокойнымъ, хотя лѣвая щека его слегка подергивается не только при противорѣчіяхъ, но даже при малѣйшемъ обнаруженіи непонятливости со стороны того, къ кому относится его рѣчь.

— Человѣкъ! какъ васъ зовутъ? — спросилъ онъ своего новаго слугу послѣ того, какъ, выкупавшись и умывшись, сѣлъ предъ зеркаломъ.

— Ефимъ Ѳедоровъ, ваше сіятельство, — отвѣчалъ ему лакей, униженно сгибаясь предъ нимъ.

— Во-первыхъ, я васъ совѣмъ не спрашиваю, Ѳедоровъ вы или Степановъ, а во-вторыхъ, вы не смѣйте меня называть «вашимъ сіятельствомъ». Слышите?

— Слушаю-сь.

— Меня зовутъ Павелъ Николаевичъ.

— Слушаю-сь, Павелъ Николаевичъ.

— Вы всѣхъ знаете здѣсь въ городѣ?

— Какъ вамъ смѣю доложить... городъ большой.

— Вы знаете Бодростинныхъ?

— Помилуйте-сь, — отвѣчалъ, сконфузясь, лакей.

— Что это значитъ?

— Какъ же не знать-сь: предводитель!

— Узнайте мнѣ: Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ здѣсь въ городѣ или нѣтъ?

— Навѣрное вамъ смѣю доложить, что ихъ здѣсь нѣтъ, — они вчера уѣхали въ деревню-сь.

— Въ Рыбецкое?

— Такъ точно-сь.

— Вы это навѣрно знаете?

— У насъ здѣсь на дворѣ почтовая станція: вчера они изволили уѣхать на почтовыхъ.

— Все равно: узнайте мнѣ, одинъ онъ уѣхалъ или съ женой?

— Супруга ихъ, Глафира Васильевна, здѣсь-сь. Онѣ, небольшое часу тому назадъ, изволили проѣхать здѣсь въ коляскѣ.

Гордановъ лѣниво всталъ, подошелъ къ столу, на которомъ былъ разставленъ щегольской письменный приборъ, взялъ листокъ бумаги и написалъ: «Я здѣсь къ твоимъ услугамъ: сообщи, когда и гдѣ могу тебя видѣть».

Запечатавъ это письмо, онъ положилъ его подъ обложку красиво переплетенной маленькой книжечки, завернулъ ее въ бумагу, снова запечаталъ и велѣлъ лакею отнести Бодростинной. Затѣмъ, когда слуга исчезъ, Гордановъ сѣлъ предъ зеркаломъ, развернулъ свой бумажникъ, пересчиталъ деньги и, сморщивъ съ неудовольствіемъ лобъ, долго сидѣлъ, водя въ раздумьи длинною ручкой черепаховой гребенки по чистому, серебристому пробору своихъ волосъ.

Въ это время въ дверь слегка постучали.

Гордановъ отбросилъ въ сторону бумажникъ и, не поворачиваясь на стулѣ, крикнулъ:

— Войдите!

Ему видно было въ зеркало, что вошелъ Висленевъ.

— Фу, фу, фу,—заговорилъ Юсафъ Платоновичъ, бросая на одинъ стулъ пальто, на другой шляпу, на третій пальку.— Ты уже совсѣмъ устроился?

— Какъ видишь, сижу на мѣстѣ.

— Въ полномъ нарядѣ и добромъ здоровьи!

— Даже и въ полномъ нарядѣ, если бѣлье по-твоему составляетъ для меня полный нарядъ,—отвѣчала Гордановъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я думалъ, что ты не разобрался.

— Разсказывай лучше, что ты засталъ тамъ у себя и что твоя сестра?

— Сестра еще похорошѣла.

— То была хороша, а теперь еще похорошѣла?

— Красавица, братъ, просто волшебная красавица!

— Наше мѣсто свято! Ты меня до крайности интересуешь похвалами ея красотѣ.

— И не забудь, что вѣдь нимало не преувеличиваю.

— Ну, а твоя, или *ci-dévant* твоя генеральша... коварная твоя измѣнница?

— Ну, та ужъ видъ вальяжный имѣеть, но тоже, чортъ се возьми, хороша о сю пору.

— За что же ты ее чорту-то предлагаешь? Разскажи же, какъ вы увидѣлись, оба были смущены и долго молчали, а потомъ...

— И тѣни ничего подобнаго не было.

— Ну, ты непремѣнно, чай, предъ ней балеть протанцовалъ, дескать: «ничтожество вамъ ими», а она тебѣ за это стречка по носу?

— Представь, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ это было почти такъ.

— Ну, а она что же?

— Вообрази, что ни въ одномъ глазу: шутить и смѣется.

— Въ любви клянется и измѣняетъ тутъ же шутя?

— Ну, этого я не сказалъ.

— Да этого и я не сказалъ; а это изъ *Марты*, что ли,— не помню. А ты за которой же намѣренъ прежде прударить?

Висленевъ взглянулъ на пріятеля недоумѣвающимъ взглядомъ и переспросилъ:

— То-есть какъ за которою?

— То-есть за которою изъ двухъ?

— Позволь, однако, любезный другъ, тебѣ замѣтить, что вѣдь одна изъ этихъ двухъ, о которыхъ ты говоришь, мнѣ родная сестра!

— Тьфу, прости, пожалуйста, — отвѣчалъ Павелъ Пиколоевичъ: — ты меня съ ума сводишь всѣми твоими разсказами о красотѣ, и я, растерявшись, горожу вздоръ. Извини, пожалуйста: а ужъ эту послѣднюю глупость я ставлю на твой счетъ.

— Можешь ставить ихъ на мой счетъ сколько угодно, а что касается до ухаживанья, то, нѣтъ, братъ, я ни за кѣмъ: я, братецъ, тонъ держалъ, да, серьезный тонъ. Тамъ цѣлое общество я засталъ: тетка, ея мужъ, чудакъ, антикъ, нигилистъ чистой расы...

— Скажи, пожалуйста! а здѣсь и они еще водятся?

Висленевъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ:

— А отчего же имъ не быть здѣсь? Желѣзные дороги... Да ты постой... вѣдь ты его долженъ знать.

— Откуда и почему я это долженъ?

— А помнишь онъ съ Бодростинымъ-то пріѣзжалъ въ Петербургъ, когда Бодростинъ женился на Глафирѣ? Такой... бурбонъ немножко!

— Носъ съ красниной?

— Да, на нутро немножко принимаетъ.

— Ну, помню: какъ бишь его фамилія?

— Форовъ.

— Да, Форовъ, Форовъ, — меня всегда удивляла этимологія этой фамиліи. Ну, а еще кто же тамъ у твоей сестры?

— Одинъ очень полезный намъ человекъ.

— *Намъ?*—удивился Гордановъ.

— Да; то-есть тебѣ, самый вліятельный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, нѣкто Подозеровъ. Этого, я думаю, ты ужъ совсѣмъ живо помнишь?

— Подозеровъ?.. я его помню? Откуда и какъ: расскажи, сдѣлай милость.

— Господи! Чтò ты за притворщикъ!

— Во-первыхъ, ты знаешь, я все и всёхъ позабываю. Газсказывай: что, какъ, гдѣ и почему я зналъ его?

— Изволь: я только не хотѣлъ напоминать тебѣ не-приятной исторіи: этотъ Подозеровъ, когда всё мы были на четвертомъ курсѣ, былъ распорядителемъ въ воскресной школѣ.

Гордановъ спокойно произнесъ вопросительнымъ тономъ:

— Да?

— Ну да, и... ты, конечно, помнишь все остальное?

— Ничего я не помню.

— Исторія въ Ефремовскомъ трактирѣ?

— И никакой такой исторіи не помню, — холодно отвѣ-
чалъ Гордановъ, прибирая волосокъ къ волоску въ своей
бородѣ.

— Такъ я тебѣ ее напомню.

— Сдѣлай милость.

— Мы зашли туда всё вчетверомъ: ты, я, Подозеровъ
и Форовъ, прямо съ Бодростинской свадьбы, и ты хотѣлъ,
чтобы былъ выпить тостъ за какое-то родимое пятно на
плечѣ или подъ илечомъ Глафиры Васильевны.

— Ты, другъ любезный, просто лжешь на меня; я же
дуракъ и не могу объявлять такихъ тостовъ.

— Да; ты не объявлялъ, но ты шеннулъ мнѣ на ухо, а
я сказалъ:

— Ахъ ты сказалъ... это иное дѣло! Ты, вѣдь, тоже
тогда на утро бралъ, тебѣ вѣрно и послышалось, что я
шенталъ. Ну, а что же дальше? Онъ, кажется, тебя побилъ,
что ли?

— Ну, вотъ ужъ и побилъ! ничего подобнаго не было,
но онъ заставилъ меня сознаться, что я не имѣю права
поднимать такого тоста.

— Однако, онъ, значить, мужчина молодецъ! Ну, ты,
конечно, и сознался?

— Да; по твоему же настоянію и сознался: ты же уго-
ворилъ меня, что надо беречь себя для дѣла, а не ссо-
риться изъ-за женщинъ.

— Скажи, пожалуйста: какъ это я ничего этого не помню?

— Ну, полно врать: помнишь! Прекрасно ты все по-
мнишь! Еще по твоему же совѣту... ты же сказалъ, что ты
понимаешь одну только такую дуэль, по которой против-
никъ будетъ навѣрняка убитъ. Что, не твои это слова?

— Ну, безъ допроса,—что же дальше?

— Пустили слухъ, что онъ доносчикъ.

— Ничего подобнаго не помню.

— Ты, Павелъ Николаичъ, лжешь! это всё въ мірѣ знаютъ.

— Ну, да, да, Иосафъ Платонычъ, непремѣнно «всѣ въ мірѣ», вы меньшею мѣрой не мѣряете! Ну, и валяй теперь, сынь весь свой дикціонеръ: «всякую штуку», «батеньку» и «голубушку»... Эхъ, любезный другъ! сколько мнѣ разъ тебѣ повторять: отучайся ты отъ этого поганнаго нигилистическаго жаргона. Теперь настало время, что съ порядочными людьми надо знаться.

— Ну, такъ просто: *всѣ знаютъ*.

— Ошибаешься, и далеко не всѣ: вотъ здѣшній лакей, знающій здѣсь всякую тварь, ничего мнѣ не доложилъ объ этакомъ Подозеровѣ, но вотъ въ чемъ дѣло: ты тамъ не того?..

— Что такое?

— Балетъ-то танцевалъ, а, надѣюсь, не раскрывался бутономъ?

— То-есть въ чемъ же, на какой предметъ, и о чемъ я могу откровенничать? Ты, вѣдь, чортъ знаетъ, зачѣмъ меня схватилъ и привезъ сюда; я и самъ путемъ ничего иного не знаю, кромѣ того, что у тебя дѣло съ крестьянами.

— И ты этого, надѣюсь, не сказалъ?

— Нѣтъ, это-то, положимъ, я сказалъ, но сказалъ умно: я закинулъ только слово.

Гордановъ бросилъ на него бархатный взглядъ, обдававшій трауромъ, и внятно, отбивая каждое слово отъ слова, протянулъ:

— Ты это сказалъ? Ты, милый, умешь какъ дьяконъ Семень, который книги продалъ, да карты купилъ. И ты претендуешь, что я съ тобой не откровененъ. Ты досадуешь на свою второстепенную роль. Играй, дружокъ, первую, если умѣешь.

— Паша, я вѣдь не знаю, въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ истинѣ, изреченной въ твоей дѣтской прописи: «истинный способъ быть богатымъ состоитъ въ умѣреніи нашихъ желаній». Не желай ничего знать болѣе того, что тебѣ надо дѣлать въ данную минуту.

— Позволь, голубушка, — отвѣчалъ Висленевъ, перека-

тывая въ рукахъ жемчужину булавки Горданова.—Я тебя очень долго слушалъ.

— И всегда на этомъ выигрывалъ.

— Кромѣ одного раза.

— Какого?

— Моей женитьбы.

— Что же такое? и тутъ, кажется, обмана не было: ты бралъ жену во имя принца. Спасъ женщину отъ родительской власти.

— То-то, что все это вышло вздоръ: не отъ чего ее было спасать.

— Ну, вѣдь, я же не могъ этого знать! Да и что ты отъ этого потерялъ, что походилъ вокругъ аналоя? Гиль!

— Да, очень тебѣ благодаренъ! Я и самъ когда-то такъ рассуждалъ, а теперь не рассуждаю, и знаю, что это содержание требуетъ.

— Ну, вотъ видишь, зато у тебя есть одинъ лишній опытъ.

— Да, шути-ка ты «опытъ». Запрягся бы ты самъ въ такой опытъ?

— Ты очень добръ ко мнѣ. Я, братъ, всегда сознавался, что я предъ тобою нуль въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нужно полное презрѣніе къ преданію: но, вѣдь, зато ты и былъ вождь, и пользовался и уваженіемъ и славой, тобою заслуженными, и я тебѣ не завидовалъ.

— Ахъ, оставь, пожалуйста, Павелъ Николаичъ, мнѣ вовсе не весело.

Гордановъ оборотился къ Висленеву, окинулъ его недовольнымъ взглядомъ и спросилъ:

— Это еще что такое значить? Чѣмъ ты недовольна, злополучная тѣнь, и чего еще жаждешь?

— Да что жъ ты шутишь?

— Скажите, пожалуйста! А чего бы мнѣ плакать?

— Не плачь, но и не злорадствуй. Что тамъ за опытъ я получилъ въ моей женитьбѣ? Не новость, положимъ, что мои жена меня не любитъ, а любить другого, но... то, что...

— Ну, а что же новость?

— Что?— крикнулъ Висленевъ.— А то, что она любить чортъ знаетъ кого, да и его не любить.

— А тебѣ какое дѣло?

— Она любитъ ростовщика, процентщика.

— А тебѣ, повторяю, какое до этого дѣло?

— Какое дѣло? такое, что это подлость... тѣмъ болѣе, что она и его не любить!

— Такъ что же ты за него, что ли, обижаешься?

— За кого?

— За Тихона Ларионовича?

— О чертъ бы его побралъ! еще имя этого проклятаго здѣсь нужно.

— Шутъ ты, — сказала мягко Гордановъ и, вставъ, началъ одѣваться. — Шутъ и болѣе ничего! Какое тебѣ до всего этого дѣло?

— Ахъ, вотъ покорно васъ благодарю: новый министръ юстиціи явился и разсудилъ! Что мнѣ за дѣло? А имя мое, и вѣдь всѣ знаютъ, а дѣти, чертъ ихъ возьми, а дѣти... Они «Висленевы», а не жида Кишенскіе.

— Скажите, какая важная фамилія: «Висленевъ!» Фу, чертъ возьми! Да имъ же лучше, что они не будутъ такіе сумасшедшіе, какъ ты! Ты бы еще радовался, что она не на твоей шеѣ, а еще тебѣ же помогала.

Висленевъ не отвѣчалъ и досадливо кусалъ ногти. Гордановъ продолжалъ одѣваться: въ комнатѣ минутъ пять продолжалось молчаніе.

— Ты ему сколько долженъ, Кишенскому-то?

Висленевъ промолчалъ.

— Да что же ты это на меня, значить, серднишься за то, что женился не хорошо, или за то, что много долженъ?

Висленевъ опять промолчалъ.

— Вотъ престрапная, ей-Богу, порода людей! — заговорилъ, позывывая предъ зеркаломъ галстукъ, Гордановъ: — что только по ихнему желанію ни случится, всѣмъ они сами же первые сейчасъ недовольны. Захотѣлъ Иосафъ Платоновичъ быть вождемъ политической партіи, — былъ, и не доволенъ: подчиненные не слушаются; захотѣлъ показать, что для него бракъ гиль, — и женился для другихъ, то-есть для жены, и объ этомъ теперь скорбитъ; брезговалъ собственностью, коммуны заводилъ, а теперь душа не споситъ, что карманъ топъ; займы ему человекъ тысяченокъ десятокъ далъ, теперь, зачѣмъ онъ далъ? поблагородничалъ, сестрѣ свою часть подарилъ, и объ этомъ нынче во всю грудь провздыхалъ: зачѣмъ не на общее дѣло отдалъ, зачѣмъ не бѣднымъ роздалъ? зачѣмъ не себѣ взялъ?

— Ну, извищи, пожалуйста: послѣдняго я никогда не говорилъ.

— Ну полно, братъ Жозефъ, я вѣдь давно читаю тебѣ насквозь. А ты скажи, что это у васъ родовое, что ли? И сестра твоя такая?

— Оставь мою сестру; а читать меня не мудрено, потому что въ такихъ каторжныхъ сплетеніяхъ, въ какихъ я, конечно, пожалѣешь о всякомъ грошѣ, который когда-нибудь употреблялъ легкомысленно.

— Ну, вотъ то-то и есть!

— Да, но все-таки, я, конечно, ужъ, если за что на себя не сѣтую, такъ это за то, что исполнилъ кое-какъ свой долгъ по отношенію къ сестрѣ. Да и печего о томъ разговаривать, что уже сдѣлано и не можетъ быть передѣлано.

— Отчего же не можетъ быть передѣлано? даръ дарится и возвращается.

— Какой вздоръ.

— Не смѣй, Юсафушка, закона называть вздоромъ.

— И неужто ты думаешь, что я когда-нибудь прибѣгнулъ бы къ такому средству?

— Ни за что не думаю.

— Очень тебѣ благодаренъ хоть за это. Я нимало не сожалѣю о томъ, что я отдалъ сестрѣ, но только я охотно сбѣжалъ бы со свѣта отъ всѣхъ моихъ дѣлъ.

— Да куда, странничекъ, бѣжать-то? Это очень замысловатая штука! въ полѣ холодно, въ лѣсу голодно. Нѣтъ, милое дитя мое, Юсафъ Платонычъ, не надо отъ людей отбиваться, а надо къ людямъ прибиваться. Денежка, мой другъ, трудъ любить, а мы съ тобой себѣ-то хотя, давай, не будемъ лгать: мы, когда надо было учиться, свистѣли; когда пора была грошъ на маленькомъ мѣстѣ имѣть, сами разными силами начальствовали; а вотъ лѣто-то все пролѣвши къ осени-то и жутко становится.

— Ахъ, жутко, Польша, жутко!

— То-то и есть, но нечего же и головы вѣшать. Съ азбуки намъ уже начинать поздно, служба только на кусокъ хлѣба дастъ, а люди на нашихъ глазахъ миллионы составляютъ; и дураковъ, надо уповать, еще и па насъ вѣкъ хватить. Бабы-то наши вонъ раньше насъ за умъ взялись, и посмотри-ко ты, напримѣръ, теперь на Бодростину... Та ли это Бодростина, что была Глаша Акатова, которая, въ

дни нашей глупости, съ нами ради принципа питалась снитымъ молокомъ? Нѣтъ! это не та!

— И какъ она въ свою роль вошла! говорятъ, совсѣмъ природная дюшесса, герцогиня.

— Да и удивляться нечего; а почему? А потому что есть царь въ головѣ. Чего ей не быть дюшессой? Она всѣмъ сумѣла бы быть. Вотъ это-то и надо имѣть въ умѣ такимъ людямъ, какъ мы съ тобой, которые ворчали, что дѣлать состояніе будто бы «противно природѣ». Кто идетъ въ лѣсъ по малину спустя время, тому одно средство: встрѣтилъ кого съ кузовомъ и отсыпь себѣ въ кузовокъ.

— А что если бы твои эти слова слышалъ бы кто-нибудь посторонній?—спросилъ, щуря глаза и раскачивая ногою, Висленевъ.

— Что-жъ: сказалъ бы, что я подлець?

— Навѣрно.

— И навѣрно совралъ бы; потому что самъ точно такъ же, подлець, думаешь. Ты хочешь быть добръ и честенъ?

— Конечно.

— Такъ будь же прежде богатъ, чтобы было изъ чего добрить и щедрить, а для этого... пересынай, любезный, въ свой кузовъ изъ кузова тѣхъ, отъ кого какъ отъ козла ни шерсти, ни молока. А чтѣ скажутъ?.. Мы съ тобой, почтенный коллега, сбившись съ толку въ столицахъ, пріѣхали сюда дѣла свои пристраивать, а не нервничать, и ты, пожалуйста, здѣсь всѣ свои замашки брось и не хандри, и тоже не поучай, а понимаешь... соглашайся. Время, когда изъ Петербурга можно было наѣзжать въ провинціи съ тѣмъ, чтобы здѣсь пропагандировать да развивать свои теоріи, прошло безвозвратно. Вы, господа «передовые», трунили, что въ Россіи желѣзныхъ дорогъ мало, а желѣзныя дороги вамъ первая помѣха; онѣ надѣлали, что Питеръ совсѣмъ перестаетъ быть оракуломъ, и теперь, пріѣхавъ сюда изъ Петербурга, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развивать, а на то, чтобы кого-нибудь... обирать. Это одно еще пока ново и не заѣзжено.

Висленевъ молчалъ.

— Но только вотъ что худо,—продолжалъ Гордановъ:— когда вы тамъ въ Петербургѣ считали себя разныхъ дѣлъ мастерами, и посылали сюда разныхъ своихъ подмастерьевъ, вы сами позабыли провинцію, а она вѣдь иной разъ по-

хитрѣй Петербурга, и ты этого пожалуйста не забывай. Въ Петербургѣ можно цѣлый вѣкъ, ничего умнаго не сдѣлавши, слыть за умника, а здѣсь... здѣсь тебя всего разберутъ, кожу на тебѣ на живомъ выворотятъ и не поймутъ...

— Да я это сто разъ проводилъ въ моихъ статьяхъ, но ты, съ твоимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, разумѣется, ничего этого не читалъ.

— Напротивъ, я «читалъ, и духомъ возмущился, зачѣмъ читать учился». Ты все развиваешь тамъ, что въ провинціи тебя не поймутъ. Да, любезный другъ, пожалуй что и не поймутъ; но не забудь, что зато непременно разъясняютъ. Провинція, это—волшебница Всевѣда: она до всего доберется. А вы вотъ этого-то именно и не чаете, и оттого въ Петербургѣ свистите, а здѣсь какъ разъ и заревете. Совѣтую тебѣ прежде всего не объявляться ни подъ какою кличкой, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, всякая кличка гиль, звукъ пустой, а потомъ, по правдѣ тебѣ сказать, ты вовсе и не *нигилистъ*, а весьма порядочный гилистъ. Гиль заставила тебя фордыбачить и отказываться отъ пособія, которое тебѣ Тихонъ Ларіонычъ предлагалъ для ссудной кассы, гиль заставила тебя метаться и искать судебныхъ мѣстъ, къ которымъ ты неспособенъ; гиль загнала тебя въ литературу, которая вся яйца выѣденнаго не стоитъ, если бы не имѣла одной цѣли—убить литературу; гиль руководитъ тобой, когда ты всѣмъ и каждому отрицаешься отъ нигилизма; однимъ словомъ, что ты ни ступишь, то это все гиль. Держись, пожалуйста, умнѣй, мой благородный вождь, иначе ты будешь свѣшенъ и смѣрянъ здѣсь въ одну недѣлю, и тебя даже подлецомъ не назовутъ, а просто нарядятъ въ шуты и будутъ вышучивать! а тогда ужъ и я не стану тебя утѣшать, а скажу тебѣ: выпроси, другъ Иосафъ Платонычъ, у кого-нибудь сахарную веревочку и подвѣсься минутъ на десять.

— Ты, однако, очень своеобразно утѣшаешь.

— Да, именно очень своеобразно; я не развожу вамъ разводовъ о «силѣ и матеріи», а нищу дѣйствующей силы, которая бы нашу голову на плечи поставила.

Висленевъ въ отчаяніи всплеснулъ руками.

— Да гдѣ же эта сила, Поль?—воскликнулъ онъ почти со слезами на глазахъ.

— Вотъ здѣсь, въ моемъ лбу и въ твоемъ послушаніи

и скромности. Я тебѣ это сказалъ въ Москвѣ, когда уговорилъ сюда ѣхать, и опять тебѣ здѣсь повторяю то же самое. Вѣрь мнѣ; вѣра не гиль, она горы двигаетъ; вѣрь въ меня, какъ я въ тебя вѣрю, и ты будешь обладать и достаткомъ, и счастьемъ.

— Полно, пожалуйста, гдѣ ты тамъ въ меня вѣришь?

— А ужъ я другому навѣрно бы не отдалъ портфеля съ полусотней тысячь денежныхъ бумагъ.

— А я кстати не знаю, зачѣмъ ты ихъ мнѣ отдалъ? Возьми ихъ. Бога ради.

— Нельзя, мой милый; я живу въ гостинницѣ.

— Да все равно, конечно: ключъ вѣдь у тебя?

Въ это время въ комнату явился слуга, посланный Гордановымъ съ книгою къ Бодростинымъ, и вручилъ ему маленькую записочку, на которую тотъ только взглянулъ и тотчасъ же разорвалъ ее въ мельчайшіе лепесточки. Долго, впрочемъ, въ ней печего было и читать, потому что на маленькомъ листкѣ была всего одна коротенькая строчка, написанная мелкимъ женскимъ почеркомъ. Строчка эта гласила: «12 chez vous».

Горданова на минуту только смутила цифра 12. Къ какой порѣ сутокъ она относилась? Впрочемъ, онъ сейчасъ же рѣшилъ, что она не можетъ относиться къ полудню; некстати также, чтобъ это касалось какой-нибудь и другой полуночи, а не той, которая наступитъ вслѣдъ за нынѣшнимъ вечеромъ.

«Она всегда толкова, и дѣло здѣсь, очевидно, идетъ о сегодня»,—сказалъ онъ себѣ и, положивъ такое рѣшеніе, вздохнулъ изъ глубины души и, обратясь къ сидѣвшему въ молчаніи Висленеву, добавилъ:—такъ-то, такъ-то, братъ Савушка; все у насъ съ тобой впереди, и деньги прежде всего.

— Ахъ, деньги важная вещь!

— Еще бы! Деньги, дитя мое, большой эффектъ въ жизни. И вотъ разъ, что онъ у насъ съ тобой явятся въ изобиліи, исцѣлятся даже и всѣ твои язвы сердечныя. Прежде же всего надобно заботиться о томъ, чтобы поправить грѣхъ юности моей съ мужичонками. Для этого я попрошу тебя сѣздить въ деревню съ моею довѣренностью.

— Хорошо; я поѣду.

— Я дамъ тебѣ планъ и инструкціи какъ дѣйствовать,

а самому миѣ нужно будетъ тѣмъ временемъ остаться здѣсь. А еще прежде того, есть у тебя деньги или нѣтъ?

— Откуда же онѣ, голубчикъ Павелъ? Изъ ста рублей...

— Да полно вычислять!

Гордановъ развернулъ свой портфель, вынулъ изъ него двѣсти рублей и подалъ Висленеву.

— Миѣ, право, совѣстно, Польш...—заговорилъ Висленевъ, протягивая руку къ деньгамъ.

— Какой же ты послѣ этого нигилистъ, если тебѣ совѣстно деньги брать? Бери, пожалуйста, не совѣстись. Не далеко время, когда у тебя будутъ средства, которыми ты разочтешься со мною за все сразу.

— Ахъ, только будутъ ли они? будутъ ли когда-нибудь?—повторялъ Висленевъ, опуская деньги въ карманъ.

— Будутъ; все будетъ: будутъ деньги, будетъ положеніе въ свѣтѣ; другой жены новой только ужъ не могу тебѣ обѣщать; но кто же въ нашъ вѣкъ изъ порядочныхъ людей живетъ съ женами? А зато, — добавилъ онъ, схватывая Висленева за руку: — зато любовь, любовь... Въ провинціяхъ изъ лоскутковъ шьютъ очень теплыя одѣяла... а ты, каналья, вѣдь охотникъ кутаться!

— Пусти, пожалуйста, съ твоею любовью!—проговорилъ, неволью осклабясь, Висленевъ.

— Нѣтъ, а ты не пусти!—настойчиво сказала Гордановъ и, наклонясь къ уху собесѣдника, прошептала: — я знаю, кто о тебѣ думаетъ, и не самовольно обѣщаю тебѣ любовь такой женщины, предъ которою у всякаго зарыбить въ глазахъ. Это вотъ какая женщина, предъ которою и сестра твоя, и твоя генеральша—померкнутъ какъ свѣтляки при свѣтѣ солнца, и которая... сумѣетъ полюбить такъ... какъ сорокъ тысячъ женъ любить не могутъ! — заключилъ онъ, быстро кинувъ руку Висленева.

— Ты это отъ себя фантазируешь?

— Да развѣ такія вещи можно говорить, не имѣя на то полномочія?

— Такъ что жъ она меня знаетъ, что ли?

— Конечно, знаетъ.

Висленевъ подернулъ въ недоумѣніи плечами, а Гордановъ заглянулъ ему въ глаза и, улыбаясь, проговорилъ:

— А! глаза забѣгали!

Висленевъ разсмѣялся.

— Да что же,—отвѣчалъ онъ:—нельзя же все въ самомъ дѣлѣ серьезно слушать, какъ ты интригуешь точно въ маскарадѣ.

— Нечего тебѣ толковать, маскарадъ это или не маскарадъ: довольно съ тебя, что я сдержу всѣ мои слова, а ты будешь и богатъ, и счастливъ, а теперь я вотъ ужъ и одѣтъ, и если ты хочешь меня куда-нибудь везти, то можешь мною располагать.

— Да, я пригласилъ къ себѣ пріятелей сестры поужинать и самъ пріѣхалъ за тобой.

— Прекрасно сдѣлалъ, что пригласилъ ихъ, и я очень радъ познакомиться съ пріятелями твоей сестры, но только два условія: сейчасъ мнѣ дома нужно написать маленькую цедулочку, и потомъ не сердись, что я долѣе половины двѣнадцати ни за что у васъ не останусь.

— А мнѣ бы, знаешь... кажется, надо бы забѣжать...

— Куда?

— Да къ этому генералу Синтянину,—заговорилъ, морщась, Висленевъ.—Сестра увѣряетъ, что, по ихъ обычаямъ, будто безъ того и генеральши неловко будетъ пріидти.

— Ну, разумѣется! А ты не хочешь, что ли, идти къ нему?

— Конечно, не хотѣлось бы.

— Почему?

Висленевъ сдѣлалъ заученную гримасу и проговорилъ:

— Все, знаешь, лучше, какъ подалѣе отъ синяго мундира.

— Ахъ ты, кумъ!—Гордановъ пожалъ плечами и комически проговорилъ:—Вотъ что общество такъ губитъ: предразсудкамъ нѣтъ конца! Нѣтъ лучше поближе, а не подальше! Иди сейчасъ къ генералу, сію же минуту иди, и до моего пріѣзда умѣй снискать его любовь и расположеніе. Лъсти, лги, кури ему, — словомъ, дѣлай что знаешь, это все нужно, — добавилъ онъ, пихнувъ тихонько Висленева рукой къ двери.

— Ну, такъ стой же, знаешь еще что? Сестра хотѣла позвать Бодростину.

— Ну, это вздоръ!

— Я ей такъ и сказалъ.

— Да Глафира и сама не поѣдетъ. Ахъ, женщина какая, Иосафъ!

— Кусай, любезный, локти!—проговорилъ, уходя, Иосафъ Платоновичъ.

Висленевъ ушелъ, а Гордановъ заперъ за нимъ двери на ключъ, досталъ изъ дорожной шкатулки два револьвера, осмотрѣлъ ихъ заряды, обтеръ замшей курки и положилъ одинъ пистолетъ на комодъ возлѣ изголовья кровати, другой—въ ящикъ письменнаго стола. Затѣмъ онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ большое письмо въ Петербургъ, а потомъ на другомъ клочкѣ бумаги начертилъ:

«Я непременно долженъ былъ отлучиться изъ дому, но къ урочному часу буду назадъ, и если минуто запоздаю, то ты подожди».

Окончивъ это послѣднее писаніе, Гордановъ позвонилъ лакея и велѣлъ ему, если бы кто пришелъ отъ Бодростиныхъ, отдать посланному запечатанную записку, а самъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ къ Висленевымъ.

На дворѣ уже совсѣмъ смерклося и тучилось; былъ девятый часъ вечера, въ небѣ далеко рѣяли зарницы и пахло дождемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Волкъ въ овечьей кожѣ.

Когда экипажъ Горданова остановился у воротъ Висленевского дома, Юсафъ Платоновичъ, исполняя завѣтъ Павла Николаевича, былъ у генерала.

Ворота двора были отворены, и Горданову съ улицы были видны освѣщенные окна флигеля Ларисы, раскрытыя и завѣшенные ажурными занавѣсками. Гордановъ, по рассказамъ Висленева, зналъ, что ему нужно идти не въ большой домъ, но все-таки затруднялся: сюда ли, въ этотъ ли флигель ему надлежало идти? Онъ не велѣлъ экипажу въѣзжать внутрь двора, сошелъ у воротъ и пошелъ пѣшкомъ. Ни у воротъ, ни на дворѣ не было никого. Изъ флигеля слышались голоса и на занавѣскахъ мелькали тѣни, но отнестись съ вопросомъ было не къ кому.

Гордановъ остановился и оглянулся вокругъ. Въ это время на ступеняхъ крыльца дома, занимаемаго генераломъ, показалась высокая женская фигура въ свѣтломъ платьѣ, безъ шляпы и безъ всякаго выходнаго убора. Это была генеральша Александра Ивановна. Она тоже замѣтила Горданова съ первой минуты и даже отгадала, что это онъ, отгадала она и его затрудненіе, но, не показавъ ему этого, дернула спокойной рукой за тонкую веревку, которая шла куда-то за

уголь и гдѣ-то терялась. Послышался мѣрный звонъ колокольчика и громкій откликъ: «сейчасъ!»

— Семень, иди подай скорѣе барину одѣваться!—отвѣчала на этотъ откликъ Синтянина и стала сходить по ступенямъ, направляясь къ флигелю Висленевыхъ.

Гордановъ тронулся ей навстрѣчу, и только-что хотѣлъ сдѣлать ей вопросъ объ указаніи ему пути, какъ она сама предупредила его и, остановясь, спросила:

— Вы, вѣрно, не знаете, какъ вамъ пройти къ Висленевымъ?

— Да,—отвѣчала, кланяясь, Гордановъ.

— Вы господинъ Гордановъ?

— Вы не ошиблись, это мое имя.

— Не угодно ли вамъ идти за мной, я иду туда же.

Они перешли дворикъ, взопли на крылечко, и Синтянина позвонила. Дверь не отворилась.

Александра Ивановна позвонила еще разъ, громче и перепѣливше, задвижка отодвинулась и въ растворенной двери предстала легкая фигура Ларисы.

— Какъ у тебя, Лара, никто не слышитъ,—проговорила Синтянина и сейчасъ же добавила:—вотъ къ вамъ гость.

Лариса, смущенная появленіемъ незнакомаго человѣка, подвинулась назадъ и, войдя въ залъ, спросила шопотомъ:

— Кто это?

— Гордановъ,—отвѣчала ей тихо генеральша, и кивнула головой Подозерову по направленію къ передней, гдѣ Гордановъ снималъ съ себя пальто.

Подозеровъ всталъ и быстро подошелъ къ двери какъ разъ въ то время, какъ Гордановъ готовился войти въ залу.

Оба они вѣжливо поклонились, и Гордановъ назвалъ себя по фамиліи.

— Я здѣсь самъ гость,—отвѣчала ему Подозеровъ и тотчасъ же, указавъ ему рукой на Ларису, которая стояла съ теткой у балконной двери, добавилъ:—вотъ хозяйка.

— Лариса Платоновна,—заклучилъ онъ:—вамъ желаетъ представиться товарищъ Юсафа Платоновича, господинъ Гордановъ.

Лариса сдѣлала шагъ впередъ и проговорила казенно:

— Я очень рада видѣть друзей моего брата.

Павель Николаевичъ, со скромностью истиннаго джентль-

мена, отвѣчалъ тонкою любезностью Ларисѣ, и, поручая себя ея снисходительному вниманію, отдалъ общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ.

Лариса назвала по именамъ тетку и прочихъ.

Гордановъ еще разъ поклонился дамамъ, пожалъ руки мужчинамъ и затѣмъ, обратясь къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Вашъ братъ безпрестанно огорчаетъ меня своею неаккуратностью, и нынче снова поставилъ меня въ затрудненіе. По его милости я являюсь къ вамъ, не имѣя чести быть вамъ никѣмъ представленнымъ, и долженъ самъ рекомендовать себя.

— Братъ здѣсь у нашего жильца и будетъ сюда сію минуту.

И дѣйствительно, въ эту же минуту въ передней, которая оставалась незапертою, послышались шаги и легкій брязгъ шпоръ: это вошли Висленевъ и генераль Сиятянинъ.

Иосафъ Платоновичъ, какъ только появился съ генераломъ, тотчасъ же познакомилъ его съ Гордановымъ и затѣмъ завелъ полусуточнѣйшій разговоръ о Форовѣ.

Все это время Сиятянина зорко наблюдала гостя, но не замѣтила, чтобы Лариса произвела на него впечатлѣніе. Это казалось нѣсколько удивительнымъ, потому что Лариса, прекрасная при дневномъ свѣтѣ, теперь при огнѣ матовой лампы была очаровательна: большіе черные глаза ея горѣли отъ непривычнаго и противнаго ея гордой натурѣ стѣпенія присутствіемъ незнакомаго человѣка, тонкія дуги ея бровей ломались и сдвигались, а строжайшія линіи ея стана блестѣли серебромъ на изломахъ покрывавшаго ее бѣлаго альпага.

По неловкости Висленева, мужчины задержались на нѣкоторое время на срединѣ компаты и разговаривали между собою. Сиятянина рѣшила положить этому конецъ. Ее интересовалъ Гордановъ, и ей хотѣлось съ нимъ говорить, вывѣдать его и понять его.

— Господа! — воскликнула она, направляя свое слово какъ будто исключительно къ Форову и къ своему мужу:— что же вы насъ оставили? Позвольте замѣтить, что намъ это нисколько не нравится.

Мужчины повернулись и, сопровождаемые Иосафомъ Платоновичемъ, ушли къ столу. Завязался общій разговоръ.

Рѣчь зашла о провинціи и впечатлѣніяхъ провинціальной жизни. Гордановъ говорилъ сдержанно и осторожно.

— Не находите ли вы, что провинція нынче еще болѣе болтлива, чѣмъ встарь?—спросила Синтиянина.

— Я еще не успѣлъ взглядѣться въ нынѣшнихъ провинціальныхъ людей,—отвѣчалъ Гордановъ.

— Да, но вы, конечно, знаете, что встарь съ новымъ человѣкомъ заговаривали о погодѣ, а нынче начинаютъ рѣчь съ направленій. Это пріемъ новый, хотя, можетъ-быть, и не самый лучшій: это ведетъ къ риску сразу потерять всякій интересъ для новыхъ знакомыхъ.

— Самое лучшее, конечно, это вести рѣчь такъ, какъ вы изволите вести, то-есть заставлятъ высказываться другихъ, ничѣмъ не выдавая себя,—отвѣтилъ ей съ улыбкой Гордановъ.

Александра Иваповна слегка покраснѣла и продолжала:

— О, я совсѣмъ не обладаю такими дипломатическими способностями, какія вы во мнѣ заподозрили, я только любопытна какъ женщина стариннаго режима и люблю повѣрять свои догадки соображеніями другихъ. Есть пословица, что человѣка не узнаешь, пока съ нимъ не съѣшь три пуда соли, но мнѣ кажется, что это вздоръ. Такъ называемые нынче «вопросы» очень удобны для того, чтобы при ихъ содѣйствіи узнавать человѣка, даже ни разу не посолившись съ нимъ хлѣба.

Гордановъ усмѣхнулся.

— Вы, кажется, другого мнѣнія?—спросила Синтиянина.

— Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ!—отвѣчалъ онъ:—мое молчаніе есть только знакъ согласія и удивленія предъ вашею наблюдательностью.

— Вы, однако, тоже, какъ и Иосафъ Платонычъ, не пренебрегаете стариннымъ обычаемъ немножко льстить женской суетности, но я недругъ любезностей, расточаемыхъ женскому уму.

— Не женскому, а вашему, хотя я вообще не малый читатель женскаго ума.

— Не знаю, какой вы его читатель, но по-моему все пынѣшнее куреніе женскому уму вообще, это опять не что иное, какъ вѣковѣчная лѣсть той же самой женской суетности, только положенная на новыя ноты.

— Я съ вами совершенно согласенъ,— отвѣчалъ ей тономъ большой искренности Гордановъ.

— Мой пріятель попъ Евангель того убѣжденія, что всякій человѣкъ есть только ветхій Адамъ,—вставилъ Форовъ.

— И вашъ отецъ Евангель совершенно правъ,—опять согласился Гордановъ.— Если возьмемъ этотъ вопросъ серьезно и обратимся къ исторіи, къ лѣтописямъ преступленій или къ біографіямъ великихъ людей и друзей чело-вѣчества, вездѣ и повсюду увидимъ одно безконечное ползанье и круженье по зодіакальному кругу: всѣ тѣ же овны, тельцы, раки, львы, дѣвы, скорпіоны, козероги и рыбы, съ маленькими отмѣнами на всякій случай, и только. Ново лишь то, что хорошо забыто.

— Сдаюсь на ваши доводы; вы правы,—согласился Форовъ.

— Теперь, напримѣръ,—продолжалъ Гордановъ: — развѣ не ощутительны новыя тяготѣнія къ старому: Татьяна Пушкина опять скоро будетъ нашимъ идеаломъ; самыя свѣтскія матери не стыдятся знать о здоровьи и воспитаніи своихъ дѣтей; недавно отвергнутый бракъ снова получаетъ важность. Восторги по поводу женскаго труда остыли...

— Нѣтъ-съ, извините меня,—возразилъ Филетеръ Ивановичъ:—вы, я вижу, стародумъ, стоите за старь, за то, что древле было все лучше и дешевле.

— Нимало: я совсѣмъ виѣ времени, но я во всякомъ времени признаю свое хорошее и свое худое.

— Такъ за что же вы противъ женскаго труда?

— Боже меня сохрани! Я не настолько самоотверженъ, чтобы, будучи мужчиной, говорить во вредъ себѣ.

— Я васъ не понимаю,—отозвался генераль.

— Я стою за самую широкую эмансипацію женщинъ въ отношеніи труда; я даже думаю, что со стороны мужчинъ будетъ очень благоразумно свалить всю работу женщинамъ, но я, конечно, не позволю себѣ называть это эмансипаціей и не могу согласиться, что эта штука впервые выкинута съ женщинами, такъ называемыми, новыми людьми. Привилегія эта принадлежитъ не имъ.

— Она принадлежитъ нашимъ русскимъ мужичкамъ въ промысловыхъ губерніяхъ,—вставилъ Форовъ.

— Да; чтобы не восходить далѣе и не искать указаній

въ странахъ совершенныхъ дикарей, привилегію эту, конечно, можно отдать тѣмъ изъ русскихъ мужиковъ, для которыхъ семья не дорога. Мужикъ Орловской и Курской губерніи, пахарь, не гоняетъ свою бабу ни пахать, ни боронить, ни косить, а исполняетъ эту тигчайшую работу самъ; промысловый же мужикъ, который, конечно, хитрѣе хлѣбопаша, самъ пьетъ чай въ городскомъ трактирѣ, а жену обучилъ править за него мужичью работу на полѣ. Я отдаю справедливость, что все это очень ловко со стороны господъ мужчинъ, но совѣщусь сказать, что все это сдѣлано для женской пользы по великодушію.

— Вы, кажется-съ, играете словами,—промолвилъ генераль, замѣтивъ общее вниманіе женщинъ къ словамъ Горданова; но тотъ это рѣшительно отвергъ.

— Я дѣлаю самые простые выводы изъ самыхъ простѣйшихъ фактовъ,—сказалъ онъ:—и притомъ изъ общезвѣстныхъ фактовъ, которые ясно убѣждаютъ, что съ женщиной поступаютъ коварно и что значеніе ея все падаетъ. Какъ самое совершеннѣйшее изъ твореній, она призвана къ господству надъ грубою силою мужчины, а ее смѣщаютъ внизъ съ принадлежащаго ей положенія.

— Позвольте-съ, съ этимъ трудно согласиться!

— Съ этимъ, генераль, *нельзя не согласиться!*

— А я не соглашусь-съ!

— Непремѣнно согласитесь. Развѣ не упало, не измельчало значеніе любви, преданности женщинамъ? Развѣ любовь не замѣняется холоднымъ сватовствомъ, не становится куплею... Согласитесь, что желаніе стала бременемъ, что распространяется ухаживанье за чужими женами, волокитничество, интрига безъ всякихъ обязательствъ со стороны мужчины. Даже обязанности волокитства кажутся ужъ тяжки,—женщина не стоитъ труда, и начинаются rendez-vous новаго сорта; не мелодраматическія rendez-vous съ замирающимъ сердцемъ на балконѣ «съ гитарою и шпалей», а спокойное свиданіе у себя предъ каминомъ, въ архалукѣ и туфляхъ, съ заученною лекціей сомнительныхъ достоинствъ о принципѣ свободы... Рѣчь о свободѣ съ тою, которая сама властна одушевить на всякую борьбу... Простите меня, но, мнѣ кажется, нѣтъ нужды болѣе доказывать, что значеніе женщины въ такъ-называемый «нашъ вѣкъ» едва ли возвеличено тѣмъ, что ей, разжалованной

парицѣ, позволили быть работницей! Есть желцины, которыя уже теперь недовѣрчиво относятся къ такой эмансипаци.

— Да, это правда,—вставила свое слово Лариса.

Гордановъ взглянулъ на нее и, встрѣтивъ ее взглядъ, закончилъ:

— Какъ вамъ угодно, для живой женщины наѣдаться за трудъ не было, не есть нынѣ и никогда не будетъ задачей существованія, и потому и въ этомъ вопросѣ,—если это вопросъ,—кругъ обойденъ, и просится нѣчто новое, это уже чувствуется.

— Однакоже-съ, законъ этого-съ еще какъ будто не предусматриваетъ, того, что вы изволите говорить,—прозвучалъ генераль.

— Законъ!.. Вы правы, ваше превосходительство, законъ не предусматриваетъ, но и въ Англии не отмѣненъ законъ, позволяющій мужу продать невѣрную жену, а у насъ зато есть учрежденія, которыя всегда доставляли защиту женщинѣ, не стѣняясь закономъ.

— Ага-съ! ага! поняли наконецъ-то: и извѣстныя учрежденія! Вотъ видите когда поняли!—воскликнулъ генераль.

— Да этого нельзя и не понимать!

— Ага! ага! «нельзя не понимать!» Нѣтъ-съ, не понимали. Законъ! законъ! твердили: все законъ! А законъ-то-съ хорошъ-съ тѣмъ, кто выросъ на законѣ, какъ европейцы, а калмыцкую лошадь одинъ калмыкъ переупрямить.

Лариса бросила взглядъ на Горданова и, видя, что онъ молчитъ, встала и попросила гостей къ столу.

Ужинъ шелъ недолго, хотя состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ и начался супомъ съ потрохами. Разговоръ десять разъ завязывался, но не клеился, а Гордановъ упорно молчалъ: съ его стороны былъ чистый расчетъ оставлять всѣхъ подъ впечатлѣніемъ его недавнихъ рѣчей. Онъ оставался героемъ вечера.

За столомъ говорилъ только Висленевъ, и говорилъ съ однимъ генераломъ о дѣлахъ, о правительствѣ, о министрахъ. Вмѣшиваться въ этотъ разговоръ охотниковъ не было. Висленевъ попробовалъ было потрунить надъ материализмомъ дяди, но тотъ отмолчался; тронулъ онъ было теткинѹ религиозность, посмѣявшись, что она не ѣсть раковъ, боится грѣха, но Катерина Астафьевна спокойно отвѣтила:

— Не потому, батюшка, не ѣмъ, чтобы считала это грѣхъ, а потому, что не столько на этихъ рѣкахъ мяса наѣшь, сколько зубовъ растеряешь.

Такъ ужинъ и кончился.

Вставъ изъ-за стола, Гордановъ тотчасъ же простился и зашелъ на минуту въ кабинетъ Висленева только для того, чтобы раскурить сигару, но, замѣтивъ старинные эстампы, пріостановился передъ Фамарью и Іудюю.

— Какъ это хорошо исполнено,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это ничего, а ты вотъ взгляни-ка на этихъ коней,—позвалъ его къ другой картинѣ Висленевъ.

Гордановъ оглянулся.

— Недурны,—сказалъ онъ сквозь зубы, мелькомъ взглянувъ на картинку.

— А которая тебѣ болѣе нравится?

— Одна другой лучше.

— Ну, этого не бываетъ.

— Почему нѣтъ? твоя сестра и генеральша развѣ не обѣ одинаково прекрасны? Здѣсь больше силы,—она долѣе проскачетъ,—сказалъ онъ, показывая головою тросточки на ввнудзаннаго бураго коня:—а здѣсь изъ очей пламя бьетъ, изъ ноздрей дымъ валить. Прощай,—добавилъ онъ, зѣвнувъ.—Да вотъ еще что. Генераль-то Синтянинъ, я слышалъ, говорилъ тебѣ за ужиномъ, что онъ ѣдетъ для какихъ-то внушеній въ сторонѣ, гдѣ мое имѣніе,—вотъ тебѣ хорошо бы съ нимъ примазаться! Обдумай-ко это!

— А что жъ, я, если хочешь, это улажу, но ловко ли только съ шмъ-то?

— И прекрасно сдѣлаешь: съ нимъ-то и ловко! а того... что бинь такое я еще хотѣлъ тебѣ сказать?.. Да, вспомнилъ! Приходи ко мнѣ завтра часу въ одиннадцатомъ; съѣздимъ вмѣстѣ къ этому Подозерову.

— Хорошо.

— А что, твоя сестра за него уже просватана или нѣтъ?

— Что тако-ое? моя сестра просватана!.. На чемъ ты это основываешь?

— На гусиной печенкѣ, которую она ловила для него въ суповой чашѣ. Это значитъ, она знаетъ его вкусы и собирается угождать имъ.

— Какой вздоръ! сестра, кажется, такой субъектъ, что она можетъ положить ему на тарелку печенку, а тебѣ сердце.

Гордановъ засмѣялся.

— Чего ты смѣешься?

— Не знаю, право, но мнѣ почему-то всегда смѣшно, когда ты расхваливаешь твою сестру. А что касается до твоей генеральши, то скажу тебѣ, что она прелесть и баба мозговитая.

— А вотъ видишь ли, а вѣдь ты ошибаешься, она совсѣмъ не такъ умна, какъ тебѣ кажется. Она только бойка.

— Ну да; рассказывай ты! Штъ, а ты рта-то съ ней не развѣвай! Прощай, я совсѣмъ силю.

Пріятели пожали другъ другу руки, и Висленевъ проводилъ Горданова до коляски, изъ которой тотъ сунулъ Юсафу Платоновичу два пальца и уѣхалъ.

На дворѣ было уже безъ четверти полночь. Гордановъ нетерпѣливо понукалъ кучера, и наконецъ, увидавъ въ окнахъ своего номера чуть замѣтный подслѣповатый свѣтъ, выскочилъ изъ коляски, прежде чѣмъ она остановилась.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не поняли, но объясняютъ.

Проводивъ Горданова, Висленевъ возвратился назадъ въ домъ, насвистывая оперетку, и засталъ здѣсь уже все общество наготовѣ разойтись: Подозеровъ, генераль и Филетеръ Ивановичъ держали въ рукахъ фуражки, Александра Ивановна прощалась съ Ларисой, а Катерина Астафьевна повязывалась предъ зеркаломъ башлыкомъ.

Юсафъ Платоновичъ хотѣлъ показать, что его эти сборы удивили.

— Господа!—воскликнулъ онъ:—куда же вы это?

— Домой-съ, домой, — отвѣчалъ, протягивая ему руку, генераль.

— Что жъ это такъ рано и притомъ всѣ вдругъ?

— Вамъ спать пора, — отвѣчала ему, подавая на прощанье руку, генеральша Синянина.

— И даже вы, тетюшка, тоже уходите? — обратился онъ къ Форовой, окончившей въ эту минуту свой туалетъ.

— Мужъ меня, батюшка, беретъ, замулъ вышла, не свой человѣкъ.

— Лара, уговори хоть ты, — обратился онъ къ сестрѣ.

— Alexandrine, погоди, — проговорила Лара.

— Мой другъ... ты знаешь, у меня дома есть большая.

Александра Ивановна нагнулась къ уху Ларисы и прошептала:

— Я и такъ поступаю не хорошо: Вѣра весь день очень безпокойна.

— Я больше не прошу,—отвѣтила ей громко Лариса.

— Ну, дѣлать нечего, прощайте, господа, — повторилъ Висленевъ:—но я во всякомъ случаѣ надѣюсь, что мы будемъ часто видѣться. А какъ вамъ, Филетеръ Ивановичъ, показался мой пріятель Гордановъ? Неправда ли, умница?

— Да вы что же сами подсказываете? — возразилъ Форовъ.

— Я не подсказываю, я только такъ...

— Ну, ужъ теперь нечего «такъ»! Прощайте.

— Нѣтъ, а вѣдь вправду умень? — допрашивалъ Висленевъ, удерживая за руку майора.

— Ну вотъ, не видала Москва таракана: экая рѣдкость, что умешь!

— И резонень, на вѣтеръ не болтаешь.

— Это еще того дешевле. Намъ его резоны все равно, что морю дождикъ, мы резоны-то и безъ него съ прописей списывали, а вотъ онъ настоящую *свою суть* покажи!

— Пока вы его провожали, мы на его счетъ по нашей провинціальной привычкѣ уже немножко посплетничали,—сказала почти на порогѣ генеральша. — Знаете, вашъ другъ, — если только онъ другъ вашъ, привелъ насъ всѣхъ къ соглашенію, между тѣмъ какъ всѣ мы чувствуемъ, что съ нимъ мы вовсе не согласны.

Висленевъ засмѣялся и сказалъ:

— Я это ему передамъ.

У своего крыльца Синтянина на минуту остановилась съ Подозеровымъ и, удержавъ въ своей рукѣ руку, которую послѣдній подалъ ей на прощанье,—спросила его:

— Ну, а вамъ, Андрей Ивановичъ, понравился этотъ баринъ?

— Не очень понравился, Александра Ивановна, — коротко отвѣчалъ Подозеровъ.

— Это значитъ, что онъ вамъ совсѣмъ не понравился. Я это, впрочемъ, видѣла и очень сожалѣла, что вы сегодня такъ убійственно скучны и молчаливы. Вы одинъ могли бы ему отвѣчать, и вы-то и не сказали ни слова.

— Къ чему? — отвѣтилъ Подозеровъ. — Онъ говоритъ

красно. Да; они совѣмъ довоспитались: теперь уже не такъ легко открыть, кто подъ какимъ флагомъ везетъ какую контрабанду.

— Зачѣмъ же вы молчали? И вообще, что значить: цѣлый день унылость, а къ ночи сплинъ?

— Не знаю, скучно и сердце болить.

— А вы бы вотъ поучились у Горданова владѣть собою! Удивительное самообладаніе!

— Ничего удивительнаго! Самообладаніемъ отличается шулеръ, когда смотритъ всѣмъ въ глаза, чтобы не замѣтили, какъ онъ передергиваетъ карту.

— Во всякомъ случаѣ, господинъ Гордановъ мастерски владѣетъ собою.

— И другими даже, — подтвердила Форова, цѣлуя въ лобъ Синтянину. — Это, господа, не человѣкъ, а... кто его знаетъ, кто онъ такой: его въ ступѣ толки, онъ будетъ вокругъ толкача бѣгать.

— А ваше мнѣніе, Филетеръ Ивановичъ, о новомъ гостѣ какое?

— Пока не вложу перста моего—ничего не знаю.

— Вы неисправимы, — промолвила генеральша и добавила: — я рада бы съ вами много говорить, да Вѣра нездорова; но одно вамъ скажу: по-моему, этотъ Гордановъ точно рефлекторъ, онъ все отражалъ и все соединялъ въ фокусѣ, но что же онъ намъ сказалъ?

— А ничего! — отвѣтилъ Форовъ. — Съ пытливыхъ дамъ и этого довольно.

— Ну, прощайте, — произнесла генеральша и, кивнувъ всѣмъ головою, пошла на крыльцо.

Форовъ втроемъ съ женою и Подозеровымъ вышли за калитку и пошли по пустынной улицѣ озареннаго луной и спящаго города.

Тосафъ Платоновичъ, выпроводивъ гостей, счелъ было нужнымъ поговорить съ сестрой по-сердцу и усадилъ ее въ гостиной на диванъ, но, перекинувшись двумя-тремя фразами, почувствовалъ нежеланіе говорить и ударилъ отбой.

— Ну, и слава Богу, что у тебя все хорошо, — сказалъ онъ. — Ты сколько же берешь нынче въ годъ за домъ съ Синтянинныхъ?

— Столько же, какъ и прежде. Жозефъ.

— То-есть, что же именно? Я вѣдь уже все это позабылъ, сколько за все платилось.

— Они мнѣ платятъ шестьсотъ рублей.

— Фуи, фуи, какъ дешево! Квартиры повсемѣстно ужасно вздорожали.

— Да? я, право, этого не знаю, Жозефъ.

— Какъ же, Ларушка. По крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ все стало чортъ знаетъ какъ дорого. Ты напрасно не обратишь на это вниманія.

— Но что же мнѣ до этого?

— Какъ что тебѣ до этого, моя милая? Ихъ превосходительства могли бы тебѣ теперь и подороже...

— Ахъ, полно Бога ради: цѣна, которую они платить, мнѣ ровесница. Синтянинъ, съ тѣхъ поръ какъ выѣхали Гриневици, платитъ за этотъ домъ шестьсотъ рублей, не я же стану набавлять на нихъ... Съ какой стати?

— Какъ съ какой стати? Все дорожаетъ, а деньги дешевѣютъ. Матушка наша, я помню, платила кухаркѣ два рубля серебромъ въ мѣсяць, а мы теперь сколько платимъ?

— Пять.

— Ну, вотъ, здравствуй, пожалуйста! Платить за все втрое, а берешь то же самое, что и сто лѣтъ тому назадъ брала. Это невозможно. Я даже удивляюсь, какъ имъ самимъ это не совѣстно жить за старую цѣну, и если они этого не понимаютъ, то я дамъ имъ это почувствовать.

— Нѣтъ, я прошу тебя, Жозефъ, этого не дѣлать! Во-первыхъ, Синтянины небогаты, а во-вторыхъ, у насъ квартиры втрое и не вздорожали, въ-третьихъ же, я дорожу Синтянинными, какъ хорошими постояльцами, и дружна съ Alexandrine...

— Да; «дружба, это ты!» когда намъ это выгодно,— перебилъ, махнувъ рукой, Висленевъ.

— А въ-четвертыхъ...—проговорила и замялась на словѣ Лариса.

— Въ-четвертыхъ, это не мое дѣло. Я съ тобой согласенъ, часть свою я тебѣ уступилъ, и домъ вполне твоя собственность, но вѣдь тебѣ же надо на что-нибудь и жить.

— Я и живу.

— Да, ты живешь мастерски, живешь чисто и прекрасно,—продолжалъ онъ:—но все-таки... быть посвободнѣе

въ грошѣ никогда не мѣшаетъ. Конечно, я предъ тобой много виноватъ...

— Ты виноватъ? Чѣмъ это? я не знаю.

— Ну, помнишь, вѣдь я обѣщала тебѣ, что я буду помогать и даже опредѣлила тебѣ триста рублей въ годъ, но мнѣ, дружокъ Лара, такъ не везетъ, — добавилъ онъ, сжимая руку сестры:— мнѣ такъ не везетъ, что даже одурь подчасъ взять готова! Тяжко наше переходное время! То принципы не идутъ въ согласіе съ выгодами, то... ахъ, да ужъ лучше и не поднимать этого! Вообще тяжело человѣку въ наше переходное время.

— Вообще ты напоминаешь мнѣ о томъ, Жозефъ, о чемъ я давно позабыла.

— То-есть о чемъ же я тебѣ напоминаю?

— О твоёмъ обѣщаніи, которое ты исполнить отнюдь не долженъ; потому что имѣешь теперь уже свою семью, и о томъ, какъ живется человѣку въ наше переходное время. Я его ненавижу.

— Что же, развѣ ты перешла «переходы» и видишь пристанище? — пошутила Висленевъ, глядя сестру по рукамъ и смотря ей въ глаза.

— Пристанище въ томъ: жить какъ живется.

— Ой, шутишь, сестренка!

— Нимало.

— Тебѣ всего вѣдь девятнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ, черезъ мѣсяць двадцать.

— Пора бы тебѣ и замужъ.

Лариса разсмѣялась и отвѣчала:

— Не берутъ.

— Ой, лжешь ты, Лара, лжешь, чтобы тебя не брали! Ты хороша, какъ перо.

— Полно, пожалуйста.

— Ей-Богу! Вѣдь ты ослѣнительно хороша! Погляди-ка на меня! Фу, ты Господи! Чтò за глазницы: мракъ и пламень, и сердце не камень.

— Камень, Юсафъ,—отвѣчала, улыбаясь, Лара.

— Врешь, Ларка! Я тебя уже изловилъ.

— Ты изловилъ меня?.. На чемъ?

— На гусиной печенкѣ.

Лариса выразила непритворное удивленіе.

— Не понимаешь? Полно, пожалуйста, притворяйся!

Намъ, братъ, Питеръ-то уже глаза повитеръ, мы всюду смотримъ и всякую штуку замѣчаемъ. Ты зачѣмъ Подозеру полчасу цѣлыхъ искала въ супѣ печенку?

— Ахъ, это-то... Подозеру!

И Лариса вспыхнула.

— Стыдъ не потерянь,—сказала Иосафъ Платоновичъ:— по выборъ особыхъ похвалъ не заслуживаешь.

— Выбора нѣтъ.

— Что же это... Такъ?

— Именно такъ... ничего.

— Ну, я такъ и говорилъ.

— Ты такъ говорилъ?... Кому и что такъ ты говорилъ?

— Нѣтъ, это такъ, пустяки. Гордановъ меня спрашивалъ, просватана ты или нѣтъ? а я говорю: «съ какой стати?»

Висленевъ вздохнулъ, выпустилъ клубъ сигарнаго дыма и, потеревъ сестру за мизинецъ, проговорилъ:

— Покрѣпись, Ларушка, покрѣпись, подожди! У меня все это настраивается, и прежде Богъ дастъ хорошенько подкуемя, а тогда ужъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ пойдетъ не та музыка. А теперь, покуда, прощай.— добавилъ онъ, вставая и цѣлуя Ларису въ лобъ, а самъ подумалъ про себя: «Тьфу, чортъ возьми, что это такое выходитъ! Хотѣлъ у ней попросить, а вмѣсто того ей же еще наобѣщаль».

Лариса молча пожала его руку.

— А мой портфель, который я тебѣ давеча отдалъ, у тебя?—спросилъ, простившись, Висленевъ.

— Нѣтъ; я положила его на твой столъ въ кабинетѣ.

— Ай! зачѣмъ же ты это сдѣлала такъ неосторожно?

— Но вѣдь онъ, слава Богу, цѣлъ?

— Да, это именно слава Богу: въ немъ сорокъ тысячъ денегъ, и не моихъ еще вдобавокъ, а Гордановскихъ.

— Онъ такъ богатъ?

— Н... н... не столько богатъ, какъ торовать, онъ далеко пойдетъ. Это человекъ какъ разъ по времени, по сезону. Меня, признаюсь, очень интересуешь, какъ онъ здѣсь понравится ли?

— Я думаю.

— Нѣтъ; вѣдь его, дружокъ, надо знать такъ, какъ я его знаю; вѣдь это голова, это страшная голова!

— Онъ уменъ.

— Страшная голова!. Прощай, сестра.

И братъ съ сестрой еще разъ простились и разошлись.

Зала стемнѣла, и въ дверяхъ Ларисы щелкнулъ замокъ, повернутый ключомъ изъ ея спальни.

— Ключъ!—прошептала, услыхавъ этотъ звукъ, Юсафъ Платоновичъ, стоя въ раздумьи надъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи и между ними лежалъ портфель.

— Ключъ!—повторялъ онъ въ раздумьи и, взявъ въ руки портфель, повертѣлъ его, пожалъ, завелъ подъ его крышку костяной ножикъ, поштурфовалъ имъ во всѣ стороны и, бросивъ съ досады и ножикъ, и портфель, вошелъ въ залу и постучалъ въ двери сестриной спальни.

— Чтѣ тебѣ нужно, Жозефъ?—отозвалась Лариса.

— Къ тебѣ, Лара, ходитъ какой-нибудь слесарь?

— Да, когда нужно, у Синтяниныхъ есть слесарь-солдатъ,—отвѣчала сквозь двери Лариса.

— Пошли за нимъ, пожалуйста, завтра: онъ мнѣ нуженъ

— Хорошо. А кстати, Жозефъ, ты завтра дѣлаешь кому-нибудь визиты?

— Кому же, Лара?

— Бодростиной, наприимѣръ?

— Бодростиной! Зачѣмъ?

— Мы же съ ней въ родствѣ: она двоюродная сестра твоей жены, и она у меня бываетъ.

— Да, милый другъ, мы съ ней въ родствѣ, но не въ согласіи,—проговорилъ, уходя, братъ.—Прощай, Ларушка.

— Спокойной ночи, братъ.

«Да, да, да,—мысленно проговорилъ себѣ Юсафъ Платоновичъ, остановившись на минуту предъ темными стеклами балконной двери.— Да, и Бодростина, и Гордановъ, это все свойственники... Свойство и дружество!.. Нѣтъ, друзья и вправду видно хуже враговъ. Ну, да еще посмотримъ, кто кого? Старые охотники говорятъ, что въ отчаянную минуту и заяцъ кусается, а я хоть и загнанъ, но еще не заяцъ.»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Изъ балета «Два вора».

Покойная ночь, которую всѣ пожелали Висленеву, была беспокойная. Простясь съ сестрой и возвратясь въ свои

кабинетъ, онъ заперся на ключъ и началъ быстро ходить взадъ и впередъ. Думы его летѣли одна за другою толпами, словно онъ куда-то неся и обгонялъ кого-то на ретивой тройкѣ; ему, очевидно, было сильно не по себѣ: его точилъ незримый червь, отъ котораго нельзя уйти, какъ отъ самого себя.

— Весь я истормошился и изнемогъ, говорилъ онъ себѣ.— Здѣсь какъ будто легче немного, въ отцовскомъ домѣ, но надолго ли?.. Надолго ли они не будутъ знать, что я изъ себя сдѣлалъ?.. Кто я и что я?.. Надо, надо спастись! Дни ужасно быстро бѣгутъ, сбѣжали безвѣстно куда цѣлые годы, перевалило за полдень, а я еще не доигралъ ни одной... нѣтъ, пужна рѣшимость... квитъ или двойной купит!

Висленевъ нетерпѣливо сбросилъ пиджакъ и жилетку и уже хотѣлъ совсѣмъ раздѣваться, но вмѣсто того только завелъ руку за разстегнутый воротъ рубашки и до крови сжалъ себѣ ногтями кожу около сердца. Черезъ нѣсколько секундъ онъ ослабилъ руку, подошелъ въ раздумьи къ столу, взялъ перочинный ножикъ, открылъ его и приставилъ къ крышкѣ портфеля.

«Разъ—и все кончено, и все объяснится», пробѣжало въ его умѣ.

— Но если тутъ дѣйствительно есть такія деньги? Если... Гордановъ не лгалъ, а говорилъ правду? Откуда онъ могъ взять такія цѣнныя бумаги? Это ложь... но, однако, какое же я имѣю право въ немъ сомнѣваться? Вѣдь во всѣхъ случаяхъ до сихъ поръ онъ меня выручалъ, а я его... и что же я выиграю отъ того, если удостовѣрюсь, что онъ меня обманываетъ и хочетъ обмануть другихъ? Я ничего не выигрываю. А если онъ дѣйствительно владѣетъ вѣрнымъ средствомъ выпутаться самъ и меня выпутать, то я, обличивъ предъ нимъ свое невѣріе, послѣднимъ поклономъ всю обѣдню себѣ испорчу. Нѣтъ!

Онъ быстрымъ движеніемъ бросилъ далеко отъ себя ножъ, задулъ свѣчи и, распахнувъ окно въ садъ, свѣсился туда по грудь и сталъ вдыхать свѣжій ночной воздухъ.

Ночь была тихая и теплая, по небу шли грядками слоистыя облака и заслоняли луну. Дождь, не разошедшійся съ вечера, не расходился вовсе. На усыпанной дорожкѣ противъ окна Ларисиной комнаты лежали три полосы слабаго свѣта, пробивавшагося сквозь опущенныя шторы.

«Сестра не спитъ еще, — подумаль Висленевъ. — Бѣдняжка!.. Славная она, кажется, дѣвушка... только никакого въ ней направленія нѣтъ... а вправду, чортъ возьми, и нужно ли женщинамъ направленіе? Правила, я думаю, нужныѣ. Это такъ и было: прежде цѣнили въ женщинахъ хорошія правила, а нынче направленіе... мнѣ, по правдѣ сказать, въ этомъ случаѣ старина гораздо больше нравится. *Правила*, это нѣчто твердое, вѣрное, само себя берегущее и само за себя отвѣтствующее, а направленіе... это: день мой—вѣкъ мой. Это все колеблется, перемѣняется и мѣняется, и въ своихъ перебиваніяхъ, и въ своихъ задачахъ. И что такое это наше направленіе?.. Кто мы и что мы? Мы лѣземъ на мѣста, не пренебрегаемъ властью, хлопочемъ о деньгахъ и полагаемъ, что когда заберемъ въ руки и деньги, и власть, тогда сдѣлаемъ и «общее дѣло»... но вѣдь это все вздоръ, все это лукавство, никакъ не болѣе, на самомъ же дѣлѣ теперь о себѣ хлопочетъ каждый... Гордаповъ служилъ въ Польшѣ, а развѣ опъ любить Россію? Онъ потомъ учредилъ кассу ссудъ на чужое имя, и дралъ и съ живого, и съ мертваго, говоря, что это нужно для «общаго дѣла», но развѣ какое-нибудь общее дѣло видало его деньги? Онъ давалъ мнѣ займы... но развѣ мое нынѣшнее положеніе при немъ не то же самое, что положеніе нѣмца, котораго Блондень носилъ за плечами, хотя по канату? Я долженъ сидѣть у него на закорткахъ, потому что я *долженъ*... Прегадкій каламбуръ! Но мой Блондень рано или поздно полетитъ внизъ головой... опъ не сдобруетъ, этотъ чудотворецъ, заживо творящій чудеса, и я съ нимъ вмѣстѣ сломаю себѣ шею... я это знаю, я это чувствую и предвижу. Здѣсь, въ родительскомъ домѣ, мнѣ это ясно до боли въ глазахъ... мнѣ словно кто-то шепчетъ здѣсь: «кинь, брось его и оглянись назадъ... А назадъ?..»

Ему въ это мгновеніе показалось, что позади его кто-то дышитъ.

Висленевъ быстро восклонился отъ окна и глянулъ назадъ.

По полу, черезъ всю переднюю, лежала чуть замѣтная полоса слабого свѣта и ползла чрезъ открытую дверь въ темный кабинетъ и здѣсь терялась во тьмѣ.

«Луна за облакомъ, откуда бы могъ быть этотъ свѣтъ?» — подумаль Висленевъ, тихо вышелъ въ переднюю и вздрогнулъ.

Высокій фасадъ большого дома, занимаемаго семействомъ Синятинина, былъ весь темень, но въ одномъ окнѣ стояла легкая, почти воздушная бѣлая фигура, съ лицомъ, ярко освѣщеннымъ двумя свѣчами, которыя горѣли у ней въ обѣихъ рукахъ.

Это не была Александра Ивановна, это легкая, ээирная, полудѣтская фигура въ бѣломъ, но не въ бѣломъ платьѣ обыкновеннаго покроя, а въ чемъ-то въ родѣ ряски монастырской бѣлицы. Стоящій воротничокъ обхватываетъ тонкую, слабую шейку, дѣтскій станъ словно повить пеленой и широкіе рукава до локтей открываютъ тонкія руки, озаренныя трепетнымъ свѣтомъ горящихъ свѣчь. Съ головы на плечи вьются свѣтлые русые кудри, и два черные острые глаза глядятъ точно не види, а уста шевелятся.

— И что она дѣлаетъ, стоя со свѣчами у окна? — размышляя Висленевъ.—И главное, кто это такой: ребенокъ, женщина или, пожалуй, привидѣніе... духъ!.. Какъ это смѣшно! Кто ты? Мой ангелъ ли спаситель или темный демонъ искушитель? А вотъ и темно... Какъ странно у нея погасъ огонь! Я не видалъ, чтобъ она задула свѣчи, а она точно сама съ ними исчезла... Чтѣ это за явленіе такое? Завтра первымъ дѣломъ спрошу, чтѣ это за фея у нихъ мерцаетъ въ ночи? Не призываюсь ли я вправду къ покаянію? О, да, о, да, какая разница, если бъ я пріѣхалъ сюда одинъ, именно для одной сестры, или теперь?.. Мнѣ тяжело здѣсь съ демономъ, на котораго я возложилъ мои надежды. Сколько разъ я думалъ придти сюда какъ блудный сынъ, покаяться и жить какъ всѣ они, ихъ тихою, простою жизнью... Нѣтъ, все не хочется смириться и надежда все лжетъ своимъ лепетомъ, да и нелзя: въ нашъ вѣкъ отсылають къ самопомощи... Самъ себѣ, говорятъ, помогай, то-есть что же, крадь что ли, если не за что вьяться? Вотъ отъ этого и мошенниковъ стало очень много. Фу, Господи, откуда и зачѣмъ опять является въ окнѣ это бѣлое привидѣніе! Что это?.. Обѣ руки па-крестъ и свѣчи у ушей взмахнула... Нѣтъ ея... и холодъ возлѣ сердца... Ну, однако, мои нервы съ дороги воюють. Давно пора спать. Нечего думать о мистеріяхъ блуднаго сына, теперь ужъ настала пора ставить балетъ *Два вора*... Чтѣ?..—и онъ вдругъ вздрогнулъ при последнемъ словѣ и повторилъ въ умѣ «балетъ *Два вора*».— «Ужасно!.. А вонъ окно-то въ садъ открыто о сю пору...

Какая неосторожность! Садъ кончается неогороженнымъ обрывомъ надъ рѣкою... Вору ничего почти не стоить забраться въ садъ и... украсть портфель.—Висленевъ перешелъ назадъ въ свой кабинетъ и остановился.—Такъ ничего невозможно сдѣлать съ такою нерѣшительностью...» — соображалъ онъ:—«оттого мнѣ никогда и не удавалось быть честнымъ, что я всегда хотѣлъ быть честнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, я всегда упускалъ хорошіе случаи, а за дрянные брался... Гордановъ бы не раздумывалъ на моемъ мѣстѣ обривизовать этотъ портфель, тѣмъ болѣе, что сюда въ окна, напримѣръ, очень легко могъ влѣзть воръ, взять изъ портфеля цѣльныя бумаги... а портфель... бросить разрѣзанный въ саду... Отчего я не могу этого сдѣлать? Низко?.. Передъ кѣмъ? Кто можетъ это узнать... Гораздо хуже я хотѣлъ звать слесаря. Слесарь свидѣтель... Но самого себя стыдно. Сердце бьется! Но я вѣдь и не хочу ничего взять себѣ, это будетъ только хитрость, чтобы знать: есть у Горданова средства повести какія-то блестящія дѣла или все это вздоръ? Конечно, конечно; это простиительно, даже это нравственно разоблачать такое темное мошенничество! Иначе никогда на волю не выберешься... Гдѣ ножъ? Куда я его бросилъ!» — шепталъ онъ, дрожа и блуждая взоромъ по темной комнатѣ.— «Фу, какъ темно! Онъ, кажется, упалъ подъ кровать...»

Висленевъ началъ шарить впотьмахъ руками по полу, но ножа не было.

— Какая глупость! Гдѣ спички?

Онъ началъ осторожно шарить по столу, ища спичекъ, но и спичекъ тоже не было.

— Все не то, все попадается портфель... Вотъ, кажется, и спички... Нѣтъ!.. Однако же какая глупость... съ кѣмъ это я говорю и дрожу... Гдѣ же спички?.. У сестры все такъ въ порядкѣ и нѣтъ спичекъ... Что?.. Съ какой стати я сказалъ: «у сестры...» Да, это правда, я у сестры, и на столѣ нѣтъ спичекъ... Это оттого, что онъ вѣрно у кровати.

Онъ, чуть касаясь ногами пола, пошелъ къ кровати: здѣсь было еще темнѣе. Опять надо было искать на ощупь, но Висленевъ, проводя руками по маленькому столику, вдругъ неожиданно свалилъ на полъ колокольчикъ, и съ этимъ быстро бросился обутый и въ панталонахъ въ постель, и закрылся съ головой одеяломъ.

Его обливалъ потъ и въ то же время была лихорадка, въ головѣ все путалось и плясало, сдавалось, что по комнатѣ кто-то тихо ходитъ, стараясь не разбудить его.

— Не лучше ли дать знать, что я не крѣпко сплю и близко къ пробужденію?—подумалъ Юсафъ Платоновичъ и притворно вздохнулъ соннымъ вздохомъ и, потянувшись, совлекъ съ головы одѣяло.

Въ жаркое лицо ему нахнула свѣжая струя, но въ комнатѣ было все тихо.

«Сестра притихла, или она вышла,»—подумалъ онъ и ворохнулся посмѣлье.

Конецъ спустившагося одѣяла задѣлъ за лежавшій на полу колокольчикъ, и тотъ, медленно дребезжа о края язычкомъ, покатился по полу. Вотъ онъ описалъ полукругъ и все стихло, и снова нигдѣ ни дыханія, ни звука, и только слышно Висленеву, какъ крѣпко ударяетъ сердце въ его груди; онъ слегка разомкнулъ рѣсницы и видитъ — темно.

— Да, можетъ-быть, сестра сюда вовсе и не входила, можетъ все это мнѣ только слышалось... или, можетъ быть, не слышалось... а сюда входила не сестра... а садъ кончается обрывомъ надъ рѣкой... ограды нѣтъ, и воръ... или *онъ самъ* могъ все украсть, чтобы послѣ обвинить меня и погубить!

Висленевъ быстро сорвался съ кровати, потянулъ за собою одѣяло и, кинувшись къ столу, судорожными руками нащупалъ портфель и палъ на него грудью.

Нѣсколько минутъ онъ только тяжело дышалъ и потомъ, медленно распрямляясь, всталъ, прижалъ портфель обѣими руками къ груди и, высунувшись изъ окна, поглядѣлъ въ садъ.

Ночь темнѣла предъ разсвѣтомъ, а на пескѣ дорожки попрежнему мерцали три полоски свѣта, проходящаго сквозь шторы итальянскаго окна Ларисиною спальни.

— Неужто это Лара до сихъ поръ не спитъ? А можетъ быть у нея просто горитъ лампада. Пойти бы къ ней и попросить у нея спички? Что жъ такое? Да и вообще чего я пугаюсь! Вздоръ все это; гиль! Я не только долженъ удостовѣриться, а я долженъ... взять, да, взять, взять... средство, чтобы самому себѣ помогать... Презираю себя, презираю другихъ, презираю то, что меня могутъ презирать, но ужъ кончу же это все разомъ! Прежде всего разбужу сестру и возьму спичекъ, тутъ нѣтъ ничего невозво-

лительнаго? Нездоровится, не спится, а спичекъ не поставлено, или я не могу ихъ найти?

Висленевъ прокрался въ самый темный уголь къ камину и поставилъ тамъ портфель за часы, а потомъ подошелъ къ запертой двери въ залъ и осторожно повернулъ ключъ.

Замочная пружина громко щелкнула и дверь въ залу отворилась.

Ну, ужъ теперь надобно идти!

Онъ подошелъ къ дверямъ сестриной комнаты, но вдругъ спохватился и сталъ.

«Это никуда не годится,—рѣшилъ онъ.—Зачѣмъ мнѣ огонь? Въ саду можетъ кто-нибудь быть, и ему все будетъ видно ко мнѣ въ окно, что я дѣлаю! Теперь ночь, это правда, но самыя неожиданныя случайности часто выдавали самыя вѣрно рассчитанныя предпріятія. Положимъ, я могу опустить штору, но все-таки будетъ извѣстно, что я просыпался и что у меня былъ огонь... тѣнь можетъ все выдать, надо бояться и тѣни.»

Онъ сдѣлалъ два шага назадъ и остановился противъ балконной двери.

«Не лучше ли отворить эту дверь? Это было бы прекрасно... Тогда могло бы все пасть на то, что забыли запереть дверь и ночью взшелъ воръ, но...»

Онъ ужъ хотѣлъ повернуть ключъ и остановился: опять пойдетъ это замочное щелканье, и потомъ... это неловко... могутъ пойти гадкіе толки, вредные для чести сестры...

Висленевъ отмѣнилъ это намѣреніе и тихо возвратился въ свой кабинетъ. Осторожно, какъ можно тише притворилъ онъ за собою дверь изъ залы, пробрался къ камину, на которомъ оставилъ портфель, и вдругъ чуть не свалилъ завѣтныхъ часовъ. Его даже облилъ холодный потъ, но онъ впотъмахъ, не зная самъ какимъ чудеснымъ образомъ, подхватилъ часы налету, взялъ въ руки портфель и, отдохнувъ минуту отъ волненія, началъ хладнокровно шарить руками, пща по полу заброшеннаго ножа.

Хладнокровная работа оказалась далеко успѣшнѣе давишихъ судорогъ, и ножикъ скоро очутился въ его рукахъ. Взявъ въ руки ножъ, Висленевъ почувствовалъ твердое и неодолимое спокойствіе. Сомнѣнія его сразу покинули,—о страхахъ не было и помину. Теперь ему никто и ничто не помѣшаетъ вскрыть портфель, узнать, дѣйстви-

тельно ли тамъ лежать цѣнные бумаги, и потомъ свалить все это на воровъ. Размышлять больше не о чемъ, да и некогда; ножъ, крѣпко взятый рѣшительною рукою, глубоко вонзился въ снай крышки портфеля, но вдругъ Висленевъ вздрогнулъ, ножъ завизжалъ, вырвался изъ его рукъ, точно отнятый сторонней силой, и упалъ куда-то далеко за окномъ, въ густую траву, а въ комнатѣ, среди глубочайшей ночной тишины, съ рычащемъ раскатился оглушительный звонъ, трескъ, шипѣніе, свистъ и грохотъ.

Висленевъ схватился за косякъ окна и не дышалъ, а когда онъ пришелъ въ себя, предъ нимъ стояла со свѣчей въ рукахъ Лариса, въ ночномъ пеньюарѣ и кругломъ фламандскомъ чепцѣ на черныхъ кудряхъ.

— Что здѣсь такое, Joseph?—спросила она голосомъ тихимъ и спокойнымъ, но наморщивъ лобъ и острымъ взглядомъ окидывая комнату.

— А... что такое?

— Зачѣмъ ты пустилъ эти часы! Они уже восемнадцать лѣтъ стояли на минутѣ бабушкиной смерти... а ты ихъ стронулъ.

— Ну, да я испугался и самъ!—заговорилъ, оправляясь, Висленевъ.—Они подняли здѣсь такой содомъ, что мертвый бы впалъ въ ужасъ.

— Ну, да, это не мудрено, у нихъ давно все перержавѣло, и разумѣется, какъ колеса пошли, такъ и скатились всѣ до новаго завода. Тебѣ не надо было ихъ пускать.

— Да я и не пускалъ.

— Помилуй, кто же ихъ пустилъ? Они всегда стояли.

— Я тебѣ говорю, что я ихъ не пускалъ.

— Ты, вѣрно, ихъ толкнулъ или покачнулъ неосторожно. Они стояли безъ четырехъ минутъ двѣнадцать, прошли нѣсколько минутъ и начали бить, пока сошелъ заводъ. Я сама не менѣ тебя встревожилась, хотя я еще и не ложилась спать.

— А я вѣдь,—представь ты, спалъ и очень крѣпко спалъ, и вдругъ здѣсь этотъ шумъ и... кто-то... словно бросился въ окно... я вспрыгнулъ и вижу... портфель... гдѣ онъ?

— Онъ вотъ у тебя, у ногъ.

— Да вотъ... и онъ нагнулся къ портфелю.

Лариса быстро отвернулась и, подойдя къ камину, на которомъ стояли часы, начала поправлять ихъ, а затѣмъ

задула свѣчу и, переходя безъ огня въ переднюю, остановилась у того окна, у котораго незадолго передъ тѣмъ стоялъ Висленевъ.

— Чего ты смотришь?—спросилъ онъ, выходя вслѣдъ за сестрой.

— Смотрю, нѣтъ ли кого на дворѣ.

— Ну и что же: нѣтъ никого?

— Нѣтъ, я вижу, кто-то прошелъ?

— Кто прошелъ? Кто?

— Это вѣрно жандармъ.

— Что? жандармъ! Зачѣмъ жандармъ?—И Висленевъ подвинулся за сестрину спину.

— Здѣсь это часто... Къ Ивану Демьянычу депеша или бумага, и больше ничего.

— А, ну такъ будемъ спать!

Лариса не подала брату руки, но молча подставила ему лобъ, который былъ холоденъ, какъ кусокъ свинца.

Висленевъ ушелъ къ себѣ, заперся со всѣхъ сторонъ и, опуская штору въ окнѣ, подумалъ: «Ну, чертъ возьми со-всѣмъ! Хорошо, что это еще такъ кончилось? Конечно, тамъ мой ножъ за окномъ... Но, впрочемъ, кто же знаетъ, что это мой ножъ?... Да и если я не буду спать, то я на зарѣ пойду и отыщу его...»

И съ этимъ онъ не замѣтилъ, какъ уснулъ.

Лариса между тѣмъ, войдя въ свою комнату, снова заперлась на ключъ, и, ставъ на срединѣ комнаты, окаменѣла.

— Боже! Боже мой!—прошептала она, приходя чрезъ нѣсколько времени въ себя:—да неужто же мои глаза... Неужто онъ!

И она покрылась яркою краской багроваго румянца и перешла изъ спальни въ столовую. Здѣсь она сѣла у окна и, спрятавшись за косякомъ, рѣшилась не спать, пока не-станетъ день и проснется Синтянина.

Ждать приходилось недолго, на дворѣ уже замѣтно сѣрѣло, и у сосѣда Висленевыхъ, въ клѣткѣ, на высококомъ шестѣ, перепелъ громко ударилъ свое утреннее «бакъ-ба-бакъ!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дока на доку нашель.

Чтобъ идти далѣе, надо возвратиться назадъ къ тому полуночному часу, въ который Гордановъ уѣхалъ изъ дома Висленевыхъ къ себѣ въ гостиницу.

Мы знаемъ, что когда Павелъ Николаевичъ прѣхалъ къ себѣ, было безъ четверти двѣнадцать часовъ. Онъ велѣлъ отпрягать лошадей и, проходя по коридору, кликнулъ своего новаго слугу.

— Ко мнѣ должны сейчасъ прѣхать мои знакомые: дождай ихъ внизу и встрѣть ихъ и проводи, — велѣлъ онъ лакею.

— Понимаю-съ.

— Ничего ты не понимаешь, а иди и дождайся. Подай мнѣ ключъ, я самъ взойду одинъ.

— Ключа у меня нѣтъ-съ, потому что тамъ, въ передней, васъ ожидаютъ съ письмомъ отъ Бодростиныхъ.

— Отъ Бодростиныхъ? — изумился Гордановъ, который ожидалъ совсѣмъ не посланнаго.

— Точно такъ-съ.

— Давно?

— Минуты три не больше, я только проводилъ и шелъ сюда.

— Хорошо, все-таки жди внизу, — приказалъ Гордановъ и побѣжалъ вверхъ, прыгая черезъ двѣ и три ступени.

«Человѣкъ съ письмомъ? — думалъ онъ, — это, конечно, ей помѣшало что-нибудь очень серьезное. Чортъ бы побралъ всѣ эти препятствія въ такую пору, когда все больше чѣмъ когда-нибудь виситъ на волоскѣ».

Съ этимъ онъ подошелъ къ двери своего ложемента, нетерпѣливо распахнулъ ее и остановился.

Коридоръ былъ освѣщенъ, но въ комнатахъ стояла непроглядная темень.

— Кто здѣсь? — громко крикнулъ Гордановъ на порогѣ и мысленно ругнулъ слугу, что въ номерѣ нѣтъ огня, но, замѣтивъ въ эту минуту маленькую гаснущую точку только-что задutoй свѣчи, повторилъ гораздо тише: — кто здѣсь такой?

— Это я! — отвѣчала ему изъ темноты тихій, но звучный голосъ.

Гордановъ быстро переступилъ порогъ и заперъ за собою дверь.

Въ это мгновеніе плеча его тихо коснулась мягкая, нѣжная рука. Онъ взялъ эту руку и повелъ того, кому она принадлежала, къ окну, въ которое слабо свѣтилъ снизу уличный фонарь.

— Ты здѣсь?—воскликнулъ онъ, взглянувъ въ лицо таинственнаго посетителя.

— Какъ видишь... Одинъ ли ты, Павелъ?

— Одинъ, одишь, и сейчасъ же совсѣмъ отошлю моего слугу.

— Пожалуйста, скорѣй пошли его куда-нибудь далеко... Я такъ боюсь... Вѣдь здѣсь не Петербургъ.

— О, перестань, все знаю и самъ дрожу.

Онъ свѣсилъ въ окно и позвалъ своего человѣка по имени.

— Куда бы только его послать, откуда бы онъ не скоро воротился?

— Пошли его на извозчикъ въ нашу оранжерею купить цвѣтовъ. Онъ не успѣетъ воротиться раньше утра.

Гордановъ ударилъ себя въ лобъ и, воскликнувъ: — «отлично!»—выбѣжалъ въ коридоръ. Здѣсь, столкнувшись носъ съ носомъ съ своимъ человѣкомъ, онъ далъ ему двадцать рублей и строго приказалъ сейчасъ же ѣхать въ Бодростинское подгородное имѣніе, купить тамъ у садовника букетъ цвѣтовъ, какой возможно лучше, и привезти его къ утру.

Слуга поклонился и исчезъ.

Гордановъ возвратился въ свой номеръ. Въ его гостиной теплилась стеариновая свѣча, слабый свѣтъ которой былъ заслоненъ темнымъ силуэтомъ человѣка, стоявшаго ко входу спиной.

— Ну, вотъ и совсѣмъ одни съ тобой!—заговорилъ Гордановъ, замкнувъ на ключъ дверь и направляясь къ силуэту.¹

Фигура молча повернулась и начала нетерпѣливо разстегивать напередѣ частыя пуговицы черной шинели.

Гордановъ быстро опустилъ занавѣсы на всѣхъ окнахъ, зажегъ свѣчи, и когда кончилъ, предъ нимъ стояла высокая стройная женщина, съ подвитыми въ кружокъ темно-русыми волосами, большими сѣрыми глазами, свѣжимъ пріятнымъ лицомъ, которому небольшой вздернутый носъ и полныя пунцовыя губы придавали выраженіе очень смѣлое и въ то же время пикантное. Гостя Горданова была одѣта въ черной бархатной курточкѣ, въ такихъ же панталонахъ и высокихъ, черныхъ лакированныхъ сапогахъ. Бѣлую, довольно полную шею ея обрамлялъ отложной воротничокъ мужской рубашки, застегнутой на груди брильянтовыми за-

понками, а у ногъ ея на полу лежала широкополая, сѣрая мужская шляпа и шинель. Однимъ словомъ, это была сама Глафира Васильевна Бодростина, жена престарѣлаго губернскаго предводителя дворянства, Михаила Андреевича Бодростина,—та самая Бодростина, которую не разъ вспоминали въ Висленевскомъ саду.

Сбросивъ неуклюжую шинель, она стояла теперь, похлопывая себя тоненькимъ хлыстикомъ по сапогу, и съ легкою тѣнью ироніи, глядя прямо въ лицо Горданову, спросила его:

— Хороша я, Павелъ Николаевичъ?

— О да, о да! Ты всегда и во всемъ хороша!—отвѣчалъ ей Гордановъ, лоя и цѣлуя ея руки.

— А я тебѣ могу вѣдь, какъ Татьяна, сказать, что «прежде лучше я была и васъ, Онѣгинъ, я любила».

— Тебѣ нѣтъ равной и теперь.

— А затѣмъ мнѣ, знаешь, что надобно сдѣлать?.. Повернуться и уйти, сказавъ тебѣ прощайте, или... даже не сказавъ тебѣ и этого.

— Но ты, разумѣется, такъ не поступишь Глафира?

Она покачала головой и проговорила:

— Ахъ, Павелъ, Павелъ, какой ты гнусный человѣкъ!

— Брани меня, какъ хочешь, по одного прощай: позволь мнѣ прежде всего рассказать тебѣ...

— Зачѣмъ?.. Ты только будешь лгать и сдѣлаешься жалокъ мнѣ и гадокъ, я совсѣмъ не желаю ни плакать о тебѣ, какъ было въ старину, ни брезговать тобой, какъ было послѣ,—отвѣсила съ гримасой Бодростина и, вынувъ изъ бокового кармана своей курточки черепаховый портъ-сигаръ съ серебряной отдѣлкой, достала пахитоску и, отбросивъ ногой въ сторону кресло, прыгнула и полудегла на диванъ.

Гордановъ подвелъ ей подъ локоть подушку. Бодростина приняла эту услугу безо всякой благодарности и, не глядя на него, сказала:

— Подай мнѣ огня!

Глафира Васильевна зажгла пахитоску и откинулась на подушку.

— Что ты смѣешься?—спросила она сухо.

— Я думаю: какой бы это былъ судъ, гдѣ женщины были бы судьями? Ты осуждаешь меня, не позволяя мнѣ даже объясниться.

— Да; объясняться,—это давняя мужская специальность, но она уже намъ надобла. Въ чемъ ты можешь объяснить? Въ чемъ ты мнѣ не ясенъ? Я знаю все, что говорится въ вашихъ объясненіяхъ. Вашъ мудрый полъ довольно глупъ: вы очень любите разнообразіе; но сами всѣ до утомительности однообразны.

Она подняла вверхъ руку съ дымящеюся пахитоской и продекламировала:

Кто устоитъ противъ разлуки,—
Соблазна новой красоты,
Противъ бездѣйствія и скуки,
И своенравія мечты?

— Не такъ ли?

— Вовсе нѣтъ.

— О, тогда еще хуже!.. Резоны, доводы, примѣры и пара фактовъ изъ подвиговъ какихъ-то дивныхъ, всепрощавшихъ женщинъ, для которыхъ ваша память служить синодикомъ, когда настанетъ покаянное время... все это скучно и не нужно, Навель Николаевичъ.

— Да, ты позволяй же говорить! Быть-можетъ, я и самъ хочу говорить съ тобой совсѣмъ не о чувствахъ, а...

— О принципахъ... Ахъ, пощади и себя, и меня отъ этого шарлатанства! Оставимъ это донашивать нашимъ горничнымъ и лакеямъ. Я пришла къ тебѣ совсѣмъ не для того, чтобъ укорять тебя въ измѣнахъ; я не изъ тѣхъ, которые рыдаютъ отъ отставокъ; ты мнѣ чужой...

— Позволь тебѣ немножко не повѣрнуть?

Бодростина тихонько перегнула голову и, взглянувъ черезъ плечо, сказала серьезно:

— А ты еще до сихъ поръ въ этомъ сомнѣвался?

— Признаюсь тебѣ, и нынче сомнѣваюсь.

— Скажите, Бога ради! А я думала всегда, что ты гораздо умнѣе! Пожалуйста же впередъ не сомнѣвайся. Возьми-ка вотъ и погаси мою пахитосу, чтобъ она не дымла, и перестанемъ говорить о томъ, о чемъ уже давно пора позабыть.

Гордановъ замаялъ пахитоску.

Въ то время какъ онъ былъ занятъ такою работой, Бодростина пересѣла въ уголь дивана и, сложивъ на груди руки, начала спокойнымъ, дѣловымъ тономъ:

— Если ты думалъ, что я тебя выписывала сюда по сер-

дечнымъ дѣламъ, то ты очень ошибался. Я, cher ami, стара для этихъ дѣлъ—мнѣ скоро двадцать восемь лѣтъ, да и потомъ, если бѣ ужъ лукавый попуталъ, то какъ бы нибудъ и безъ васъ обошлась.

Бодростина завела руку за голову Горданова и поставила ему съ затылка пальцами рожки.

Гордановъ увидалъ это въ зеркало, засмѣялся, поймалъ руку Глафиры Васильевны и поцѣловалъ ея пальцы.

— Ты похожъ на мальчишку, котораго высѣкутъ и потомъ еще велятъ ему цѣловать розгу; но оставь мою руку и слушай. Благодарю тебя, что ты пріѣхалъ по моему письму: у меня есть за тобою долгъ, и мнѣ теперь понадобился платежъ...

Гордановъ сконфузился.

— Что, видишь какая презрѣнная проза насъ сводить!

— Истинно презрѣнная, потому что я... годъ какъ турецкій святой, съ тою разницею, что даже лишень силы чудотворенія.

— Ты совсѣмъ не о томъ говоришь, — возразила Бодростина: — я очень хорошо знаю, что ты всегда голъ какъ африканская собака, у которой предъ тобой есть явныя преимущества въ ея вѣрности, но мнѣ твоего денежнаго платежа и не нужно. Вотъ, на тебѣ еще!

Она вынула съ этимъ изъ-за жилета пачку новыхъ сто-рублевыхъ ассигнацій и бросила ихъ на столъ.

— Но я не возьму этого, Глафира!

— Возьмешь, потому что это нужно для моего дѣла, которое ты долженъ сдѣлать, потому что я на одного тебя могу положиться. Ты долженъ мнѣ заплатить одинъ невестинный долгъ.

— Скажи яснѣе. Какой? Ихъ множество.

— Перечти всѣ важнѣшше случаи въ нашихъ съ тобой столкновеніяхъ. Начинай назадъ тому семь лѣтъ, ты, молодой студентъ, вошелъ «въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую», въ качествѣ учителя двѣнадцатилѣтняго мальчишка и, встрѣтивъ въ той хижинѣ, «за Невой широкою, дѣву свѣтлоокую», ты занялся развитіемъ сестры болѣе, чѣмъ уроками брата. Кончилось все это тѣмъ, что «дѣва» увлеклась плѣнительною сладостью твоихъ обманчивыхъ рѣчей и, положившись на твои сладкія приманки въ алюминіевыхъ чертогахъ свободы и счастья, въ трудѣ съ беранжеров-

скими шансонетками, бросила отца и мать и пошла жить съ тобою «на разумныхъ началахъ», глупѣ которыхъ ничего невозможно представить. Колоссальная дура эта была я. Подтверди это.

— Что-жъ тутъ подтверждать! Собственное сознание лучше свидѣтельства цѣлаго свѣта.

— Какая у тебя холодная натура, Гордановъ! Я еще до сихъ поръ не отвыкла стыдиться, что ты когда-то для меня нѣчто значилъ. Но я все-таки дорисую тебѣ вашей честности портретъ. Я тебѣ скоро надоѣла, потому что вамъ всякій надоѣдасть, кому надобно ѣсть. Вы всѣ, господа, очень опрометчиво поступали, склоняя женщину жить только плотью и не вѣрить въ душу: вамъ гораздо сподручнѣе были бы безплотныя; но я, къ сожалѣнію, была не безплотная и доказала вамъ это живымъ существомъ, которое вы «во имя принципа» сдали въ Воспитательный домъ. Потомъ вы... хотѣли спустить меня съ рукъ, обратить меня въ карту для игры съ передаточнымъ вистомъ. «Такія, дескать, у насъ правила игры»; но я вамъ плюнула на ваши «правила игры» и стала казаться опасною... Вы боялись, чтобъ я сдуру не повѣсилась, и положили спровадить меня къ отцу и къ матери: «вогъ, дескать, ваша дочка! Не говорите, что мы разбойники и воры, мы ее совсѣмъ не украли, а поводили, поводили, да и назадъ привели». Но я и на такіе курбеты была неспособна: сидѣть съ вашими стрижеными, грязношеими барышнями и слушать ихъ безконечныя сказки «про бѣлаго бычка», да склонять отъ бездѣлья слово «трудъ», мнѣ наскучило; ходить по вашимъ газетнымъ редакціямъ и не выручать тяжелою работою на башмаки я считала глупымъ, и въ томъ не каюсь... Конечно, было средство женить на себѣ принципнаго дурака, сказать, что я стѣснена въ своей свободѣ, и потребовать, чтобы на мнѣ женился кто-нибудь «изъ принципа», въ родѣ Висленева... но мнѣ всѣ «принципные» послѣ васъ омерзѣли... Тогда рѣшились попрактиковать на мнѣ еще одинъ принципъ: пустить меня, какъ красивую женщину, на поиски и привлеченье къ вамъ богатыхъ людей... и я, ко всеобщему вашему удивленію, на это согласилась; но вы, тогдашніе міровые дѣятели, были всѣ столько глупы, что, вознамѣрясь употребить меня вмѣсто червя на удочку для приманки богатыхъ людей, нужныхъ вамъ для вели-

каго «общаго дѣла», не знали даже, гдѣ водятся эти золотые караси и гдѣ ихъ можно удить... На ваше счастье отыскался какой-то панъ Холявскій, или панъ Молявскій: онъ пронюхалъ, что есть милліонеръ, помѣщикъ трехъ губерній, заводчикъ и фабрикантъ и предводитель благороднаго дворянства Бодростинъ, который желалъ бы имѣть красивую лектрису. Мѣсто это тонкость пана Холявскаго и ваше великодушіе и принципъ приспособили мнѣ, обусловивъ дѣло тѣмъ, что половина изо всего, что за меня будетъ выручено, должна поступить на «общее дѣло», а другая половина на «польское дѣло». Вы это помните?

— Конечно.

— И помните, какъ я жестоко обманула васъ и ихъ, и «общее дѣло»? Ха-ха-ха!.. Послушай, Павелъ Николаевичъ! Ты давеча хотѣлъ цѣловать руки: изволь же ихъ, я позволю тебѣ, цѣлуй ихъ, цѣлуй—онѣ надѣли на васъ такіе дурацкіе колпаки съ ослиными ушами, это стѣить благодарности.

Бодростина опять расхохоталась.

— Какъ весело!—сказалъ Гордановъ.

— Ахъ, когда бы ты вправду зналъ, какъ это весело надуть бездѣльниковъ и негодяевъ! Ха-ха-ха... Ой!.. Подайте мнѣ, пожалуйста, воды, а то со мной сдѣлается истерика отъ смѣху.

Гордановъ всталъ, подавъ воды и, сидя въ креслѣ, нагнулъ лицомъ къ колѣнамъ. Бодростина жадно глотала воду и все продолжала смѣяться, глядя на Горданова черезъ край стакана.

— Возьми прочь,—наконецъ выговорила она сквозь смѣхъ, опуская на полъ недопитый стаканъ, и въ то время какъ Гордановъ нагнулъ, чтобы поднять этотъ стаканъ, она, полуплутя, полусерьезно, ударила его по спинѣ своимъ хлыстомъ.

Павелъ Николаевичъ вспрыгнулъ и поблѣднѣлъ. Бодростина еще дерзче захохотала.

— Это очень неприятная шутка: отъ нея больно!—весь трясаясь отъ злобы, сказалъ Гордановъ.

Бодростина въ одно мгновеніе эластическимъ тигромъ соскочила съ дивана и стала на ноги.

— А-а,—заговорила она съ презрительной улыбкой. — Вамъ больна эта шутка съ хлыстомъ, тогда какъ вы меня

всю искалѣчили... въ лектрисы пристраивали... и я не жаловалась, не кричала «болжно». Нѣтъ, я васъ слушала, я васъ терпѣла, потому что знала, что, повѣсившись, надо мотаться, а, оторвавшись, кататься: мнѣ оставалась одна надежда— мой царь въ головѣ, и я васъ осмѣяла... Я пошла въ лектрисы потому... что знала, что не могу быть лектрисой! Я знала, что я хороша, я лучше васъ знала, что красота есть сила, которой не чувствовали только ваши тогдашнiе косматые уроды... Я пошла, но я не заняла той роли, которую вы мнѣ подстроили, а я позаботилась о самой себѣ, о своемъ собственномъ дѣлѣ, и вотъ я стала «ея превосходительство Глафира Васильевна Бодростина», дѣлающая неслыханную честь своимъ посѣщенiемъ перелетной птицѣ, господину Горданову, аферисту, который поздно спохватился, но жадно гонится за деньгами и играетъ теперь на своей и чужой головкѣ. Но вы такой мнѣ и нужны.

— Я готовъ служить вамъ, чѣмъ могу.

— Вѣрю: я всегда знала, что у васъ есть point d'honneur, своя «каторжная совѣсть».

— Я сдѣлаю все, что могу.

— Женитесь для меня на старухѣ!

— Вы шутите?

— Нимало.

— Я не могу этого принимать иначе какъ въ шутку.

— Да, вы правы, я не хочу васъ мучить: мнѣ не надо, чтобы вы женились на старухѣ. Я фокусовъ не люблю. Нѣтъ, вотъ въ чемъ дѣло...

—,Который разъ ты это начинаешь?

Бодростина вмѣсто отвѣта целкнула себя своимъ хлыстомъ по ногѣ и потомъ, поднявъ этотъ тонкiй хлысть за оба конца двумя пальцами каждой руки, протянула его между своими глазами и глазами Горданова въ лицiю и проговорила:

— Старикъ мой очень зажился!

Гордановъ отступилъ шагъ назадъ.

Глафира Васильевна медленно опустила хлысть къ своимъ колѣнамъ, медленно сдѣлала два шага впередъ къ собесѣднику и, мѣрая его холоднымъ проникающимъ взглядомъ, спросила:

— Вы, кажется, изумлены?

Въ глазахъ у Бодростинной блеснула тревога, но она тотъ

часть совладѣла съ собою и, оглянувшись въ сторону, гдѣ стояло трюмо, спросила съ улыбкой:

— Чего вы испугались, не своего ли собственнаго отраженія?

— Да; но оно очень преувеличено, — отвѣчалъ Гордановъ.

— Вы очень впечатлительны и нервны, Поля.

— Нѣтъ; я впечатлителенъ, но я не нервнень.

Съ этими словами онъ взялъ руку Бодростиной и добавилъ:

— Моя рука тепла и суха, а твоя влажна и холодна.

— Да, я нервна, и если у тебя есть стаканъ шампанскаго, то я охотно бы его выпила. Не будемъ ли мы спокойнѣе говорить за виномъ?

— Вино готово, — отвѣчалъ, уходя въ переднюю, Гордановъ, и черезъ минуту вынесъ оттуда бутылку и два стакана.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ органѣ перемѣнили валь.

— Чокнемся! — сказала Бодростина и, ударивъ свой стаканъ о стаканъ Горданова, выпила залпомъ болѣе половины и поставила на столъ. — Теперь садись со мной рядомъ, — проговорила она, указывая ему на кресло. — Видишь въ чемъ дѣло: весь мѣръ, то-есть всѣ тѣ, которые меня знаютъ, думаютъ, что я богата: не правда ли?

— Конечно.

— Ну да! А это ложь. На самомъ дѣлѣ я такъ же богата, какъ церковная мышь. Это могло быть иначе, но ты это разстроилъ, а вотъ это и есть твой долгъ, который ты долженъ мнѣ заплатить, и тогда будетъ мнѣ хорошо, а тебѣ въ особенности... Надѣюсь, что могу съ вами говорить, не боясь васъ встревожить?

Гордановъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Я тебѣ откровенно скажу: я никогда не думала тянуть эту исторію такъ долго.

Бодростина остановилась, Гордановъ молчалъ. Оба они понимали, что подходитъ къ очень серьезному дѣлу, и очень зорко слѣдили другъ за другомъ.

— Выйдя замужъ за Михаила Андреевича, — продолжала Бодростина: — я надѣялась на первыхъ же порахъ, черезъ годъ или два, быть чѣмъ-нибудь обеспеченною настолько, чтобы покончить мою муку, уѣхать куда-нибудь

и жить, какъ я хочу... и я во всемъ этомъ непременно бы успѣла, но я еще была глупа и, несмотря на всѣ продѣланныя со мною штуки, вѣрила въ любовь... хотѣла жить не для себя... я тогда еще слишкомъ интересовалась тобой... я искала тебя вездѣ и повсюду: мой мужъ съ перваго же дня нашей свадьбы былъ въ положеніи молодого козла, у котораго чешется лобъ, и лобъ у него чесался недаромъ: я тебя отыскала. Ты былъ нелѣпъ. Ты взревновалъ меня къ мужу. Это было съ твоей стороны чрезвычайно пошло, потому что долженъ же ты былъ понимать, что я не могла же не быть женой своего мужа, съ которымъ я только-что обвѣнчалась; но... я была еще глуше тебя: мнѣ это казалось увлекательнымъ... я любила видѣть, какъ ты меня ревнуешь, какъ ты, снявши съ себя голову, плачешь по своимъ волосамъ. Что дѣлать? Я была женщина: ваша школа не могла меня вышколить какъ собачку, и это меня погубило; взбѣшенный ревностью, ты оскорбилъ моего мужа, который предъ тобой ни въ чемъ не виноватъ, который старѣе тебя на полстолѣтія и который даже старался и умѣлъ быть тебѣ полезнымъ. Но все еще и не въ этомъ дѣло: но ты выдалъ меня, Павелъ Николаевичъ, и выдалъ головой съ доказательствами продолженія нашихъ тайныхъ свиданій послѣ моего замужества. Глупая кузина моя, эта злая и пошлая Алина, которую ты во имя «принципа» женской свободы съ такимъ мастерствомъ женилъ на дурачкѣ Висленевѣ, по совѣту вашихъ дуръ, вообразила, что я глупа, какъ всѣ онѣ, и измѣнила имъ... выдала ихъ!.. Кого? Кому и въ чемъ могла я выдать? Я могла выдать только одно, что онѣ дуры; но это и безъ того всѣмъ извѣстно; а она, благодаря тебѣ, выдала мою тайну — прислала мужу мои собственноручныя письма къ тебѣ, противъ которыхъ мнѣ, разумѣется, говорить было нечего, а осталось или гордо удалиться, или... смириться и взяться за неветшающее женское орудіе — за слезы и моленія. Обстоятельства уничтожили меня въ конецъ, а у меня ужъ слишкомъ много было проставлено на одну карту, чтобы принять ее съ кона, и я не постояла за свою гордость: я приносила раскаяніе, я плакала, я молила... и я, проклиная тебя, была уже не женой, а одалиской для человѣка, котораго не могла терять. Всѣмъ этимъ я обязана тебѣ!

Бодростина хлебнула глотокъ вина и замолчала.

— Но, Глафира, вѣдь я же во всемъ этомъ не виноватъ!— сказалъ смущенный Гордановъ.

— Нѣтъ, ты виноватъ; мужчина, который не умѣетъ сбереечь тайны ввѣрившейся ему женщины, всегда виноватъ и не имѣетъ оправданій...

— У меня украли твои письма.

— Это все равно; зачѣмъ ты дурно ихъ берегъ? но все это уже относится къ архивной пыли презилаго; печально то лишь, что все, что было такъ легко холодной и нелюбящей женѣ, то оказалось невозможнымъ для самой страстной одалиски: фонды мои стоятъ плохо и мнѣ грозитъ бѣда.

— Какая?

— Большая и неожиданная! Человѣкъ, когда слишкомъ заживется на свѣтѣ, становится глушь...

— Я слушаю,—промолвилъ глухо Гордановъ.

— Мой мужъ, въ его семьдесятъ четыре года, сталъ легкомысленъ какъ ребенокъ... онъ сталъ странно самоувѣренъ, онъ кидается во всѣ стороны, рискуетъ, аферируетъ, не слушаетъ никого и слушаетъ всѣхъ... Его окружаютъ разные люди, изъ которыхъ, положимъ, иные мнѣ преданы, но у другихъ я преданности себѣ найти не могу.

— Почему?

— Потому что для нихъ выгоднѣе быть мнѣ не преданными, таковы здѣсь Рощинъ и Кюлевейнъ.

— Что это за птицы?—спросилъ Гордановъ, поправивъ назадъ рукава: это была его привычка, когда онъ терялъ спокойствіе.

Отъ Бодростинной не укрылось это движеніе.

— Рощинъ... это бѣлокурый чухонецъ, юноша добраго сердца и небольшой головы, онъ служитъ у моего мужа секретаремъ и находится у всѣхъ благотворительныхъ дамъ въ амшкахъ.

— И у тебя?

— Быть-можетъ; а Кюлевейнъ, это... кавалеристъ, родной племянникъ моего мужа, — ораторъ, агрономъ и мотъ, приѣхавшій сюда поденживать дядюшкину кончину; и вотъ тебѣ мое положеніе: или я все могу потерять такъ, или я все могу потерять иначе.

— Это въ томъ случаѣ, если твой мужъ заживется, — проговорилъ Гордановъ, разсматривая внимательно пробку.

Бодростина отвѣчала ему пристальнымъ взглядомъ и молчаніемъ.

— Да, — рѣшилъ онъ черезъ минуту: — ты должна получить все... все, что должно по закону, и все, что можно въ обходъ закону. Тутъ надо дѣйствовать.

— Ты сюда и призванъ совѣтъ не для того, чтобы спать или развѣивать въ висленевской Геосиманіи твои примирительныя теоріи.

Гордановъ удивился.

— Ты почему это знаешь, что я тамъ былъ? — спросилъ онъ.

— Господи! какое удивленіе!

— Тебя тамъ тоже ждали, но я, конечно, зналъ, что ты не будешь.

— Еще бы! Ты лучше расскажи-ка мнѣ теперь, на чемъ ты самъ здѣсь думаешь зацѣпиться? Я что-то слышала: ты мужикамъ землю, что ли, какую-то подарилъ?

— Какое тамъ «какую-то»? Я просто подарилъ имъ весь надѣлъ.

— Плохо.

— Плохо, да не очень: я за это былъ на виду, обо мнѣ говорили, писали, я имѣлъ мѣсто...

— Имѣлъ и средства?

— Да, имѣлъ.

— И все потерялъ?

— Что жъ повторять напрасно.

— И въ Петербургѣ тебѣ было прищипили хвостикъ на гвоздикъ?

Гордановъ покраснѣлъ и, заставивъ себя улыбнуться черезъ силу, отвѣчалъ:

— Почему это тебѣ все извѣстно?

— Ахъ, Боже мой, какая непослѣдовательность! часть тому назадъ ты сомнѣвался въ томъ, что ты мнѣ чужой, а теперь ужъ удивляешься, что ты мнѣ дорогъ и что я тобой интересуюсь!

— Интересуешься, какъ оберъ-полицеймейстеръ.

— Почему же не какъ любимая женщина... по старой привычкѣ?

Она окинула его двусмысленнымъ взглядомъ и произнесла другимъ тономъ:

— Вы, Павелъ Николаевичъ, просто странны.

Гордановъ разсмѣялся, всталъ и, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ жилетные карманы, прошелъ два раза по комнатѣ.

Бодростина, не трогаясь съ мѣста, продолжала разспросъ.

— Ты что же, вѣрно, хотѣлъ поразмѣняться съ мужиками?

— Да, взять себѣ берегъ...

— И постронть заводъ?

— Да.

— На что же стронть, на какія средства?.. Ахъ да: Лариса заложить для брата домъ?

— Я никогда объ этомъ не думалъ,—отвѣчалъ Гордановъ.

Бодростина ударила его шутя пальцемъ по губамъ и продолжала:

— Это все что-то старо: застроить, не достронтъ, застраховать, заложить, сжечь и взять страховыя.. Я не люблю такихъ стереотипныхъ ходовъ.

— Покажи другіе, мы поучимся.

— Да, надо поучиться. Ты началъ хорошо: квартира эта у тебя для пріѣзжаго хороша, — одобрила она, оглянувъ комнату.

— Лучшей не было.

— Ну да; я знаю. Это по-здѣшнему считается хорошо. Экипажъ, лошадей, прислугу... все это чтобъ было... Необходимо, чтобы твое положеніе било на эффектъ, понимаешь ты: это мнѣ нужно! Планъ мой таковъ, что... общаго плана нѣтъ. Въ общемъ планъ только одно: что мы оба съ тобой хотимъ быть богаты. Не правда ли?

— Молчу,—отвѣчалъ, улыбаясь, Гордановъ.

— Молчишь, но очень дурное думаешь.—Она прищурила глаза, и послѣ минутной паузы положила свои руки на плечи Горданову и прошептала:—ты очень ошибся, я вовсе не хочу никого посыпать персидскимъ порошкомъ.

— Чего же ты хочешь?

— Прежде всего здѣсь старъ и младъ должны быть увѣрены, что ты богачъ и дѣлецъ, что твоя деревнишка... это такъ, одна кроха съ твоей транезы.

— Твоими устами пить бы медь.

— Потому... потому мнѣ нужно полное съ твоей стороны невниманіе.

Гордановъ беззвучно засмѣлся.

— Потому?—спросилъ онъ:—что-жъ далѣе?

— Потому: ухаживай, конечно, не за первую встрѣчною и поперечною, — падучихъ звѣздъ здѣсь много, какъ вездѣ, но ихъ паденья ничего не стоятъ: ихъ пятна на пестромъ незамѣтны, — одинъ бѣлый цвѣтъ марокъ, — ударъ за Ларой, — она красавица, и, будь я мужчина, я бы сама ее въ себя влюбила.

— Потому?

— Потому, конечно, соблазни ее, а если не ее — Синяпину, или обѣихъ вмѣстѣ, — это еще лучше. Вотъ ты тогда здѣсь нарасхватъ!

— Да ты напрасно мнѣ объ этомъ и говоришь, мной здѣсь, можетъ-быть, никто и не захочетъ интересоваться.

— О, успокойся, будутъ! У тебя слишкомъ дрянная репутация, чтобы тобой не интересовались.

— Какъ это пріятно слышать! Но кому же извѣстна моя репутация?

— Моему мужу. Онъ сначала будетъ вредить тебѣ, а потомъ, когда увидитъ, что мы съ тобой враги, онъ станетъ тебя защищать, а ты опровергнешь все своимъ прекраснымъ образомъ мыслей, — и въ тебя начнутъ влюбляться.

— Ну, вотъ ужъ и влюбляться.

— Когда же въ провинціи не влюблялись въ новаго человека? Встарь это счастье доставалось переходимъ гусарамъ, а теперь... пока еще влюбляются въ новаторовъ, ну и ты будешь новаторъ.

— Я что же за новаторъ?

— Ты? а развѣ ты уже отмѣнилъ свое рѣшеніе приглядывать къ практикѣ теорію Дарвина?

Гордановъ щипалъ усь и молчалъ.

— Глотай другихъ, или иначе тебя самого промотаютъ другіе — выводъ, кажется, вѣрный, — произнесла Бодростина:—и ты его когда-то очень отстаивалъ.

— Я и теперь на немъ стою.

— А во время дпо, когда я только вышла замужъ, Михаилъ Андренчъ завѣщалъ все состояніе мнѣ, и завѣщаніе это...

— Цѣло?

— Да; но только надо, чтобъ оно было послѣднее, чтобъ послѣ него не могло быть никакого другого.

Гордановъ чувствовалъ, что руки Бодростиной, лежавшія на его плечахъ, стыли, а на его вѣкахъ какъ бы что тяготѣло и гнало ихъ книзу.

Вышла минута тягостнѣйшаго раздумья: обѣ фигуры стояли какъ окаменѣвшія другъ противъ друга, и наконецъ Гордановъ съ усиліемъ приподнялъ глаза и прошепталъ: «да!»

Бодростина опустила свои руки съ его плечъ и, взявъ его за кисти, сжала ихъ и спросила его шопотомъ: «союзъ?»

— На жизнь и на смерть,—отвѣчалъ Гордановъ.

— На смерть... и... потомъ... на жизнь,—повторила она, и, встрѣтивъ взглядъ Павла Николаевича, отодвинула его отъ себя подалѣе рукой и сказала:—Я совѣтую тебѣ погасить свѣчи. Съ улицы могутъ замѣтить, что у тебя свѣтилось до зари, и пойдетъ тысяча заключеній, изъ которыхъ невиннѣйшее можетъ повести къ подозрѣнію, что ты разбираешь и просушиваешь фальшивыя ассигнаціи. Погаси огонь и открой окно. Я вижу, уже брезжитъ заря, мнѣ пора брать свою ливрею и идти домой; сейчасъ можетъ вернуться твой посоль за цвѣтамп. Я ухожу отъ цвѣтовъ къ терніямъ жизни.

Она подошла къ окну, которое раскрылъ Гордановъ, погасивъ сперва свѣчи, и заговорила:

— Вонъ видишь ты тотъ бельведеръ надъ домомъ, вправо, на горѣ? Тотъ нашъ домъ, а въ этомъ бельведерѣ, въ фонарѣ, моя бібліотека и мой пріютъ. Оттуда я тебѣ черезъ нѣсколько часовъ дамъ знать, вѣрны ли мои подозрѣнія насчетъ завѣщанія въ пользу Кюлевейна... и если они вѣрны... то... этой бѣлой занавѣсы, которая паруситъ въ открытомъ окнѣ, тамъ не будетъ завтра утромъ, и ты тогда... поймешь, что дѣло наше скверно, что мигъ наступитъ рѣшительный.

Съ этимъ она сжала руку Горданова и, взявъ со стула свою пинель, начала одѣваться. Гордановъ хотѣлъ ей помочь, но она его устранила.

— Я вовсе не желаю, — сказала она: — чтобъ ты меня разсматривалъ въ этомъ уродствѣ.

— Ты, душенька, во всѣхъ нарядахъ хороша.

— Только не въ траурной ливреѣ, а впрочемъ, мнѣ это очень пріятно, что ты такъ весель и шутливъ.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ: съ ума не сойдешь.

— И прекрасно, — продолжала она, застегивая частыя петли шинели. — Держись же хорошенько, и если ты не сдѣлаешь ошибки, то ты будешь владѣть моимъ мужемъ вполнѣ, а потомъ... обстоятельства покажутъ, что дѣлать. Вообще заставь только, чтобъ отъ тебя здѣсь приходили въ восторгъ, въ восхищеніе, въ ужасъ, и когда вода будетъ возмущена...

— Но ты съ ума сошла!.. Твой мужъ меня не приметъ!

— О, разумѣется, не приметъ!.. если ты самъ къ нему прійдешь; но если онъ тебя позоветъ, тогда, надѣюсь, будетъ другое дѣло. Пришли ко мнѣ, пожалуйста, Висленева... его я могу принимать, и заставлю его быть трубой твоей славы.

— Но этотъ шутъ тебя чуждается.

— А пусть онъ разъ придетъ, и тогда онъ больше не будетъ меня чуждаться. Только уже вы, Павелъ, пожалуйста, не ведите регистра моимъ прегрѣшеніямъ, — намъ теперь совѣмъ не до этого вздора... Висленевъ будетъ нашъ козелъ, на котораго мы сложимъ наши грѣхи.

— Это очень умно; но ты только должна знать, что онъ вѣдь ораторъ и у него правая лапа ума слишкомъ заходить за лѣвую. Онъ все будетъ путаться и не распахнется.

— Не бойся, онъ распахнется такъ, что его послѣ и не застегнешь.

— Но я тебѣ хочу сказать, что на немъ ужасно трудно что-нибудь сыграть.

— Ну, есть мастера, которые даютъ концерты и на фаготѣ.

— Но зачѣмъ именно онъ тебѣ нуженъ, онъ ничтожный мальчишка?

— А видишь, Поль, когда взрослый человѣкъ хочетъ достать плодъ, онъ всегда посылаетъ мальчика трясти дерево.

— Смотри сама: съ нимъ даже и кокетство нужно совершенно особаго рода.

— Милый другъ, не рѣжь льву мяса, ему на это природа зубы дала.

— Беру мои слова назадъ.

— А я иду впередъ. Прощай!.. Ахъ, да! завтра же сдѣлай визитъ губернаторшѣ, и на-дняхъ же найдемъ случай пожертвовать двѣ тысячи рублей въ пользу ея дѣтскихъ пріютовъ. Это первая взятка, которую ты кинешь обществу впередъ за нужную тебѣ индульгенцію. Деньги будутъ, не жалѣй ихъ,—за все Испанія заплатитъ... Видѣться мы съ тобой и не будемъ, пока пріѣдетъ мой мужъ: рисковать изъ-за свиданій непростительно. Висленевъ же долженъ быть у меня до тѣхъ поръ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Да вотъ еще что: въ новомъ мѣстѣ людей трудно узнать скоро, какъ ты ни будь уменъ, и потому я должна дать тебѣ нѣсколько совѣтовъ. Ты сразу напалъ на самыхъ нужныхъ намъ людей.

— Я ихъ всѣхъ разглядѣлъ.

— Смотри,—она стала загибать одинъ по одному пальцы на лѣвой рукѣ: — генералъ Синтянинъ предатель, но его опасаться особенно нечего; жена его—это женщина умная и характера стального; майоръ Форовъ—честность и жена его тоже; но майора надо беречься: онъ бываетъ дурачки прямъ и болтливъ; Лариса Висленева... я уже сказала, что если бъ я была мужчина, то я въ нее бы только и влюбилась; затѣмъ Подозеровъ...

— Ну, это...

Гордановъ махнулъ рукой.

— Что «это»? — зашуривъ глаза, передразнила его Бодростина. — Нѣтъ, что такое «это», что мой тебѣ совѣтъ, приказъ и просьба—имъ не манкировать.

— Да что имъ не манкировать? Это какой-то испанскій дворянинъ донъ-Сезаръ де-Базаръ.

— Да, да, ты вѣрно его опредѣляешь; но эти господа испанскіе дворяне самый опасный народъ: у нихъ есть дырявые плащи, въ которыхъ имъ все нипочемъ,—ни холодъ, ни голодъ. А ты съ нимъ, я знаю, непременно столкнешься, тѣмъ болѣе, что онъ влюбленъ въ Ларису.

— Да, я это замѣтилъ: она ему печеночку изъ супа выбирала; но не знаю я, что онъ у васъ здѣсь значитъ, а у насъ въ университетѣ его не любили и прѣблагополучно сорвали ему голову.

— Все это ничего не значить, его и здѣсь не любятъ; но этотъ человѣкъ заковалъ себя крѣпкою броней... А Лара, ты говоришь, ему выбирала печеночку?

— Да, выбирала; но скажи, пожалуйста, что же онъ сталъ что ли хитръ послѣ житейскихъ трепокъ?

— Нимало: онъ даже безтактенъ и неостороженъ, но онъ ничѣмъ для себя не дорожитъ, а такіе люди опаснѣй всѣхъ. Помни это, и еще разъ прощай... А ты тонокъ!

— Въ чемъ ты это видишь?

— Даже печеночки не просмотрѣлъ и по ней выслѣдить!

— М-да! Теперь все дѣло въ печеняхъ сидитъ, а впрочемъ, я замѣчаю, что и тебя эта печенка интересуетъ? Не разболелся сердцемъ: это предъ сраженіемъ не годится.

— О, да, да, какъ разъ разболюся!—отвѣчала, размѣявшись, Бодростина.—Итъ, мой милый другъ, я иду въ дѣло, завѣщая тебѣ какъ Ларошжакленъ: *si j'avance, suivez moi; si je recule, tuez moi; si je meurs, vangez moi*, хотя знаю, что послѣдняго ты ни за что не исполнишь. Ну, наконецъ, прощай! зашла бесѣда наша за ночь. Если ты захочешь меня видѣть, то ты будешь дѣйствовать такъ, какъ я говорю, и если будешь дѣйствовать такъ, то вотъ моя рука тебѣ, что Бодростинъ будетъ у тебя самъ и будетъ всею хорошо, а *тебѣ въ особенности...* Ну, прощай, до поры до времени. А что мой братъ, Григорій?

— Служить.

— Я совсѣмъ и забыла про него спросить. Что онъ теперь: начальникъ отдѣленія?

— Вице-директоръ.

— Вотъ какъ!

Бодростина вздохнула.

— Вы видите съ нимъ?

Гордановъ покачалъ отрицательно головой.

— Ну, наконецъ, совсѣмъ прощай, — торопливо сказала Бодростина и, взявъ Горданова рукой за затылокъ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ты ужь идешь, Глафира?

— А что?... Пора... Да и тебѣ, какъ кажется, со мной вдвоемъ быть скучно... Мы люди дѣловые, все кончили, и время отдохнуть передъ предстоящею работой.

Гордановъ протянулъ къ ней свои руки, но она прыг-

нула, подбѣжала къ двери, остановилась на минуту на дорогѣ и исчезла, прошептавъ: «А провожать меня не нужно».

Черезъ минуту внизу засвистѣлъ блокъ и щелкнула дверь, а когда Гордановъ снова подошелъ къ окну, то мальчикъ, въ сѣрой шляпѣ и черной шинели, перешелъ уже черезъ улицу и, зайдя за уголъ, обернулся, погрозилъ пальцемъ и скрылся.

— Что жъ, такъ и быть, когда она будетъ богата, я на ней женюсь,—разсуждать, засыпая, Гордановъ:—а не то надо будетъ порѣшнить на Ларисѣ... Конечно, здѣсь мало, но... все-таки за что-нибудь зацѣплюсь хоть на время.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Утро, которое хочетъ быть мудренѣе вечера.

Послѣ ночи, которою заключился вчерашній день встрѣчь, свиданій, знакомствъ, переговоровъ и условій, утро встало неласковое, вѣтреное, суровое и измѣнчивое. Солнце, выглянувшее очень рано, вскорѣ же затѣмъ нырнуло за сѣрую тучу, и то выскакивало на короткое время въ прорѣху облаковъ, то снова завѣшивалось ихъ темною завѣсой. Внизу было тихо, но вверху вѣтеръ быстро гналъ безконечную цѣпь тяжелыхъ, слоистыхъ облаковъ, набѣгавшихъ одно на другое, сгущавшихся и плывшихъ предвѣстниками большой тучи.

На землѣ парило и пахло электрическою сыростью, дышать было тяжело, и нервными людьми овладѣло столь общее имъ предгрозовое безпокойство.

Юсафъ Платоновичъ Висленевъ спалъ, обливаясь потомъ, котораго нимало не освѣжала струя воздуха, достигавшая до него въ открытое окно.

Висленеву снились тяжелые сны съ безпрестанными перерывами, какъ это часто бываетъ съ людьми, уснувшими въ сознаниіи совершенной ими неловкости. Висленевъ во снѣ повернулся на другую сторону, лицомъ къ окну: здѣсь было болѣе воздуха и стало дышаться легче. Юсафъ Платоновичъ мало-по-малу освобождался отъ своихъ сновъ и началъ припоминать, что онъ въ отеческомъ домѣ, но съ этимъ вмѣстѣ его кольнуло въ сердце. «Что я здѣсь вчера дѣлалъ?» мелькнуло въ его головѣ. «Гдѣ теперь этотъ ножикъ? Эта улика противъ меня. Надо встать и искать».

Онъ раскрылъ полусонные глаза и видитъ, что сновидѣнныя ему не лжетъ: онъ дѣйствительно въ родительскомъ домѣ, лежитъ на кровати и предъ нимъ знакомое, завѣшенное шторой окно. Онъ слышитъ шопотъ дрожащихъ древесныхъ листьевъ и воображаетъ, что солнце не блещетъ, что небо должно-быть въ тучахъ, и точно, вотъ штора приподнялась и отмахнулась, и видны ползущія по небу сѣрыя тучи и звонче слышенъ шопотъ шумящихъ деревьевъ, и вдругъ среди всего этого въ просвѣтѣ рамы какъ будто блеснулъ на мгновеніе туманный контуръ какой-то эфирной фигуры, и по дорожному песку послышались легкіе и частые шаги. Что бы это такое было? Во снѣ или на яву?

Висленевъ совсѣмъ пробудился, привсталъ на кровати, взглянулъ на окно и оторопѣлъ: его ножъ лежалъ на подоконникѣ.

Иосафъ Платоновичъ сорвался съ кровати, быстро бросился къ окну и высунулся наружу. Ни на террасѣ, ни на балконѣ никого не было, но ему показалось, что влѣво, въ садовой калиткѣ, въ это мгновеніе мелькнулъ и исчезъ клочокъ свѣтло-зеленаго полосатаго платья. Нѣтъ, Иосафу Платоновичу это не показалось: онъ это дѣйствительно видѣлъ, но только видѣлъ сбоку, съ той стороны, куда не глядѣлъ, и видѣлъ смутно, неясно, почти какъ во снѣ, потому что сонъ еще взаправду не успѣлъ разсѣяться.

Висленевъ отступилъ отъ окна и потеръ себѣ лобъ.

«Скверно я начинаю дебютировать дома!»—подумалъ онъ и, оглянувшись на столъ, взялъ съ него портфель, осмотрѣлъ надрѣзъ и царашину, и заперъ его въ бюро.

Повернувъ ключъ въ замкѣ, онъ прислушался: въ залѣ кто-то тихо разговаривалъ шопотомъ.

«Сестра, значитъ, ужъ встала»,—подумалъ Висленевъ и поглядѣлъ на часы. Было десять часовъ.

Иосафъ Платоновичъ тихо подкрался къ двери, ведущей въ залъ, и прицѣпился глазомъ къ замочной скважинѣ.

Лариса въ утреннемъ капотѣ сидѣла за чашкой чая и предъ нею стояла высокая женщина въ коричневомъ ситцевомъ платьѣ.

«Въ этомъ сестриномъ платьѣ нѣтъ ничего похожего на то, которое мелькнуло въ садовой калиткѣ. Кто же это былъ? Кто нашелъ, поднялъ и положилъ ножикъ? Неужто ея пре-восходительство, Александра Ивановна... или кто-нибудь

изъ прислуги? Вотъ это былъ бы тогда сюрпризъ, это очень вѣжливо и до подлости догадливо, но это прескверно на всякій случай... Мнѣ просто одно спасеніе можетъ быть въ томъ, чтобы предоставить себя *его* великодушію... сказать ему все, открыть свое недовѣріе, покаяться, признаться... Вотъ, извольте видѣть, проклятая судьба сама руками выдаетъ меня этому человѣку!.. Но надо же явиться, пора дать знать, что я проснулся».

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Взглянуть въ глаза сестрѣ?.. ужасно!.. Но что же дѣлать?.. Нуженъ куражъ!.. Ну, напусти, Господи, смѣлости!

Онъ надѣлъ шлафрокъ и, отворивъ дверь въ переднюю крикнулъ:

— Лара, ты встала?

— Да; что тебѣ нужно, Joseph?

— О-о! голосъ нѣженъ и ласковъ, — радостно замѣтилъ Висленевъ. — Нѣтъ, да вѣдь мало мудренаго, что она и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, ничего и не поняла... Пришли, дружокъ, дѣвунку дать мнѣ умыться!—воскликнулъ онъ громко и, засвиставъ, смѣло зашлепалъ туфлями по полу.

Въ комнату его предстала двѣнадцатилѣтняя дѣвочка съ блестящимъ мѣднымъ тазомъ и такимъ же кувшиномъ и табуреткою.

Это была та самая дѣвочка, которая ввела его вчера въ садъ. Она одѣта сегодня, какъ и вчера, въ темномъ люстриновомъ платицѣ, съ зеленымъ шерстянымъ фартукомъ.

«Есть зелень, да совѣмъ не та»,—подумалъ Висленевъ, засучивая рукава своей рубашки и приготовляясь умываться.

— Васъ какъ зовутъ?—спросилъ онъ дѣвочку.

— Меня-съ?—переспросила она тоненькимъ голосомъ.

— Да-съ, васъ-съ, — передразнилъ ее фистулой Висленевъ.

Дѣвочка покраснѣла и отвѣчала, что ее зовутъ Малашей.

— Прекрасное имя!—Вы имъ довольны или нѣтъ?

Дѣвочка молчала.

— Довольны вы или нѣтъ, что васъ зовутъ Малашей?

Опять молчаніе.

— Что же вы молчите? Не хотѣли бы вы, напримѣръ, чтобы васъ лучше звали Дуней или Сашей?

— Нѣтъ-съ, не хочу-съ.

— Отчего же вы не хотите? Стало-быть, вамъ ваше имя нравится?

— Надо какое Богъ далъ-съ.

— А-а! По-вашему, имена Богъ даетъ; ну, тогда это другое дѣло. А отецъ и мать у васъ живы?

— Паненька въ солдатахъ, а маменька здѣсь.

— Здѣсь въ городѣ?

Дѣвочка раскрыла большіе, до сихъ поръ полуопущенные глаза и отвѣчала не безъ удивленія:

— Моя маменька здѣсь у нашей барышни въ кухаркахъ.

— У какой барышни?

— У Ларисы Платоновны.

— А-а, такъ вы вмѣстѣ съ маменькой?

— Вмѣстѣ-съ.

— Такъ это вамъ чудесно!

Дѣвочка отмолчалась.

— И вамъ тоже моя сестра платитъ жалованье? — приставала къ ней Висленевъ.

— Нѣтъ-съ; барышня мнѣ послѣ будетъ платитъ, а теперь онѣ маменькѣ платятъ, а меня только одѣваютъ.

— Вотъ что!.. И что же, много барышня нашла вамъ платьевъ?

Дѣвочка сконфузилась, улыбнулась и, потупя глаза, отвѣчала:

— Много-съ.

— Небось у васъ, гляди, и розовое платье есть? — шутила Висленевъ.

— Есть-съ и розовое.

— А? — переспросилъ Висленевъ, прерывая на минуту свое умыванье.

— Есть-съ и розовое, и голубое есть,—отвѣчала дѣвочка, осмѣливаясь съ быстротой, свойственною ей возрасту.

— И бѣлое есть?

— И бѣлое тоже есть-съ.

— А зеленое?

— Зеленаго нѣту-съ.

— Что же такъ?—это плохо. Зеленое неизрѣнно нужно. Вы себѣ изъ маменькинаго по крайней мѣрѣ перешейте, когда она поноситъ его.

— У маменьки настоящаго зеленаго тоже нѣтъ-съ.

— Настоящаго зеленого тоже нѣтъ!—Скажите, пожалуй ста. А ея не настоящее зеленое платье какое же?

— Оно больше какъ коричневое.

— Ну вотъ видите: какое же ужь это зеленое! Нѣтъ, вамъ къ лѣту надо настоящее зеленое, — какъ травка-муравка. Ну, да погодите, — моргнуль онъ: — я барышню попрошу, чтобъ она вамъ свое подарила: у нея вѣдь ужь павѣрное есть зеленое платье?

— У нихъ есть-съ.

«Ага! вотъ оно кто это быть!» — подумаль Висленевъ и, взявъ изъ рукъ дѣвочки полотенце, сухо спросилъ:

— А у барышни зеленое платье какое и съ какою отдѣлкой?

— Крепоновое-съ, съ такою же и съ отдѣлкой-съ.

«Опять не то», — подумаль Висленевъ и затѣмъ, довольно скоро одѣвшись и сия свѣжестью лица и туалета, вышелъ въ залу къ сестрѣ.

Иосафъ Платоновичъ, появься предъ сестрой, старался имѣть видъ какъ можно болѣе живой, веселый и безпечный.

— Я тебя перепугаль немножко сегодня ночью, матушка сестрица!—началь онъ, цѣлуя руку Ларисы.

— Полно, пожалуйста, я ужь про это забыла.

— Ты выспалась?

— О, какъ нельзя лучше! Я не люблю много спать. — Вотъ чай и вотъ хлѣбъ, — добавила она, подавая брату стаканъ и корзинку съ печеньемъ.

— Пстой!.. Но какой же ты разбойникъ, Лара!—отвѣчала, весело улыбаясь во все лицо и отступая шагъ назадъ Висленевъ.

— Что такое?

Лариса оглянулась.

— Какъ ты злодѣйски хороша!

— Ахъ, да перестань же наконецъ, Joseph!

— Да что же дѣлать, когда я никакъ не привыкну?

Лариса засмѣялась.

— Этотъ желтый цвѣтъ особенно идетъ къ твоему лицу и волосамъ.

— Онъ идетъ ко всѣмъ брѳнеткамъ.

— А кстати о цвѣтахъ! — проговорилъ онъ и, оглянувшись, добавилъ полушопотомъ: — знаешь, какая преуморительная вещь: я, умываясь, разболтался съ твоей маленькой камеръ-фрау.

— Съ Малашей?

— Да, и она мнѣ рассказала всѣ свои платья.

— Да, я знаю, она большая кокетка.

— Что же, вѣдь это ничего: то-есть я хочу сказать, что когда кокетство не выходитъ изъ границъ, такъ это ничего. Я потому на этомъ и остановился, что предѣлъ не нарушенъ: знаешь, все это у нея такъ просто и имѣеть свой особенный букетъ — букетъ дѣвичьей стараго господскаго дома. Я долженъ тебѣ сознаться, я очень люблю эти старыя патриархальныя черты господской дворни... «зеленаго, говоритъ, только нѣтъ у нея». Я ей сегодня подарю зеленое платье—ты позволишь!

— Сдѣлай милость.

— Да, а то она и въ виду его не имѣеть: «у барышни, говоритъ, есть одно крепоное зеленое».

— Я и того никогда не ношу.

— Отчего же не носишь? Тебѣ зеленый цвѣтъ долженъ быть очень къ лицу.

— Такъ, не ношу.

— Почему же *такъ*? — шутилъ Иосафъ Платоповичъ. — Какая же ты странная съ этими своими «таками». Никого не любить — «такъ», печенку класть Подозерову — «такъ», зеленое платье сопить и не носить — «такъ». А знаешь, нѣтъ дѣйствія безъ причины?

— Ахъ, Боже мой! еще и на это будто нужна причина? Послѣ этого я могу думать, что и ты имѣешь особую причину допрашивать меня о зеленомъ платьѣ?

— Конечно, конечно, есть и на это причина. Безъ причины ничего не дѣлается.

— Ну, такъ мнѣ мое зеленое платье не нравится.

— Ну, вотъ и причина! А вели мнѣ его показать, пожалуйста.

— Вотъ фантазія!

— Ну, фантазія, — потѣши мою фантазію. Ты такъ хороша, такъ безукоризненно хороша, все, что тобою сдѣлано, все, что принадлежитъ тебѣ, такъ изящно, что я даже горжусь, принадлежа тебѣ въ качествѣ брата. Малаша! — обратился онъ къ дѣвчкѣ, проходившей въ эту минуту чрезъ комнату:—принесите мнѣ сюда барышнину зеленое платье.

— Ну, что за вздоръ, Joseph! — прошептала Лара.

— Ну, я тебя прошу.

— Принеси, — сказала Лариса остановившейся и ожидавшей ее приказанія дѣвочки.

Черезъ минуту та явилась, высоко держа у себя надъ головою лифъ, а черезъ лѣвую ея руку спускались цѣлыя волны легкаго густо-зеленаго крепона.

Висленевъ всталъ, взявъ платъ, вывернулъ юбку и, притворно полюбовавшись свѣжими фестонами и уборками изъ той же матеріи, повторилъ нѣсколько разъ: «Прекрасное платье!» и отдалъ его назадъ.

Это опять было не то платье, которое ему было нужно.

— Я ужасно люблю со вкусомъ сдѣланные дамскіе наряды! — заговорилъ онъ съ сестрой. — Въ этомъ, какъ ты хочешь, сказывается вся женщина; и въ этомъ, должно правду сказать, нашъ вѣкъ сдѣлалъ большіе шаги впередъ. Еще я помню, когда каждая наша барышня и барыня въ своихъ манерахъ и въ туалетахъ старались какъ можно болѣе походить на une dame de comptoir, а теперь наши женщины поражаютъ вкусомъ; это значитъ вкусъ получаетъ гражданство въ Россіи.

— Въ такомъ случаѣ ты много у себя отнимаешь, не желая поторопиться видѣть Бодростину.

— А что?

— Ужь эта женщина, конечно, вся—вкусъ, изящество и прелесть.

— Будто она нынче такъ хороша!

— А будто она когда-нибудь была нехороша?

— Ну, Богъ съ ней: сколько бы она ни была прелестна, я ее видѣть не хочу.

— За что это? позволъ тебя спросить, Joseph.

— У насъ есть старые счеты.

— Но все равно,—отвѣчала, подумавъ минуту, Лариса.— Тебѣ видѣться съ ней вѣдь неизбежно, потому что, если она еще недѣлю не переѣдетъ въ деревню, то вѣрно сама ко мнѣ заѣдетъ, а Михайло Андреевичъ такой нецеремонливый, что можетъ даже и нарочно завернуть къ намъ. Тогда, встрѣтаясь съ нимъ здѣсь или у Снитинныхъ, ты долженъ будешь отдать визитъ, и въ барышахъ будетъ только то, что старикъ выйдетъ любезнѣе тебя.

— Ну, хорошо... не сегодня же вѣдь непременно?

— Конечно, можно и не сегодня.

— А что же, наша геперальша дома?

— Да; нѣсколько минутъ тому назадъ была дома: мы съ ней чрезъ окно прощались.

— Какъ, прощались?

— Она уѣхала къ себѣ на хуторъ.

— Чего и зачѣмъ?

— Зачѣмъ? хозяйничать. Она полжизни тамъ проводитъ и лѣтомъ, и зимою.

— Что жъ это за хуторъ? Дребедень какая-нибудь?

— Да; онъ не великъ, но Alexandrine распоряжается имъ съ толкомъ и получаетъ отъ него доходы.

— Вотъ видишь, а ты вчера говорила, что они бѣдны. И что же тамъ домъ есть у нея?

— Каютка въ двѣ крошечныя комнатки: столовая и спальня ея съ дѣвочкой.

— Съ какою дѣвочкой?

— А съ падчерицей, съ Вѣрой, съ дочерью покойной Флоры.

— Ахъ, помню, помню: это, кажется, уродецъ какой-то. идіотка, если я не ошибаюсь?

— Она глухонѣмая, но вовсе не уродъ и ужъ совсѣмъ не идіотка.

— Что же это мнѣ что-то помнится, какъ будто что-то такое странное говорили про это дитя?

— Не знаю, что ты слышала: Вѣра очень милая дѣвочка, но слабого здоровья.

— Нѣтъ; именно я помню, что... ее считали, какъ это говорятъ, испорченною, что ли?

— Какой вздоръ! Она очень нервна и у нея бываетъ что-то въ родѣ ясновидѣнія.

— Вотъ страсти!

— Никакихъ страстей, она прекрасное дитя, и ея волненія бываютъ съ ней не часто, но вчера она чѣмъ-то разгорячилась и плакала до обморока, и потому Alexandrine сегодня увезла ее на хуторъ... Это всегда помогаетъ Вѣрѣ: она не любитъ быть съ отцомъ...

— А мачиху любитъ?

— О, безконечно! Она предчувствуетъ малѣйшую ея неприятность, малѣйшее ея нездоровье и... вообще она ея тѣнь или больше: онѣ двѣ живутъ одною жизнью.

— Александра Ивановна добра къ ней?

— Стѣитъ ли объ этомъ спрашивать? Къ кому же Alexandrine не добра?

— Ко мнѣ.

— Оставь, Joseph, я этого не знаю.

— Ну, Богъ съ тобой!.. А какъ же это?.. — заговорилъ онъ, не зная чѣ спросить. — Да!.. Зачѣмъ же онѣ поѣхали въ такую пору?

— А что?

— Да вонъ дождь-то такъ и виситъ.

— Ну, что же за бѣда, это вѣдь недалеко, и у нихъ рѣзвая лошадь.

— Да, впрочемъ, въ крытомъ экипажѣ ничего.

— Онѣ поѣхали не въ крытомъ экипажѣ.

— А въ чемъ онѣ поѣхали?

— Въ сѣромъ платьѣ-съ, — отвѣчала, подавая повый стаканъ чаю, дѣвочка Малаша.

— Ты можешь отвѣчать, когда тебя спрашиваютъ, — оставила ее Лариса и сама добавила брату: — онѣ поѣхали, какъ всегда ѣздить: въ тюльбюри.

— Вдвоемъ, безъ кучера?

— Онѣ всегда вдвоемъ ѣздить туда, безъ кучера, живутъ тамъ безъ прислуги.

— Совсѣмъ безъ прислуги?

— Работница имъ дѣлаетъ, чтѣ нужно.

— Вотъ чѣмъ покончила Александра Ивановна: пустынножительствомъ!

— Ей, кажется, еще далеко до конца. А впрочемъ, я еще скажу: я не люблю судить о ней ни вправо, ни налѣво.

— Да не судить, а разсуждать... И ты тамъ у нея бывашь на хуторѣ?

— И я, и тетушка, и дядя, и отецъ Евангелъ, и Подозеровъ: всѣ мы бываемъ.

— Что жъ, хорошо тамъ у нея?

— Н... н... ничего особеннаго: садикъ, прудокъ, мельница, осинный лѣсокъ, орѣховый кустарникъ, много скота, да небольшое поле островкомъ, вотъ и все.

— Какъ же это поле «островкомъ» ты сказала?

— То-есть вокругъ, въ одной межѣ, это здѣсь называютъ «островкомъ».

— Да-да; а я думалъ, что это въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь островъ Калипсо.

- Мы всё шутя называемъ этотъ хуторъ «островомъ».
- Любви?
- Нѣтъ: «забвенія».
- Кто жь это далъ ему такую романическую кличку? Конечно, Александра Ивановна, которая нуждается въ забвеніи?
- Нѣтъ, — отвѣчала, поморщась, Лара: — это названіе дано Вѣрой.
- Глухонѣмой?
- Да.
- Какъ же она это сказала?
- Она написала.
- А-а! Кто же это здѣсь ее научилъ писать?
- Alexandrine и отецъ Евангель.
- Что это за отецъ Евангель? Я уже не разъ про него слышу.
- Это ихъ приходскій священникъ, хуторной, прекрасный человѣкъ: онъ Санинъ и дядинъ другъ.
- Онъ почему же умѣетъ учить глухонѣмыхъ?
- Онъ все на свѣтъ понемножку умѣетъ, и Вѣру выучилъ читать и писать по собственной методѣ.
- Какое это ужасное несчастье ничего не слышать и не имѣть возможности ничего выговорить!
- Да; но ничего не видать это еще хуже. Маленькая Вѣра сравниваетъ себя со слѣпыми и находитъ, что она счастлива.
- Правда, правда, слѣпота гораздо хуже
- А дядя Форовъ находитъ, что боль въ боку и удушье еще хуже.
- Дѣйствительно хуже! А она, эта бѣдная дѣвочка, ни звука не слышитъ и не произноситъ?
- Когда здѣсь, въ проѣздъ государя, были маневры, она говоритъ, что слышала, какъ дрожали стекла отъ пушекъ, но произносить... я не слыхала ни звука, а тетюшка говоритъ, что она одинъ разъ слышала, какъ Вѣра грубо крикнула одно слово... но Богъ знаетъ, было ли это слово или просто непонятный звукъ...
- Что же это былъ за звукъ?
- Н... н... не знаю: это было при особомъ какомъ-то обстоятельствѣ, до моего приѣзда, я объ этомъ не распиривала, а тея говорить, что...

— Да; неприятное что-нибудь, конечно, — сказала Висленевъ.

— Нѣтъ, не неприятное, а страшное.

— Страшное! Въ какомъ же родѣ?

— Я, право, не умѣю разсказать. Вѣра такая нѣжная и легкая, какъ будто неземная, а голосъ вышелъ будто какой-то басъ. Тетя говоритъ, что точно будто изъ нея со-всѣмъ другой человѣкъ, сильный, сильный мужчина закричалъ...

— И какое же это было слово?

— Тетя увѣряетъ, что Вѣра крикнула: «прочь!»

— На кого же она такъ крикнула?

— На отца, за мачиху. Впрочемъ, повторю тебѣ, это тети знаетъ, а я не знаю.

— А знаешь что: пока мой Гордановъ теперь еще спитъ, схожу-ка я самый первый визитъ сдѣлаю теткѣ, Катеринѣ Астафьевнѣ и Филетеру Ивановичу.

— Что жъ, и прекрасно.

— Право! Кто что ни говори, а они родные и хорошіе люди.

— Еще бы!

— Такъ, до свиданья, сестра, я пойду.

Лариса молча пожала брату руку, которую тотъ поцѣловалъ, взялъ свою шляпу и трость, и вышелъ.

Лариса посмотрѣла ему вслѣдъ въ окно и ушла въ свою комнату.

За часъ или за полтора до того, какъ Иосафъ Платоновичъ убирался и разговаривалъ съ сестрой у себя въ домѣ, на перемычкѣ предъ небольшою рѣчкой, которою замыкалась пустынная улица загородной солдатской слободы, надъ самымъ бродомъ остановилось довольно простое тюльбюри Спнтяниной, запряженное рослою вороною лошадыю. Александра Ивановна правила, держа вожжи въ рукахъ, обтянутыхъ шведскими перчатками, а въ ногахъ у нея, вся свернувшись въ комочекъ и положивъ ей голову на колѣни, лежала, закрывшись пестрымъ шотландскимъ пледомъ, Вѣра. Снаружи изъ-подъ пледа виднѣлась только одна ея маленькая, длинная и блѣдная ручка, на которой выше кисти была обмотана черная резиновая тесьма широкополой соломенной бержерки.

Александра Ивановна, выѣзжая изъ города, бросила

взглядъ налѣво, на послѣдній домикъ надъ рѣчкой, и, увидавъ въ одномъ изъ его оконъ полусѣдую голову Катерины Астафьевны, ласково кивнула ей и, подѣхавъ къ самой рѣкѣ, остановила лошадь.

Майориша Форова была совсѣмъ одѣта, даже въ шляпкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ, и во всемъ этомъ нарядѣ тотчасъ же вышла изъ калитки и подошла къ Синягиной.

— Здравствуй, голубушка Саша! — сказала она, поставивъ ногу на ступеньку тюльбюри, и пожала руку Синягиной. — А я не думала, что ты поѣдешь нынче на хуторъ.

— Вѣра нездорова, — отвѣчала мягко Синягина. — А ты куда рано, Катя?

— Я къ ранней обѣднѣ, хочется помолиться, — отвѣчала Форова, прислоняясь къ щитку тюльбюри. — Что съ Вѣрой такое?

— Не говори, пожалуйста! — отвѣчала Синягина, бросивъ взглядъ на закрытую головку Вѣры.

Форова легонько приподняла закрывавшій лицо ребенка уголь плета и тихо шепнула: «она спитъ?»

— Какъ сѣла, такъ опустилась въ ноги и заснула.

— И какъ она сегодня необыкновенно блѣдна!

— Да; она всю ночь не спала ни минуты.

— Отчего? — шепнула Форова.

— Что ты шепчешь? Она вѣдь не слышитъ.

— И какъ это странно и страшно, что она спитъ и все смотритъ глазами, — проговорила Катерина Астафьевна, и съ этимъ словомъ бережно и тихо прикрыла пледомъ блѣдное до синевы лицо дѣвушки, откинувшей головку съ полуоткрытыми глазами на служащее ей изголовьемъ коленно мачихи.

— Несчастное дитя! — заключила Форова, вздохнувъ и перекрестивъ ее. — Она рукой такъ и держится за твое платье.

— Я не могу себѣ простить, что я вчера ее оставляла одну. Я думала, что она спитъ днемъ, а она не спала, ходила предъ вечеромъ къ отцу, пока мы сидѣли въ саду, и ночью... представь ты... опять было то, что тогда...

— Да?

— Я только вернулась, легла и... ты понимаешь? я все же вчера была немножко тревожна...

— Да, да, понимаю, понимаю.

— Я лежу и никакъ не засну, все Богъ знаетъ что идетъ въ голову, какъ вдругъ она, не касаясь ногами пола, влетаетъ въ мою спальню: вся блѣдная, вся въ бѣломъ, глаза горять, въ обѣихъ рукахъ по зажженной свѣчѣ изъ канделябра, бросилась къ окну, открыла занавѣску и вдругъ... Какіе звуки! Какіе тягостные звуки, Катя! Такъ, знаешь: «а-а-а-а!» какъ будто она хочетъ кого-то удержать надъ самою пропастью, и вдругъ... смотрю ужъ свѣчи на полу, и, когда я нагнулась, чтобы поднять ихъ, потому что она не обращала на нихъ вниманія, кажется, я слышала слово... Форова промолчала.

— Мнѣ показалось, что какъ-будто пронзительно разда-лось: «кровь!»

— Господи помилуй! — произнесла, отодвигаясь, Форова и перекрестилась.

— Какое странное дитя!

— И я тебѣ скажу, я не нервна, но очень испугалась.

— Еще бы! Это кого хочешь встревожить.

— Я взяла ее сзади и посадила ее въ кресла. Она была холодная какъ ледъ, или лучше тебѣ сказать, что ее совсѣмъ не было, только это бѣдное, больное сердце ея такъ билось, что на груди какъ мышонокъ ворочался подъ блузой, а дыханья нѣтъ.

— Бѣдняжка! какая тяжкая ея жизнь!

— Нѣтъ, ты дослушай же, Катя.

— Знаешь, меня всегда отъ этихъ вещей немножко ко-робить.

— Нѣтъ, это вовсе не страшно. Она вдругъ схватила карандашъ...

— И написала: «кто я?» Не говори мнѣ, я дрожу, когда она объ этомъ спрашиваетъ.

— А вотъ представь, совсѣмъ не то: она взяла каран-дашъ и написала: «змѣй съ трещоткой».

— Что это значить?

Синтянина пожала плечами.

— А гдѣ же кровь?

— Я ее объ этомъ спросила.

— Ну, и что же?

— Она показала рукой вокругъ и остановила на Висле-невскомъ флигелѣ. Конечно, все это вздоръ...

— Почему намъ это знать, что это вздоръ, Сашура?

— О, полно, Катя! Что же может угрожать им? Нѣтъ, все это вздоръ, пустяки; но Вѣра была такъ тревожна, какъ никогда, и я все это тебѣ къ тому рассказываю, чтобы ты не отнесла моего бѣгства къ чему-нибудь другому,— договорила, слегка краснѣя, Синтянина.

— Ну да, поди-ка ты, стану я относить.

— Не станешь?

— Да, разумѣется, не стану. Легко ли добро: есть отъ кого бѣжать.

Синтянина вздохнула.

— А ты знаешь, Катя,—молвила она:— что порочныхъ дѣтей болѣе жаль, чѣмъ тѣхъ, которыя насъ не огорчаютъ.

— Э, полно, пожалуйста,—отвѣчала Форова, энергически поправляя рукой свои сѣдые волосы, выбившіеся у нея изъ-подъ шляпки.— Я теперь на много лѣтъ совсѣмъ спокойна за всѣхъ хорошихъ женщинъ въ мірѣ: теперь, кромѣ дуры, ни съ кѣмъ ничего не случится. Увлекаться ужъ негѣмъ и нечѣмъ.

— Но, ахъ! смотри!—воскликнула она, взглянувъ на дѣвочку.

Вѣра во снѣ отмахнула съ головы пледъ и, не просыпаясь, глядѣла полуоткрытыми глазами въ лицо Синтяниной.

— Какъ страшно,—сказала Форова:—она точно слѣдитъ за тобой и во снѣ и на яву. Прощай, Господь съ тобой.

— Ты навѣстишь меня?

— Да, непременно.

— Миѣ надо кое-что тебѣ сказать.

— Скажи сейчасъ.

— Нѣтъ, это долго.

— А что такое? У тебя есть опасенія?

— Да, но теперь прощай.

Съ этими словами Синтянина пустила лошадь въродъ и уѣхала.

Висленевъ вышелъ со двора, раскрылъ щегольской шелковый зонтъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, тотчасъ же закрылъ его и пошелъ быстрымъ ходомъ. Дожда еще не было; городъ Висленевъ зналъ прекрасно и очень скоро дошелъ по разнымъ улочкамъ и переулкамъ до маленькаго, низенькаго домика въ три окошечка. Это былъ опять тотъ же самый домикъ, предъ которымъ за часъ предъ этимъ Синтянина разговаривала съ Форовой.

Висленевъ поглядѣлъ чрезъ окно внутрь домика и, никого не увидавъ тутъ, отворилъ калитку и вошелъ на дворъ. На него сипло залаяла старая черная собака, но тотчасъ же зѣвнула и пошла подъ крыльцо.

Изъ-подъ сарая вылетѣла стая куръ, которыхъ посреди двора поджидаль голенастый красный нѣтухъ, и вслѣдъ за тѣмъ оттуда же вышла бойкая рябая, востроносая баба съ ребенкомъ подъ одною рукой и двумя курицами — подъ другою.

— Милая, Филетеръ Иванычъ дома? — освѣдомился Висленевъ.

— Ахъ, нѣту-ти ихъ, нѣту-ти, ушедши они со двора, — отвѣчала съ сожалѣніемъ баба.

— А Катерина Астафьевна?

— Катерина Астафьевна были въ саду, да нешто не ушли ли... Ступайте въ садъ.

— А ваша собака меня не укуситъ?

— Собака, нѣтъ; она не кусается, не поважена. Вотъ корова буренка... Тпружи, тпружи, дура! тпружи! — закричала баба, махая дитятей и курами.

Висленевъ вдругъ почувствовалъ сзади у своего затылка нѣжное теплое дыханіе, и въ то же мгновеніе шляпа его слетѣла съ головы вмѣстѣ съ нѣсколькими вырванными изъ затылка волосами.

Иосафъ Платоновичъ вскрикнулъ и прыгнулъ впередъ, а баба, бросивъ на землю куръ и ребенка, быстро кинулась защищать гостя отъ коровы, которая спокойно жевала и трясла его соломенную шляпу.

Нѣсколькихъ ударовъ, которые женщина нанесла коровѣ по губамъ, было достаточно, чтобы та освободила Висленевскую шляпу, но, конечно, жестоко помяую и безъ куска полей.

— Это все баринъ, Филетеръ Иванычъ, у насъ такихъ глупостей ее научили, — заговорила баба, подавая Висленеву его испорченную шляпу.

— Но она, однако, можетъ-быть, еще и бодается? — освѣдомился Висленевъ, прячась за бабу отъ коровы, которая опять подходила къ нимъ, пережевывая во рту кусокъ шляпы и медленно помахивая головой съ тупыми круглыми глазами.

— Нѣтъ, идите; бодаться она рѣдко бодается... развѣ

только кто ей не понравится,—успокаивала баба, стремясь опять изловить курь и взять кричащее дитя.

— Ну, однакоже, покорно вась благодарю. Я вовсе не желаю испытывать, понравился я ей или не понравился; а вы лучше проведите меня до саду.

Баба согласилась, и Висленевъ, подъ ея прикрытіемъ, пошелъ скорыми шагами впередъ, держась рукой за холщевый, вышитый красною бумагой, передникъ своей провожатой.

Переступивъ за порогъ утлой ограды, онъ заперъ за собой на задвижку калитку и разсмѣялся.

— Скажите, пожалуйста, вотъ вамъ и провинціальная простота жизни! А тутъ, чтобы жить, надо еще и коровамъ нравиться! Ну, краекъ! ну, сторонушка!

Онъ снялъ свою изуродованную шляпу, оглядѣвъ ее и, надѣвъ прорѣхой на затылокъ, пошелъ по узенькой, не пробитой, а протоптанной тропинкѣ вглубь небольшого, такъ сказать, однодворческаго сада. Кругомъ растутъ, какъ попало, жимолости, малина, крыжовникъ, корявая яблонька и въ концѣ кустъ густой черемухи; но живой души человѣческой нѣтъ.

Иосафъ Платоновичъ даже плюнулъ: очевидно, баба соврала; очевидно, Катерины Астафьевны здѣсь нѣтъ, а между тѣмъ идти назадъ... тамъ корова и собака... Но въ это самое мгновеніе Висленевъ дошелъ до черемухи и отодвинулся назадъ и покраснѣлъ. Въ пяти шагахъ отъ него, подъ наклонившеюся до земли вѣткой, коленился ворохъ зеленой полосатой матеріи, и одна рука ея обтянутая взрывала ножикомъ землю.

— Такъ вотъ это кто: это была тетушка!... Ну, слава Богу! Испугаю же ее за то, что она меня напугала.

И съ этимъ Висленевъ тихо, на цыпочкахъ подкрался къ кусту и, разведя свои руки въ разныя стороны, кольнулъ сидящую фигуру подъ бока пальцами, и вслѣдъ за тѣмъ раздался два разные восклица отчаяннаго перепуга.

Висленевъ очутился лицомъ къ лицу съ бѣлокурымъ, среднихъ лѣтъ мужчиной, одѣтымъ въ вышесказанную полосатую матерію, съ изрядною окладистою бородой и свѣтлоглубыми глазами.

— Что же это такое?—проговорилъ, наконецъ, Висленевъ.

— А ужъ объ этомъ мнѣ бы васъ подлежало спросить,—отвѣчалъ собесѣдникъ.

— Я думалъ, что вы тетушка.

— Между тѣмъ, я своимъ племянникамъ дядя.

— Но позвольте, какъ же это такъ?

— А ужъ это опять мнѣ васъ позвольте спросить: какъ вы это такъ? Я червей копалъ, потому что мы съ Филетеромъ Иванычемъ собираемся рыбу удить, а вы меня подъ ребра, и испугали. Я Евангель Минервинъ, священникъ и майора Форова пріятель.

Висленевъ хотѣлъ извиниться, но вмѣсто того не удержался и расхохотался.

— Вотъ какъ у насъ!—проговорилъ Евангель, глядя съ улыбкой, какъ заливается Висленевъ. — Чего же это вы такъ ослабѣли?

— Да позвольте!..—началь-было Висленевъ, и опять расхохотался.

— Вона! Ну, смѣшлвы же вы!

— Вы, отецъ Евангель, не говорите, пожалуйста... Я васъ принялъ за тетушку, Катерину Астафьевну...

— Для чего такъ? я на нее не похожъ!

— Ну, вотъ подите же! я хотѣлъ съ ней пошутить...

— Ну, и что же: это ничего.

— Это меня вашъ подрячникъ ввелъ въ заблужденіе: мнѣ показалось, что это тетушкино платье.

— А у нея развѣ есть такое платье?

— Кажется... то-есть я думаю...

— Нѣтъ; у вашей тетушки такового платья нѣтъ.

— А вы развѣ знаете?

— Разумѣется, знаю: у нея сѣрое лѣтнее, коричневое и черное, что изъ голубого перекрашено, а бѣлое, которое въ прошломъ году вмѣстѣ съ моею женой къ причастію шла, такъ она его не носитъ. Да, вы ничего: не смущайтесь, что пошутили,—вотъ если бы вы меня прибили, надо бы смущаться, а то... да что же это у васъ у самихъ-то ченець память?

— Представьте, это корова...

— А, а! буренка! она одинъ разъ пьяному казаку весь хохоль на кичкѣ съѣла, а животное добрая... питаетъ. Вы изъ Питера?

— Да, изъ Питера.

— Ученый?

Ну, не очень...

Висленевъ размѣялся.

— Что такъ? Тамъ будто какъ всё ученые. Къ литературѣ привержены?

— Да, я писалъ.

— Статьи или изящныя произведенія?

— Статьи. А вы съ дядюшкой много читаете?

— Одолеваемъ-таки. Изящную литературу люблю, но только писателей изящныхъ мало встрѣчаю. Поворотъ назадъ чувствую.

— Какъ поворотъ назадъ?

— А какъ же-съ: развѣ вы его не усматриваете? Помните, въ комедіи господина Львова было сказано, что «прежде все сочиняли, а теперь-де описываютъ», а ужъ нынѣ опять все сочиняютъ: людей такихъ вовсе не видимъ, про какихъ пишутъ... А вотъ и отецъ Филетеръ идетъ.

Въ это время на тропинкѣ показался майоръ Форовъ. Онъ былъ въ старомъ, грязномъ-прегрязномъ драповомъ халатѣ, подпоясанномъ засаленными шнурами; за пазухой у него былъ завязанъ ребенокъ, въ лѣвой рукѣ трубка, а въ правой книга, которую онъ читалъ въ то самое время, какъ дитя всячески старалось ее у него вырвать.

— Чье-жъ это у него дити? — любопытствовалъ Висленевъ.

— А это солдатское... работницы Авдотьи. Ес, вѣрно, куда-нибудь послали; впрочемъ, вѣдь Филетеръ Иванычъ дѣтей страшно любятъ. Перестань читать, Филетеръ: вотъ тебя гость ждетъ.

Форовъ взглянулъ, перехватилъ въ одну руку книгу и трубку, а другую протянулъ Висленеву.

— Торочку вы не видали?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— А она къ вамъ пошла. Вы по какой улицѣ шли: по Покровской или по Рождественской?

— По Рождественской.

— Ну, значитъ, просмотрѣли.

— А она въ чемъ: въ какомъ платьѣ?

— А ужъ я ея платье не знаю. А журналовъ новыхъ, отецъ Евангель, нѣтъ: былъ у Бодростиной, былъ и у Подозерова, а ничего не добылъ. Захватилъ книжонку Диккенса «Изъ семейнаго круга».

— Что жъ, перечитаемъ: тамъ «Габріель и Роза» хороши.
— А теперъ пойдѣмъ закусить, да и въ дорогу. Вы любите закусывать?—отнесся онъ къ Висленеву.

— Не особенно, а впрочемъ, съ вами очень радъ.

— А вамъ развѣ не все равно, съ кѣмъ ѣсть?

— Ну, не все равно. Да, что же вы не спросите, кто мнѣ шляпу обработалъ?

— А что же мнѣ въ этомъ за интересъ? Извѣстно, что если у кого ризы обветшали, такъ значить ремонентовъ нѣтъ.

— Чего ремонентовъ! это ваша корова!

— Ну и что жъ? Плохого князя и телита лижутъ.

— Вы, Филетеръ Ивановичъ, чудакъ.

— Ну, вотъ и чудакъ! Я чудакъ да не красенъ, а вы не чудакъ да силенъ! не знай чего. Пойдемте-ка лучше закусывать.

— Только вина, извините, у меня нѣтъ,—объяснилъ Форовъ, подводя гостей къ непокрытому скатертью столу, на которомъ стоялъ горшокъ съ варенымъ картофелемъ, студень на поливленомъ блюдѣ и водочный графинчикъ.

— Да у тебя и въ баклажкѣ-то оскудѣніе израилево,—замѣтилъ Евангель, поднимая пустой графинъ.

— Что жъ, нарядимъ сейчасъ посланіе къ евреямъ,—отвѣчала Форовъ, вручая работницѣ графинъ и деньги.

— А я вѣдь совсѣмъ водки не пью,—сказалъ Висленевъ.—Вы не обидитесь?

— Чѣмъ это?.. Я издавна солистъ и аккомпанемента не ожидаю, одинъ пью.

— Отецъ Евангель развѣ тоже не пьетъ?

— Не пью-съ,—отвѣчалъ отецъ Евангель, разбирая себя на ладони разсыпчатую картофелину.

— Мы пошлемъ за виномъ, Филетеръ Ивановичъ, если вы позволите?

— А сдѣлайте милость, хоть за шампанскимъ.

— Только если вы меня считаете, то я вѣдь и вина никакого не пью,—отвѣчалъ отецъ Евангель.

— Будто никакого?

— Вина рѣшительно никакого.

— Ну, рюмку хересу.

— Ну, такъ и быть: для васъ рюмку хересу выпью.

Работница побѣжала, сдавъ опять своего ребенка Филе-

теру Ивановичу, и через нѣсколько минутъ доставила вино и водку. Форовъ выпилъ водки и началъ ходить по комнатѣ.

— А что же вы, Филетеръ Ивановичъ, не закусываете?— заговорилъ Висленевъ.

— Истинные таланты не закусываютъ, — отвѣчалъ, не глядя на него, Форовъ.

Висленеву показалось, что майоръ съ нимъ почему-то сухъ. Онъ ему это замѣтилъ, на что тотъ сейчасъ же отвѣчалъ:

— Я, сознаюсь вамъ, смущень, что это вы за птицу привезли, этого господина Горданова?

— А что такое?

— Да онъ мнѣ не нравится.

— Съ какихъ это поръ? Вы, кажется, съ нимъ вчера соглашались?

— Да мало ли что соглашался? Съ инымъ и соглашась, да не любишь, а съ другимъ и не согласень, да ладишь.

— Такъ вы вотъ какой: вы единомышленниковъ, значить, немного цѣните?

— Да вы къ чему мнѣ это говорите? Мыслить всякъ для себя.

— А партія?

— Партія? Такъ это значить я ея крѣпостной, что ли, что я ради партіи долженъ поддеца въ честь ставить?... А чтобъ она этого не дожидалась сія партія!

— А Гордановъ прекрасный и очень умный человекъ.

— Не знаю-съ,—отвѣчалъ майоръ.—Знаю только, что онъ цѣлый вечеръ точно бурлацкую нѣсню тянулъ «а-о-е», а живого слова не выберень.

— Онъ говорилъ резонно.

— Да что же резонно; всё его резоны, это, я говорю, все равно, что дождь на морѣ, ничего не прибавляютъ. Интересно бы знать его дѣла и дѣла... Слышишь, отецъ Евангель, этотъ Гордановъ мужиченкамъ землинку подарилъ, да теперь выдурить ее у нихъ на обмѣнъ хочетъ.

— Т-е-е-съ!—сдѣлалъ укоризненно, покачавъ головою, отецъ Евангель, у котораго ротъ былъ изобильно наполненъ горячимъ картофелемъ.

— Да это кто же вамъ сказалъ, что таковы Гордановскія намѣренія?

— Да вѣдь вы же Подозерову объ этомъ говорили. И вы сами еще, милостивый госудаѣ, за такое дѣло взялись?.. Пехорошо!..

— Вретъ ванъ Подозеровъ.

— Что-о? Подозеровъ вретъ? Ну это, во-первыхъ, въ первый разъ слышу, а во-вторыхъ, Подозеровъ мнѣ и не говорилъ ничего.

— Подозеровъ самъ-то очень хорошъ.

— Человѣкъ рабочій и честный, хотя идеалистъ.

— Очень честный, но никогда ни на что честное и въ университетѣ не умѣлъ откликнуться.

— А на что откликаться-то въ университетѣ, когда тамъ падо учиться?

— Мало ли на что тамъ въ наше время приходилось откликаться! А ему какое дѣло, бывало, ни представъ, все разрезонируетъ и выведетъ, что въ немъ содержанія нѣтъ.

— Да вѣдь какое же, въ самомъ дѣлѣ, содержаніе можно найти въ дѣлѣ о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ?

— Ну, я вижу, вы совсѣмъ подозеровскій партизанъ здѣсь?

— Напротивъ, я совсѣмъ другихъ убѣжденій, чѣмъ Подозеровъ...

— А не пора ли намъ съ тобой, друже Филетеръ, и въ ходъ,—прервалъ отецъ Евангелъ.

— Идемъ,—отвѣчалъ Форовъ, и накиннулъ на себя вмѣсто халата парусинный балахонъ, забралъ на плечи торбу, въ карманъ книгу и протянулъ Висленеву руку.

— Куда вы?—спросилъ Юсафъ Платоновичъ.

— Туда, къ Ленину верху.

— Гдѣ это, далеко?

— А верстъ съ десятокъ отсюда, вотъ гдѣ горы-то видны, между Бодростинкой и Синятиинскимъ хуторомъ.

— Что-жъ вы тамъ будете дѣлать?

— Въ озерѣ карасей половимъ, съ росой травъ порвемъ, а въ солнценокъ читать будемъ въ лѣсу на прохладѣ.

— Возьмите меня съ собой.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, а Форовъ сказалъ:

— Что-жъ, намъ все равно.

— Такъ я иду.

— Идемте.

— А гроза всеъ не пугаетъ?

— Насъ—нѣтъ, потому что мы каждый съ своей точки

зрѣнія жизнью не дорожимъ, а вотъ вы-то, пожалуй, лучше останетесь.

— А что?

— Да гроза непременно будетъ, а кто считаетъ свое существованіе драгоценнымъ, тому жутко на полѣ, какъ облака заспорятъ съ землей. Вы не поддавайтесь лучше этой гнили, что говорятъ, будто стыдно грозы трусить. Что за стыдъ бояться того, съ кѣмъ сладу имѣть!

— Имѣть, я хочу побродить съ вами и посмотрѣть, какъ вы ловите карасей, какъ собираете травы и пр., и пр. Однимъ словомъ, мнѣ хочется побыть съ вами.

— Такъ идемъ.

Они встали и пошли.

Выйдя на улицу, Форовъ и отецъ Евангелъ тотчасъ сѣли на землю, сняли обувь, связали на веревочку, перекинули себѣ черезъ плеча и, закатавъ вверхъ панталоны, пошли въ бродъ черезъ мелкую рѣчку. Висленевъ этого не сдѣлалъ: онъ не сталъ разуваться и сказалъ, что босой идти не можетъ; онъ вошелъ въ рѣку прямо въ обуви и сильно измочился.

Форовъ вытащилъ изъ кармана книжку Диккенса и зачиталъ рассказъ о *Габріэль* и *Розь*.

Шли они, шли, и Висленеву показалось, что они уже Богъ знаетъ какъ далеко ушли, а было всего семь верстъ.

— Я усталъ, господа,—сказалъ Висленевъ.

— Что-жь, садемъ, отдохнемъ,—отвѣчалъ Евангелъ.

И они сѣли.

— Скажите, неужели вы всегда и дорогой читаете?—спросилъ Висленевъ.

— Ну, это какъ придется,—отвѣчалъ Форовъ.

— И всегда повѣсти?

— По большей части.

— И не надоѣли онѣ вамъ?

— Отчего же? Самая глупая повѣсть все-таки интереснѣе, чѣмъ трактатъ о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ.

— Ну, такъ вотъ же я вамъ подарокъ принасъ: это ужъ не о бревнѣ, упавшемъ и никого не убившемъ, а о бревнѣ, упавшемъ и убившемъ свободу.

И съ этимъ Висленевъ вынулъ изъ кармана пальто и преподнесъ Форову книжку изъ числа изданныхъ за границей и въ которой трактовалась сущность христіанства по Фейербаху.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ майоръ: — по я, впрочемъ, этого барона фонъ-Фейербаха не уважаю.

— А вы его развѣ читали?

— Нечего у него читать-то, вотъ горе.

— Онъ разбираетъ сущность христіанства.

— Знаю-съ, и очень люблю эти критики только не его, не господина Фейербаха съ послѣдователями.

— Они это очень грубо дѣлаютъ, — поддержаль отецъ Евангелъ. — Есть на это мастера гораздо тощше — филигранью чеканятъ.

— Да, разумѣется, Ренанъ, напримѣръ, я это знаю.

— Нѣтъ; да Ренанъ о духѣ мало и касается, онъ все по критикѣ событій; но и Ренанъ-то въ своихъ положеніяхъ тоже не ахти-мигъ; онъ шатокъ противъ, напримѣръ, богослововъ современной тюбингенской школы. Вы какъ находите?

— Я, признаться сказать, всѣхъ этихъ господъ не читаль.

— А-а, не читали, жаль! Ну, да это примѣромъ можно сбьяснить будетъ, хоть и въ противномъ родѣ, вотъ какъ, напримѣръ, Іоаннъ Златоустъ противъ Василія Великаго, Массильонъ супротивъ Боссюэта, или Иннокентій противъ Филарета московскаго.

— Ничего не понимаю.

— Одни увлекательнѣй и легче, какъ Златоустъ, Массильонъ и Иннокентій, а другіе тверже и опористѣй, какъ Василій Великій, Боссюэтъ и Филаретъ. Ренанъ вѣдь очень лепокъ, а вы если критикой духа интересуетесь, такъ Ламене извольте прочитатъ. Этотъ гораздо позабористѣй.

«Чортъ ихъ знаетъ, сколько они нынче здѣсь, но трущобамъ-то сидя, поначитались!» подумаль Висленевъ и добавиль вслухъ:

— Да, можетъ быть. Я мало этихъ вещей читаль, да на что ихъ? Это роскошь знанія, а нужна польза. Я вѣдь только со стороны критики сущности христіанства согласенъ съ Фейербахомъ, а то я, разумѣется, и его не знаю.

— Да вы съ критикой согласны? Ну, а ся-то у него и нѣтъ. Какая же критика при односторонности взгляда? Это въ пѣкоторыхъ теперешнихъ свѣтскихъ журналахъ ведется подобная критика, такъ вѣдь *quod licet bovi, non licet Jovi*, что приличествуетъ быку, то не приличествуетъ Юпитеру.

Нѣтъ, вы Ламене почитайте. Онъ хоть нашего брата пробираетъ, христіанство, а онъ лучше послѣдователей Фейербаха понимаетъ. Христіанство это-съ вѣдь дѣло слишкомъ серьезное и великое: его не повалить.

— Оно даже хлѣбомъ кормитъ,—вмѣшался Форовъ.

— Нѣтъ, оно больше дѣлаетъ, Филетеръ Ивановичъ, ты это глупо говоришь,—отвѣчала Евангелъ.

— А мнѣ кажется, онъ, напротивъ, прекрасно сказалъ, и позвольте мнѣ на этомъ съ нимъ покончить,—сказала Висленевъ.—Хлѣбъ, какъ все земное, мнѣ ближе и понятнѣе, чѣмъ всѣ небесныя блага. А какъ же это кормитъ христіанство хлѣбомъ?

— Да вотъ какъ. Во многихъ мѣстахъ десятки тысячъ людей, которые непременно должны умереть въ силу обстоятельствъ съ голоду, всякій день сыты. Петербургъ кормитъ такихъ двадцать тысячъ и все «по сущности христіанства». А уберите вы эту «сущность» на три дня изъ этой сторонки, вотъ вамъ и голодная смерть, а ваши философы этого не видали и не разъяснили.

— Дѣла милосердія вѣдь возможны и безъ христіанства.

— Возможны, да... не всякъ на нихъ тронется изъ тѣхъ, кто нынче трогается.

— Да, со Христомъ-то это легче,—поддержалъ Евангелъ.

— А то «жестокіе еще, сударь, нравы въ нашемъ городѣ»,—добавилъ Форовъ.

— А со Христомъ жестокое-то дѣлать труднѣй, — опять подкрѣпилъ Евангелъ.

— Скажите же, зачѣмъ вы живете въ такой странѣ, гдѣ по вашему все такъ глупо, гдѣ всѣ добрыя дѣла творятся силой иллюзій и страховъ?

— А гдѣ же мнѣ жить?

— Гдѣ угодно!

— Да мнѣ здѣсь угодно, я здѣсь органическія связи имѣю.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, пенсіонъ получаю.

— И только?

— Н-н-ну... и не только... Я мужиковъ люблю, солдатъ люблю!

— Что же вамъ въ нихъ нравится?

— Прекрасные люди.

— А неужто же цивилизованный иностранец хуже русского невѣжды?

— Нѣтъ; а иностранный невѣжда хуже.

— А я, каюсь вамъ, не люблю Россіи.

— Для какой причины?—спросилъ Евангелъ.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ въ ней видите хорошаго? Ни природы, ни людей. Гдѣ лавръ да миртъ, а здѣсь квасъ да спиртъ, вотъ вамъ и Россія.

Отецъ Евангелъ промолчалъ, нарвалъ горсть синей озими и сталъ ею обтирать свои запачканныя ноги.

— Ну, природа,—заговорилъ онъ:—природа наша здоровая. Оглянитесь хоть вокругъ себя, неужто ничего здѣсь не видите достойнаго благодаренія?

— А что же я вижу? Вижу будущій квасъ и спиртъ, и будущее сѣно!

Евангелъ опять замолчалъ и наконецъ всталъ, бросилъ отъ себя траву и, стоя среди поля съ подоткнутымъ за поясъ подрясникомъ, началъ говорить спокойнымъ и тихимъ голосомъ:

— Сѣно и спиртъ! А вотъ у самыхъ вашихъ ногъ растетъ здѣсь благовонный девясила, онъ утоляетъ боли груди; подальше два шага отъ васъ, я вижу огневой жабникъ, который лѣчитъ черную немочь; вонъ тамъ на камняхъ растетъ верхоцвѣтный исопъ, отъ удущья; вонъ ароматная марь, противъ нервовъ; рвотный канытень; сонъ-трава отъ пострѣла; кустистый дрокъ; крѣпящая разслабленныхъ аліела; вонъ болдырячъ, отъ дѣтскаго родилища и мадрагары, отъ которыхъ спятъ убитые тоской и страданіемъ. Теперь, тамъ, на полѣ, я вижу траву гулявицу отъ судорогъ; на холмикѣ вонъ Божье дерево; вонъ львиноустъ отъ трепетанья сердца; дигиль, лютикъ, цѣлебная и смрадная трава омегъ; вонъ курселъпъ, отъ укушенія бѣшенымъ животнымъ; а тамъ по потовинамъ луга растетъ ручейный гравилатъ отъ кровотечения; авранъ и многолѣтній кринъ, возстановляющій безсиліе; медвѣжье ухо отъ перхоты; хрупкая ива, въ которой купаютъ золотушныхъ дѣтей; кувшинчикъ, кукушкинъ ленъ, козлородь... Не сѣно здѣсь, мой государь, а Божья аптека.

И съ этимъ отецъ Евангелъ вдругъ оборотился къ Вислену спиной, прилегъ, свернулся калачикомъ и въ одно мгновеніе уснулъ, рядомъ со снующимъ уже и храпящимъ

майоромъ. Точно порѣшили оба насчетъ Иосафа Платоповича, что съ нимъ больше говорить не о чемъ.

Висленевъ такой выходки никакъ не ожидалъ, потому что онъ не видалъ никакой причины укладываться теперь и спать, и не чувствовалъ ни малѣйшаго позыва ко сну; но помѣшать Форову и отцу Евангелу, когда они ужъ уснули, онъ, разумѣется, не захотѣлъ, и рѣшилъ побродить непожко по кустарникамъ. Походилъ, нашелъ двѣ ягоды земляники и съѣлъ ихъ, и опять вернулся на опушку, а Форовъ и Евангелъ попрежнему спать. Висленеву стало скучно, онъ бы пошелъ и домой, но кругомъ тучится и погромыхиваетъ громъ, котораго онъ не любитъ. Дѣлать нечего, онъ снялъ пиджакъ, свернулъ его, подложилъ подъ голову и легъ рядомъ съ крѣпко спящимъ Форовымъ, сорвалъ былинку и, покусывая ее, началъ мечтать. Мечты его были невыспрени, онѣ витали все около его портфеля, около его трудныхъ дѣлъ, около Петербурга, гдѣ у Висленева остажась нелюбимая жена и никакого положенія, и наконецъ около того, какъ онъ появится Горданову и какъ расскажетъ ему исторію съ портфелемъ.

«Чѣмъ я позже ему это сообщу, тѣмъ лучше, — думалъ онъ, — чего же мнѣ и спѣшить? Я съ этимъ и ушелъ сюда, чтобы затянуть время. Пусть тамъ послѣ Гордановъ потрунитъ надъ моими увлеченіями, а между тѣмъ время большой изобрѣтатель. Подчиняюсь моей судьбѣ и буду спать, какъ они спятъ».

Висленевъ оборотился лицомъ къ Форову и закрылъ глаза на все.

Долго ли онъ спалъ, онъ не помнилъ, но проснулся онъ вдругъ отъ страшнаго шума и проникающей прохлады. Небо было черно, въ воздухъ рокоталъ громъ и падали крупныя капли дождя. Висленевъ увидалъ въ этомъ достаточный поводъ поднять своихъ спутниковъ и разбудить отца Евангела. Дождь усиливался быстро и вдругъ пустился какъ изъ ведра, прежде чѣмъ Форовъ проснулся.

— Побѣжимте куда-нибудь? — упранивалъ, метаясь на мѣстѣ, Висленевъ.

— Да куда же бѣжать-съ? Кругомъ поле, ни кола, ни двора, въ городъ назадъ семь верстъ, до Водростинки четыре, а влѣво не больше двухъ верстъ до Синтиянина ху-

тора, да вѣдь все равно и туда теперь не добѣжишь. Видите, какой полиль. Ухъ, за рубашку потекло!

Отець Евангель сталъ на корточки, нагнуль голову и выставилъ спину.

— Я говорилъ, что это будетъ, — проворчалъ Форовъ и тоже сталъ на колѣни точно такъ же, какъ и Евангель.

Среди ливня, обратившаго весь воздухъ вокругъ въ сплошное мутное море, рѣяли молніи и грохоталъ, не прерывая, громъ, и вотъ, весь мокрый и опустившійся Висленевъ видитъ, что среди этихъ волнъ, погоняемыхъ вѣтромъ, аршина два отъ земли илываетъ блѣдно-огненный шаръ, колеблется, растетъ, перемѣняетъ цвѣта, становится изъ блѣднаго багровымъ, фіолетовымъ, и вдругъ сверкнуло и вздрогнуло, и шара ужъ нѣтъ, но зато на дорогѣ что-то взвилось, затрепало и повалилось.

Форовъ и Евангель подняли головы.

Въ трехъ шагахъ предъ ними, въ морѣ волнъ, стоялъ двухмѣстный фаэтонъ, запряженный четверней лошадей, изъ которыхъ одна, оторвавши поводъ, стояла головой къ заднему колесу и въ страхѣ дрожала.

— Помогите, пожалуйста, — кричалъ изъ фаэтова чело-вѣкъ съ большими кудрями à la Beranger.

— Это Михаилъ Андрейчъ, — проговорилъ, направляясь къ экипажу, отецъ Евангель.

— Кто?—освѣдомился Висленевъ, идучи вслѣдъ за нимъ вмѣстѣ съ Форовымъ.

— Бодростинъ.

Въ фаэтонѣ сидѣлъ бѣлый, чистый, очень красивый старикъ Бодростинъ и возлѣ него молодой кавалеристъ съ нѣсколько надменнымъ и улыбающимся лицомъ.

— А, это вы, странники вѣчные!—заговорилъ, высовываясь изъ экипажа, Бодростинъ, въ то время какъ кучеръ съ отцомъ Евангеломъ выпутывали и выпрягали лошадь, тиетно поровившую подняться.—А это кто жъ съ вами еще!—любопытствовалъ Бодростинъ.

— А это приѣзжій къ намъ съ сѣвера, Висленевъ,—отвѣтствовалъ майоръ Форовъ.

— Ахъ, это ты, Есафушка! Здорово, дружокъ! Вотъ радъ, да говорить-то некогда... Ты что жъ, куда идешь?

— Пошелъ съ ними, и самъ не знаю, чего и куда,—отозвался Висленевъ.

— Да кинь ты ихъ, бродягъ, и пойдѣмъ въ городъ. Вотъ видишь, какъ ты измокъ, какъ куликъ.

— Ужъ просто ни одинъ Язонъ въ Колхидѣ не знавалъ такого душа!

— Ну и садись. Володя, подвигайся, братъ! Возьмемъ сего Язона, — добавилъ онъ, отстраивая кавалериста. — Это мой племянникъ, сестры Агаты сынъ, Кюлевейнъ. Ну, и беру у васъ господина этого городского воробья, — добавилъ онъ, втягивая Висленева за руку къ себѣ въ экипажъ: — онъ вамъ не къ перу и не къ шерсти.

— Съ Богомъ, — отвѣтилъ Евангель.

Бодростинъ кивнулъ своею беранжеровскою головой, и фэатонъ опять понесся подъ моремъ дождя и сѣтью рѣвущихъ молній.

Висленевъ дрожалъ отъ холоду и сырости и жался, сохвѣстясь мочить своимъ смокинымъ платьемъ сосѣдей.

— Я просто мокръ, какъ губка, и совсѣмъ никуда не похужу, — говорилъ онъ, стараясь скрыть свое замѣшательство.

— Ну, вздоръ, ничего, хорошій молодецъ изъ воды долженъ сухъ выходить. Вотъ приѣдемъ къ женѣ, она задастъ тебѣ такого эрфикасу, что ты высохнешь и зарокъ дашь съ приѣзда по полямъ не разгуливать, прежде чѣмъ друзей навѣстишь.

— А, нѣтъ! Бога ради! Я не могу показаться Глафирѣ Васильевнѣ.

— Что тако-о-о-е? Не можешь показаться моей женѣ? Полно, пожалуйста, дурить-то.

— Я право, Михайлъ Андреевичъ, не дую, а не могу же я въ такомъ печальномъ видѣ являться къ Глафирѣ Васильевнѣ, — отираивался Висленевъ.

— Все это чистый вздоръ, облечемъ тебя въ сухое бѣлье и теплый халатъ, а тѣмъ временемъ тебѣ и другое платье принесутъ.

— Нѣтъ, воля ваша, я у своего дома сойду, переодѣнусь дома и приѣду.

— Ну, да, рассказывай, придешь ты, какъ же! Нѣтъ ужъ, братъ, надо было ко мнѣ сюда не садиться, а ужъ какъ съѣлъ, такъ привезу, куда захочу. У насъ на Руси на то и пословица есть: «на чьемъ возу ѣдень, того и пѣсепку пой».

Отбросить этого не предвидѣлось никакой возможности: Бодростинъ неотразимо исполнялъ неностижимый и роковой законъ, по которому мужа столь часто употребляютъ самыя упорныя усилія вводить къ себѣ въ домъ людей, которыхъ бы лучше имъ вѣкъ не подпускать къ своему порогу.

— Сей молодецъ яко старецъ, — проговорилъ Евангель, садясь съ майоромъ снова подъ межку.

— Межеумокъ, — отвѣчала нехоти Форовъ, и болѣе они о Висленевѣ не говорили.

Подъ третьимъ кровомъ утро это началось еще иначе.

Глафира Васильевна Бодростина возвратилась домой съ небольшимъ черезъ четверть часа послѣ того, какъ она вышла отъ Горданова. Она сама отперла бывшимъ у нея ключомъ небольшую дверь въ оранжерю и черезъ нее прошла по довольно крутой спиральной лѣстницѣ на второй этажъ, въ чистую комнату, гдѣ чуть теплилась лампада подъ низкимъ абажуромъ и дремала въ креслѣ молодая, красивая дѣвушка въ ситцевомъ платьѣ.

Бодростина заперла за собой дверь и, тронувъ дѣвушку слегка за плечо, бросила ей шинель и шляпу, а сама прошла три излицно убранныя комнаты своей половины и остановилась, наконецъ, въ кабинетѣ, оклеенномъ темнозелеными обоями и убранномъ съ большимъ вкусомъ темнозеленымъ бархатомъ и позолотой.

Дѣвушка вошла вслѣдъ за нею и сказала:

— Вамъ есть письмо!

— Откуда такъ поздно?

— Швейцаръ мнѣ прислалъ его, какъ только вы изволили уйти. Я сказала, что вы уже изволили започивать.

— На, — отвѣчала Бодростина, бросая на руки дѣвушкѣ свою бархатную куртку и жилетъ: — сними съ меня сапоги и подай мнѣ письмо, — добавила она, полуулегшись на диванъ, глубоко уходящій въ цинь окна.

Дѣвушка вышла и черезъ минуту явилась съ розовыми атласными туфлями и съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ лежалъ большой конвертъ.

Глафира Васильевна взяла письмо, взглянула на адресъ и покраснѣла.

«А-а! Наконецъ-то!» шепнула она себѣ.

Дѣвушка разула ее и надѣла на ея ноги туфли.

— Ложись спать!—приказала Бодростина.

Дѣвушка поклонилась и вышла.

Глафира Васильевна встала, тихо обоняла нѣсколько разъ вокругъ комнаты, опустила занавѣсы дверей, отдернула занавѣсу окна, въ нищѣ котораго помѣщался диванъ, и снова сѣла здѣсь и наморщила лобъ.

— Игра начинается большая и опасная!—носилось въ ея головѣ.—Рискованнѣе и смѣлѣе я еще не задумывала ничего, и я выиграю... Я должна выиграть ставку, потому что ходы мои рассчитаны вѣрно, и рука, мнѣ повинующаяся, неотразима, но... Гордановъ хитеръ, и съ нимъ нужна вся осторожность, чтобъ онъ ранѣе времени не узналъ, что онъ будетъ работать не для себя. Впрочемъ, я готова встрѣтить все, и намъ пора окончить съ Павломъ Николаевичемъ наши счеты!

Бодростина тихо вздохнула и, взявъ неспѣшною рукой со стола письмо, разорвала конвертъ.

Письмо было на большомъ листѣ почтовой бумаги, испи-санномъ вокругъ чистымъ и красивымъ мужскимъ почеркомъ, внизу стояла подпись «Подозеровъ».

«Я получилъ четыре дня тому назадъ ваше письмо,—начиналъ авторъ.— Не нахожу словъ, которыми могъ бы отблагодарить васъ за чувства, выраженные въ вашихъ строкахъ, которыхъ я никогда не перестану помнить. Я не отвѣчалъ вамъ скоро потому, что хотѣлъ отвѣчать обстоятельно. Прежде всего я отвѣчу на ваше запрещеніе смѣяться надъ вами. Это напрасно. Я не умѣю смѣяться ни надъ кѣмъ и всегда отвѣчаю на всякій вопросъ по совѣсти, точно такъ же поступаю и въ настоящемъ случаѣ.

«Вы напоминаете мнѣ мой долгъ вамъ, напоминаете данное мною вамъ, при одномъ шуточномъ случаѣ, серьезное слово безотговорочно и честно исполнить первое ваше требованіе, и въ силу этого слова дѣлаете для меня обязательнымъ обстоятельнымъ и чистосердечнымъ отвѣтъ на ваше письмо, заключающее въ себѣ и дружескій вопросъ, и совѣтъ, и предостереженіе, и ваше предсказаніе. Вы разрѣшаете мнѣ тоже, взаимно всякихъ отвѣтовъ, отдѣляться сознаниемъ, что откровенность мнѣ не по силамъ.

«Очень благодарю васъ за дарованіе мнѣ такого легкаго способа отступленія, но, конечно, имъ не воспользуюсь: я буду съ вами совершенно откровененъ.

«Я бы очень прямо отвѣчалъ вамъ, почему держу себя, какъ вы говорите, «такъ странно и двусмысленно», если бы я видѣлъ въ моемъ поведеніи какую-нибудь двусмысленность и загадочность. Мнѣ даже самому было бы пріятно уяснить себѣ мои странности, но я, къ крайней моей досадѣ, лишень способности ихъ видѣть. Мнѣ кажется, что я живу, какъ всѣ, одѣваюсь, какъ всѣ, ложусь спать и встаю въ часы, болѣе или менѣе обычные для всѣхъ, занимаюсь моею службой, посѣщаю моихъ немногочисленныхъ друзей и мало забочусь о моихъ врагахъ, которыхъ, по вашему замѣчанію, у меня очень много. Не смѣю вамъ противорѣчить, но если это и такъ, то что же я долженъ дѣлать, чтобъ уменьшить число моихъ недоброжелателей. Я не употреблялъ никакихъ стараній приобрѣсть ихъ вражду, и не знаю, за что получилъ ее, не знаю и средства къ умилостивленію ихъ. Помогите мнѣ, пожалуйста, и спросите перваго человѣка, который выскажется ко мнѣ предъ вами враждебно, что я ему сдѣлалъ худого? Этимъ вы мнѣ дадите средство исправиться. Вы относите чувства моихъ недруговъ къ моему безучастію «въ общественныхъ дѣлахъ», и ставите мнѣ въ укоризну мой отказъ отъ продолженія секретарства по челоѣколюбивымъ учрежденіямъ, въ которомъ вы принимаете участіе. Мнѣ кажется, что вы правы: я дѣйствительно мало показываюсь въ обществѣ, но это потому, что у меня очень хлопотливая служба, едва оставляющая мнѣ сколько-нибудь времени для того, чтобъ освѣжить мою голову страницей чтенія. Поэтому же я отказался и отъ секретарства, и отъ всякаго участія въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, кромѣ посильной лепты моей, которую отдаю охотно. Я не могу дѣйствовать иначе, потому что прямое мое дѣло, которое я ежеминутно дѣлаю, стоя у интересовъ крестьянъ, тоже есть дѣло благотворенія, и оно непременно потеряло бы, если бы я сталъ раздѣлять свое время на стороны. Скажу вамъ болѣе: я бы считалъ очень радостнымъ фактомъ, если бы среди русскихъ мужчинъ, имѣющихъ опредѣленные занятія, находилось какъ можно менѣе охотниковъ вступаться въ дѣла непосредственнаго благотворенія. Зная характеръ этихъ дѣлъ, и характеръ, и цѣль большинства пристающихъ къ нимъ лицъ, я позволяю себѣ искреннѣйше желать, чтобы благотвореніе и помощь бѣднымъ, какъ прямая дѣла христіанскаго ми-

лосердія, вѣдались приходами, а не людьми, занимающимися этими дѣлами pour passer le temps. Я увѣренъ, что это къ тому непремѣнно и придетъ, когда умножится число людей, въ самомъ дѣлѣ добрыхъ и въ самомъ дѣлѣ соболѣзнующихъ о нуждающемся братѣ, а не ищущихъ себѣ связей и протекцій насчетъ благотворенія, какъ это дѣлается. Я чувствую ложь въ основѣ нынѣшней благотворительности и не хочу тратить силъ и времени, нужныхъ дѣлу, служить которому я обязанъ присягой и добрымъ моимъ хотѣніемъ. Вотъ вамъ разъясненіе одной моей странности и послѣдней пеловкости, «завершившей, по вашимъ словамъ, цѣль моихъ безтактностей».

«Вторая укоризна въ томъ, что вы называли невниманіемъ къ своей репутаціи, можетъ-быть, еще болѣе справедлива. Вы ставите мнѣ въ вину, что я «кажется» никогда не употребляю никакихъ усилій для того, чтобы сморить зазнающуюся наглость. Слово «кажется» вы поставили напрасно: вы могли бы даже сказать это совершенно утвердительно, и я призналъ бы неопровержимую правоту вашихъ словъ; но вы неправы, приписывая это такъ-называемому «презрительному индифферентизму къ людямъ» или «неспособности ненавидѣть, происходящей отъ неспособности любить». Здѣсь вы погрѣшаете въ вашихъ заключеніяхъ. «Презрительнаго индифферентизма къ людямъ» во мнѣ нѣтъ, и я его даже не понимаю: напротивъ, у меня черезъ мѣру неосторожны и велики тяготѣнія къ однимъ людямъ, и я очень сильно чувствую отвращеніе отъ другихъ, но ненавидѣть я дѣйствительно неспособенъ. Я, какъ человѣкъ очень дурно воспитанный, конечно, не свободенъ отъ злобности, и я даже могу ненавидѣть, но я ненавижу одну мстительную ненависть, и зато ненавижу ее непримиримо. Наше дѣло сберечь себя отъ зла, къ которому, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе склонны всѣ люди, но ненавидѣть человѣка и стараться мстить ему... это такая черная работа, отъ которой, конечно, пожелаетъ освободить себя всякій, какъ только онъ захочетъ вдуматься въ существо дѣла. Вотъ вамъ объясненіе моего мнимаго незлобія: я не мстительенъ, больше по недосугу и по эгоизму.

«Вы вообще желаете поднять во мнѣ желаніе защищаться и, указывая на принца Гамлета, какъ на примѣръ, достойный подражанія, совѣтуете усвоить изъ него «то,

что въ немъ есть самаго сильнаго». Принцъ Гамлетъ — образецъ великій, и вы напрасно шутите, что будто бы его душа живетъ теперь во мнѣ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, это не такъ; но все-таки я чту и чувствую принца Гамлета, и я знаю, что у него было самое сильное, но это отнюдь вѣдь не желаніе метить и издѣваться, здѣсь только слабость принца, а сила его въ любви его... въ любви его не къ Офеліи, которую онъ, какъ женщину, любить потому, что «любить», а въ его любви къ Горацио, котораго «избралъ онъ передъ всѣми». Вы, конечно, помните эти прекрасныя слова, за что онъ избранъ:

Страдал, ты, казалось, не страдалъ,
Ты бралъ удары и дары судьбы,
Благодаря за то и за другое,
И ты благословенъ!..
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть
Не дѣлала рабомъ, и я укрою
Его души моей въ святѣйшихъ нѣдрахъ,
Какъ я укрылъ тебя.

«Понистинѣ, я во всей трагедіи не знаю ничего величественнѣе этого, вообще мало замѣчаемаго мѣста; но здѣсь достоинъ подражанія не нерѣшительный принцъ Гамлетъ, а Горацио, съ которымъ у меня, къ сожалѣнію, только одно сходство, что я такой же «бѣднякъ», какъ онъ.

«Далѣе вы совѣтуете мнѣ измѣнить мой образъ жизни, по скажите, Бога ради, можно ли не быть самимъ собой ни для чего или, что еще хуже, измѣниться для того, чтобы быть хуже?.. Я это говорю потому, что вы мнѣ совѣтуете «окраситься», потому что «бѣлый цвѣтъ марокъ», вы рѣшительно сказали «интригуйте, какъ большинство, имѣйте всѣ пороки, которые имѣютъ всѣ, не будьте мимозой, свертывающейсѣ отъ всякаго преткновенія, будьте чѣмъ вы хотите: шулеромъ, взяточникомъ, ханжой, и васъ кто-нибудь да станетъ считать своимъ, между тѣмъ какъ нынѣ, гнушаясь гадости людей, вы всѣмъ не только чужой, но даже ненавистный человекъ. Люди не прощаютъ такого поведенія; они не вѣрятъ, что вы отходите для того, чтобы только отойти; пѣтъ, имъ кажется, что это не цѣль, а только средство, чтобы вредить имъ издали. Вредите имъ, и они будутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ находись въ догадкахъ». Вы очень наблюдательны, Глафира Васильевна! Это все отецъ вѣрно, но не сами ли же вы говорили, что, чтобы

угодить на общій вкусъ, надо себя «безобразить». Согласитесь, это очень большая жертва, для которой нужно своего рода геройство. Какъ эгонстъ, я имѣю болѣе близкую мнѣ заботу: прежде чѣмъ нравиться людямъ, я не хочу приходить въ окончательный разладъ съ самимъ собой. Какъ вы хотите, человѣку можно простить эту манкировку и позволить заботиться немножко о своемъ самоусовершенствованіи или, скромнѣе сказать, о собственномъ исправленіи. Надо же немножко держать корректуру надъ самимъ собой, чтобы не дойти въ концѣ концовъ до внутренняго разлада, за чѣмъ, конечно, всегда слѣдуетъ необходимость плясать по чужой дудкѣ, къ чему я совершенно неспособенъ. Вы указываете мнѣ на существующую, будто бы, общую подготовку сразу сложиться въ дружный союзъ противъ меня и предрекаете, что это будутъ силы, которыя сломятъ всякую волю; но, Глафира Васильевна, я никогда и не считалъ себя героемъ, для одолѣнія котораго нужны были бы очень сложные силы въ родѣ «всеобщаго раздраженія или всеобщаго озлобленія», которыя вы желаете отвратить отъ головы моей. Я гораздо скромнѣе и уступчивѣй, и все, на чтѣ я уповаю, это усвоенная мною себѣ привычка отходить отъ зла, творя этимъ благо и себѣ, и тому, кому я досаждалъ. Я не претендую ни на какое мѣсто въ обществѣ, ни на какое вліяніе; даже равнодушествую, какъ вы говорите, къ общественному мнѣнію, все потому, что я крайне доволенъ своимъ положеніемъ, въ которомъ никто на свѣтѣ не можетъ заставить меня пожертвовать драгоценною для меня свободой совѣсти, мыслей и поступковъ; я среди людей какъ среди моря: не всѣ валы сердиты и не всѣ и нахлестываютъ, а есть и такіе, которые выносятъ. Я не хвалюсь друзьями, но они у меня есть. Если я, по вашимъ же словамъ, не смѣю разсчитывать на доброжелательство въ обществѣ, то чему же, напримѣръ, я обязанъ за ваше участіе и вниманіе, послѣднимъ доказательствомъ которыхъ мнѣ служить лежанцій предо мной листокъ, написанный вашею доброжелательною рукой? Неужто въ самомъ дѣлѣ тому, что я не хотѣлъ позволить гдѣ-то и кому-то говорить о васъ вздорныя и пустыя слова, обстоятельство, которое вы помните съ приводящимъ меня въ стыдъ постоянствомъ?.. Глафира Васильевна! я очень люблю Филетера Ивановича, но я го-

товъ разлюбить его за его болтливость, съ которою онъ передалъ вамъ почти трагирную, недостойную сцену мою съ Висленевымъ, который лепеталъ о васъ что-то тогда, отнюдь не по зложелательству, а по тогдашнему, довольно многимъ общему, влеченію къ такъ-называвшейся «очистительной критикѣ». Форовъ не долженъ былъ ничего сообщать объ этомъ случаѣ, незначащемъ и недостойномъ никакого вниманія, какъ и вы, мнѣ кажется, не должны напоминать мнѣ объ этомъ, поселяя тѣмъ непріятное чувство къ добродушному Филетеру Ивановичу. Попросить человѣка перестать говорить несовѣтъ хорошо о женщинѣ, повѣрьте, самый простой поступокъ, который всякій сдѣлаетъ по такому же естественному побужденію, по какому человѣкъ желаетъ не видать непріятнаго зрѣлища или не слышать раздрающихъ звуковъ. При извѣстной слабости нервовъ и извѣстной привычкѣ потворствовать имъ, я въ томъ случаѣ, который стараюсь объяснить вамъ, поступилъ бы одинаково, какой бы женщины это ни касалось. И затѣмъ послѣднее: за приглашеніе ваше гостить лѣто у васъ въ Рыбацкомъ, я, разумеется, безконечно вамъ благодаренъ, но принять его я не могу: какъ ни непріятно оставаться въ городѣ, но я уѣхать отсюда не могу.

«Примите и пр.

«Андрей Подозеровъ».

Бодростина сжала письмо въ рукѣ, посидѣла минуту молча, потомъ встала и, шепнувъ: «и ты благословенъ», вздохнула и ушла въ свою спальню.

Черезъ двѣ минуты она снова появилась оттуда въ кабинетѣ въ пышной бѣлой блузѣ и съ распущенными не длинными, но густыми темно-русыми волосами, захитоску, открыла окно и, вставъ на колѣни на диванъ, легла грудью на бархатный матрацъ подоконника.

«Онъ бѣжитъ меня и tant mieux!» Она истерически бросила за окно пахитоску и, хрустнувъ пальцами обѣихъ рукъ, соскользнула на диванъ, закрыла глаза и заснула при безпрестанныхъ мельканіяхъ словъ: «Завтра, завтра, не сегодня—такъ лѣнивцы говорятъ: завтра, завтра». И вдругъ пауза, тишь, и на разсвѣтѣ въ комнату является черноглазый мальчикъ въ розовой ситцевой рубашкѣ барабанить и громко постъ:

Бей, бей, барабанъ,
Маршируй впереди,

А кто спитъ, тотъ болванъ.
Поскорѣ буди!..

У Бодростиной дрожать вѣки, грудь подымается, и она хочетъ вскрикнуть: «братъ! Гршна!», но открывасть глаза.. Ея комната освѣщена жаркимъ свѣтомъ измѣнчиваго утра, дѣвушка стоитъ предъ Глафирой Васильевной и настойчиво повторяеть ей: «Сударыня, васъ ждутъ Генрихъ Ивановичъ Ропшинъ».

Бодростина мгновенно вскочила, спросила мокрое полотенце, обтерла имъ лицо и велѣла привести гости въ бельведерь.

— Мнѣ красную шаль, — сказала она возвратившейся дѣвушкѣ и, накинувъ на плечи требуемую шаль, нетерпѣливо вышла изъ комнаты и поднялась въ бельведерь.

Въ фонарѣ, залитомъ солнцемъ, стоялъ молодой человекъ, блондинъ, «нескверный и неблазный», съ свернутымъ въ трубку листомъ бумаги.

Заслышавъ легкіе шаги входившей по лѣстницѣ Бодростиной, онъ всталъ и подбодрился, но при входѣ ея тотчасъ же снова потушилъ глаза.

Глафира Васильевна остановилась предъ нимъ молча; молодой человекъ, не сказавъ ей ни слова, подаль ей свернутый листъ бумаги.

Глафира Васильевна взяла этотъ листъ, пробѣжала его первыя строки и, сдернувъ съ себя красную шаль, сказала:

— Какъ здѣсь сегодня ярко! завѣсьте, пожалуйста, одно окно этимъ платкомъ!

«Нескверный и неблазный» юноша молчаливо и робко исполнилъ ея приказаніе, и, когда оглянулся, увидѣлъ Глафиру Васильевну, стоящую на своемъ мѣстѣ, а свитокъ бумаги у ея ногъ.

Глафира была блѣдна какъ платъ, но Ропшинъ этого не замѣтилъ, потому что на ея лицо падало отраженіе красной шали. Онъ наклонился къ ногамъ окаменѣвшей Глафиры, чтобы поднять листъ. Бодростина въ это мгновеніе встrepенулась и съ подкушающею улыбкой на устахъ приподняла отъ ногъ своихъ этого бѣлаго юношу, взявъ его однимъ пальцемъ подъ его безволосый подбородокъ.

Тотъ истлѣлъ отъ блаженства и зашатался, не зная куда ему двинутся: впередъ или назадъ?

— Оставьте мнѣ это на два часа, — проговорила Бодростина, держа свитокъ и стараясь выговаривать каждый слогъ какъ можно отчетливѣе, между тѣмъ какъ языкъ ея деревянѣлъ и ноги подкашивались.

Ропшигъ, мѣля и колеблясь, поклонился и вышелъ.

Съ этимъ вмѣстѣ Глафира Васильевна воскликнула: «я нищая!» и, пошатнувшись, упала безъ чувствъ на полъ.

Черезъ часъ послѣ этой сцены въ домѣ Бодростиной, вѣтеръ ревѣлъ, хлесталъ дождь и гремѣлъ громъ и рѣвали молнии.

Дурно запертыя рамы распахнулись и въ фонарѣ Бодростинскаго бельведера, и въ комнатѣ Горданова.

Послѣдній, крѣпко заспавшійся, былъ разбуженъ бурей и ливнемъ; онъ позвонилъ нетерпѣливо человѣку и велѣлъ ему открыть занавѣсы и затворить хлопавшую раму.

— Цвѣты! — доложилъ ему лакей, подавая букетъ.

Гордановъ покосился на свѣжкія розы, встать и подошелъ къ окну.

— Ага! загорѣлась орифлама! — проговорилъ онъ, почесавъ себѣ шею, и, взявъ на столѣ листочекъ бумаги, написалъ: «Дѣла должны идти хорошо. Проси мнѣ у Тихона Ларионовича льготы всего два мѣсяца: черезъ два мѣсяца я буду богатъ и тогда я вашъ. Занятыя у тебя триста рублей посылаю въ особомъ конвертѣ завтра. Мужъ твой пока еще служить и его надо поберечь».

Гордановъ запечаталъ это письмо и, написавъ его «въ Петербургъ, Алигѣ Александровицѣ Висленевой», подаль конвертъ слугѣ, сказавъ: «сию минуту сдай на почту, но прежде отнеси эти цвѣты Ларисѣ Платоновнѣ Висленевой».

А огненная орифлама все горѣла надъ городомъ въ одной изъ рамъ бельведера, и вѣтеръ рвалъ ее и хлесталъ ее мокрѣя коймы о желѣзныя трубы желѣзныхъ драконовъ, вѣнчавшихъ крышу хрустальной кѣтки, громоздившейся на крутой горѣ и подъ сильнымъ вѣтромъ.

Теперь мы должны покинуть здѣсь подъ бурей всѣхъ нашихъ провинціальныхъ знакомыхъ и ихъ заѣзжихъ гостей и перенестись съ тучнаго и теплаго чернозема къ холоднымъ финскимъ берегамъ, гдѣ заложенъ и выстроенъ на костяхъ и сваяхъ городъ, изъ котораго въ послѣдніе годы, доколѣ не совершился кругъ, шли и думали вѣчно идти

самые разнообразныя повторы. Посмотримъ, скрѣпя наши сердца и нервы, въ нѣкоторыя педавно еще столь безобразныя и перипливыя, а нынѣ столь отмѣнившіяся отъ прошлаго ключья этого гнѣзда, гдѣ въ остромъ укусу «сорока разбойниковъ» отмачиваются и въ вымоченномъ видѣ выбираютъ въ житейское плаванье новыя межеумки, съ которыми надо ликовать или мучиться и многозаботливымъ Марсамъ, и безвѣстно совершающимъ свое теченіе Маріямъ.

Путь не тяжель, срокъ не дологъ,—и мы откочсываемъ въ Петербургъ.

Часть вторая.

БЕЗДНА ПРИЗЫВАЕТЪ БЕЗДНУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Entre chien et loup.

Гордановъ не сразу смилъ себѣ свой пылкій мундиръ: было время, когда онъ носилъ другую форму. Принадлежа не къ повому, а къ повѣйшему культу, онъ имѣлъ предъ собою довольно большой выборъ модъ и фасоновъ: предъ нимъ прошли во всемъ своемъ убранствѣ Базаровъ, Раскольниковъ и Маркушка Волоховъ, и Гордановъ всѣхъ ихъ смѣрилъ, свѣсилъ, разобралъ и осудилъ: ни одинъ изъ нихъ не выдержалъ его критики. Базаровъ, по его мнѣнію, былъ неумень и слабъ,—неумень потому, что соорился съ людьми и вредилъ себѣ своими рѣзкостями, а слабъ потому, что свихнулся предъ «богатымъ тѣломъ» женщины, что Павелъ Николаевичъ Гордановъ признавалъ слабостью изъ слабостей. Раскольникова Гордановъ сравнивалъ съ курицей, которая не можетъ не кудахтать о спесенномъ ея яйцѣ, и глубоко презиралъ этого героя за его привычку безпрестанно чесать свои душевныя мозоли. Маркушка Волоховъ (котораго Гордановъ зналъ живымъ) былъ, по его мнѣнію, и посильнѣе, и поумнѣе двухъ первыхъ, но ему, этому алмазу, недоставало шлифовки, чтобы быть брильянтомъ, а Гордановъ хотѣлъ быть брильянтомъ и чувствовалъ, что къ тому уже настало удобное время.

Павель Николаевичъ—человѣкъ происхожденія почти безвѣстнаго, но романческаго: онъ сынъ московской цыганки и старшаго брата Михаила Андреевича Бодростина. Отець его нѣкогда истратилъ чудовищныя деньги на ухаживаніе за его матерью и еще бдльшія—на выкупъ ея изъ табора; но, проживъ съ нею одинъ годъ съ-глазу-на-глазь въ деревнѣ, накучилъ ея однообразными ласками и вывелъ ее въ особый хуторокъ, а самъ женился на дѣвушкѣ соответственнаго положенія. Мать Павла Николаевича этого не спесла: какъ за нею ни приемотривали на хуторѣ, она эбманула своихъ приставниковъ, убѣжала въ прежнее обиталище къ своему измѣннику и пришла какъ разъ во время свадебнаго пира. Ее не пустили, она взобралась на берегъ Оки, не помня себя, въ мукахъ и бѣшенствѣ родила здѣсь ребенка и, можетъ-быть, не помня же себя, бросилась въ воду и утонула. Ребенокъ былъ взятъ; его назвали въ крещеніи Павломъ и записали на имя бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина Горданова, которому подарили за это семью людей. Чтобы Павель Гордановъ не метался на глазахъ, его свезли сначала въ уѣздный городишко и отдали на воспитаніе акушеркѣ; отсюда восьми лѣтъ его перевезли въ губернскій пансіонъ, а изъ пансіона, семнадцати лѣтъ, отправили въ Петербургскій университетъ. Отца своего Гордановъ никогда не помнилъ, судьбами мальчика всегда распоряжался Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, котораго Павель Николаевичъ видалъ разъ въ годъ. Къ семнадцатому году своего возраста, Павель Николаевичъ освободился отъ всѣхъ своихъ родныхъ, какъ истинныхъ, такъ и нареченныхъ: старшій Бодростинъ умеръ; супруги Гордановы, фамилію которыхъ носилъ Павель Николаевичъ, также переселились въ вѣчность, и герой нашъ, предъ отправленіемъ своимъ въ университетъ, получилъ изъ рукъ Михаила Андреевича Бодростина копію съ протокола дворянскаго собранія объ утвержденіи его, Павла Николаевича Горданова, въ дворянствѣ и документъ на принадлежность ему деревни въ восемьдесятъ душъ, завѣщанной ему усопшимъ Петромъ Бодростинымъ. Все остальное большое состояніе бездѣтнаго стараго Бодростина перешло къ его вдовѣ и брату, нѣмшнему мужу Глафиры Васильевны Бодростиной, урожденной Агатовой.

Павель Гордановъ былъ отъ природы уменъ и спосо-

бень; учился онъ хорошо; пужды никогда не зналъ и не боялся ея: онъ всегда былъ увѣренъ, что бѣдность есть удѣлъ людей глуныхъ. Унижаемъ онъ никогда не былъ, потому что всегда онъ былъ одѣтъ и обутъ хорошо; постоянно имѣлъ у себя карманные деньги, считался дворяниномъ и умѣлъ не позволять наступать себѣ на ногу. Въ жизни его было только одно лишеніе: Гордановъ не зналъ родныхъ ласкъ и не видалъ, какъ цвѣтутъ его родныя липы, но онъ объ этомъ и не заботился: онъ съ отроческой своей поры былъ всегда занятъ самыми серьезными мыслями, при которыхъ пѣкшія чувства не получали мѣста. Гордановъ рано дошелъ до убѣжденія, что все эти чувства—роскошь, гиль, путы, безъ которыхъ гораздо легче жить на бѣломъ свѣтѣ, и онъ жилъ безъ нихъ. Базаровцы ему приходились не по обычаю: мы выше сказали, что базаровцы казались ему непрактичными, но сила вещей брала свое, надо было примыкать къ этой силѣ, и Гордановъ числился въ студенческой партіи, которую руководилъ бурнопламенный, суетливый и суетный Висленевъ. Сначала Гордановъ держался этой партіи единственно только для мундира и положенія, и потому, когда на Висленева и его ближайшихъ сотоварищей рухнула туча, удивившая всѣхъ тѣмъ, что изъ нея вышелъ очень маленькій громъ, Гордановъ остался здоровъ и невредимъ. Его ничто не задѣло, и онъ во время отсутствія разслабленныхъ верховодовъ даже подвинулся немножечко впередъ, получилъ нѣкоторый вѣсъ и значеніе. Наступившая пора *entre chien et loup* показала Павлу Николаевичу, что изъ бреда, которымъ были полны предъ тѣмъ временемъ отуманенныя головы, можно при самой небольшой ловкости извлекать для себя громадную пользу. Надо было только стать на виду и, если можно, даже явиться во главѣ движенія, но, конечно, такого движенія, которое бы принесло выгоды, а не сировадію вослѣдъ неосторожнаго Висленева и его товарищей. Павелъ Николаевичъ быстро воспользовался положеніемъ. Видя въ кружкѣ «своихъ» амуриныхъ зангряванья съ поляками, онъ провозгласилъ іезуитизмъ. «Свои» сначала отъ этого ослѣбли, но Гордановъ краснорѣчиво представлялъ имъ картины неудачъ въ прошломъ,—неудачъ, прямо происшедшихъ отъ грубости базаровской системы, неизбежныхъ и впередъ при сохраненіи старой, такъ-называемой шигилистической системы отношеній къ

обществу, и указалъ на несомнѣнныя преимущества борьбы съ міромъ хитростію и лукавствомъ. Въ средѣ слушателей нашлись нѣсколько человѣкъ, которые на первый разъ немножко смутились этимъ повѣствованіемъ, но Гордановъ налегъ на естественныя науки; указалъ на то, что и заяцъ примѣняется къ средѣ—зимой бѣлѣетъ и лѣтомъ темнѣетъ, а насѣкомыя часто совсѣмъ не отличаются цвѣтомъ отъ предметовъ, среди которыхъ живутъ, и этого было довольно: гордановскіе принципы сначала сдѣлались предметомъ осужденія и потомъ быстро стали проникать въ плоть и кровь его поклонниковъ.

Къ этому времени гордановской жизни относится приобрѣтеніе имъ себѣ расположенія Глафиры Агатовой, чему онъ не придавалъ большой цѣны, и потомъ потеря ея, съ чѣмъ онъ едва справился, надѣлавъ предварительно нѣсколько глупостей, не отвѣчавшихъ ни его намѣреніямъ, ни его планамъ, ни тѣмъ принципамъ, которые онъ вырабатывалъ для себя и внушалъ другимъ.

Безъ ошибокъ было нельзя, и пригонка плывшіяго спокойнаго, просторнаго и теплаго мундира Горданову обошлась ему не безъ хлопотъ: надо было выбираться изъ хаоса страшно переплетенныхъ и перепутанныхъ понятій, уставовъ и преданій, въ которыхъ не было ничего стройнаго и безъ которыхъ нельзя было вывести никакого плана и никакой системы для дальнѣйшихъ дѣйствій. Павлу Николаевичу не трудно было доказать, что ингилизмъ сталь смѣшонъ, что грубостію и сорванчествомъ ничего не возьмешь; что похвальба силой остается лишь похвалбой, а на дѣлѣ бѣдные поваторы, кромѣ нужды и страданій, не видятъ ничего, между тѣмъ какъ сила, очевидно, слагается въ другихъ рукахъ. Это уже давно чувствовали и другіе, но только они не были такъ рѣшительны и не смѣли сказать того, что сказала имъ Гордановъ; но зато же Павелъ Николаевичъ нашелъ себѣ готовую большую поддержку. Всѣ, желавшіе снять съ себя власяницу и вериги ингилизма, были за Горданова, и съ ихъ поддержкой Павелъ Николаевичъ доказалъ, что поведеніе отжившихъ свой вѣкъ ингилистовъ не годится никуда и ведетъ къ гибели. Когда Гордановъ представилъ все это въ надлежащемъ положеніи, всѣ поняли, что это дѣйствительно такъ, и что потому, стало-быть, нужно сдѣлать сводъ всему накопившемуся хламу

полурѣчій и недомолвокъ и рѣшить, чѣмъ впередъ руководствоваться.

Кому же было заняться этимъ сводомъ, какъ не Горданову? Онъ за это и взялся, и въ длинной рѣчи отмѣнилъ грубый нигилизмъ, заявленный нѣкогда Базаровымъ въ его неуклюжемъ сакѣ, а вмѣсто его провозгласилъ *нигилизмъ* — гордановское ученіе, въ сути котораго было понятно пока одно, что *нигилистамъ* дозволяется жить со всѣми на другую погу, чѣмъ жили нигилисты. Дружнымъ хоромъ кружокъ рѣшилъ, что Гордановъ великъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Враги г. Горданова.

Но какъ всякое величіе должно имѣть недоброжелателей и враговъ, то не обошлось безъ нихъ и у Павла Николаевича.

Гордановъ въ своей законодательной дѣятельности встрѣчалъ не мало неприятныхъ противорѣчій со стороны нѣкоторыхъ тяжелыхъ людей, недовольныхъ его новшествами и составившихъ старовѣрческую партію посреди новыхъ людей. Во главѣ этихъ безпокойныхъ старовѣровъ болѣе всѣхъ надобѣдала Горданову приземистая молоденькая дѣвушка, Анна Александровна Скокова, особа ограниченная, тупая, рыжая и до того скорая, что въ устахъ ея изъ всего ея имени, отечества и фамиліи, когда она ихъ произносила, по скорости, выходило только *Ванскокъ*, отчего ее, въ видахъ сокращенія переписки, никогда ея собственнымъ именемъ и не звали, а величали ее въ глаза Ванскокомъ, а за глаза или «Трамбовкой» или «Помадною банкой», съ которыми она имѣла нѣкоторое сходство по наружному виду и крѣпкому сложенію.

Старовѣрка Ванскокъ держалась древняго нигилистическаго благочестія; хотѣла, чтобы общество было прежде уничтожено, а потомъ обобрано, между тѣмъ какъ Гордановъ проповѣдывалъ планъ совершенно противоположный, то-есть, чтобы прежде всего обобратъ общество, а потомъ его уничтожить.

— Въ чемъ же преимущество его ученія? — добивалась Ванскокъ.

— Въ томъ, что его игра безиронгрия; въ томъ, что при его системѣ можно выигрывать при всякомъ располо-

женіи картъ, — внушали Ванскокъ люди, перемигнувшіеся съ Гордановымъ и поддерживавшіе его съ благодарностью за то, что онъ указалъ имъ удобный лазъ въ сторону отъ опостылѣвшихъ имъ бредней.

— Въ такомъ случаѣ это наше новое ученіе будетъ сознательная подлость, а я не хочу имѣть ничего общаго съ подлецами, — сообразила и отвѣтила прямая Ванскокъ.

Она въ эти минуты представляла собою того пригноминаемаго моаьеровскаго мѣщанипа, который не зналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой.

Чтобы покончить съ этой особой и съ другими немногими щекотливыми лицами, стоявшими за старую вѣру, имъ объявили, что новая теорія есть «дарвинизмъ». Этимъ фортелемъ щекотливость была успокоена и старой вѣрѣ нанесенъ окончателный ударъ. Ванскокъ смирилась и примкнула къ хитрымъ нововѣрамъ, но она примкнула къ нимъ только вишнюю стороной, въ глубинѣ же души она чтитъ и любитъ людей стараго порядка, гражданскихъ мучениковъ и страдальцевъ, для которыхъ она готова была срѣзать мясо съ костей своихъ, если бы только это мясо имъ на что-нибудь пригодилось. Такихъ страдальцевъ въ эту пору было очень много, всѣ они были не устроены и всѣ они тяжело нуждались во всякой помощи, — они первые были признаны за гиль, и о нихъ никто не заботился. По новымъ гордановскимъ правиламъ, не слѣдовало дѣлать никакихъ непронзводительныхъ затратъ, и расходы на людей, когда-нибудь компрометированныхъ, были объявлены расходами непронзводительными. Обицельность интересовъ рунилась, всякому предоставлялось вредить обществу по-своему.

Ванскокъ это возмутило до бѣшенства. Она потребовала обстоятельнѣйшихъ объясненій, въ чемъ же заключается «дарвинизмъ» новаго рода?

— Глотай другихъ, чтобы тебя не проглотили, — отвѣчали ей коротко и небрежно.

Но отъ Ванскокъ не такъ легко было отвязаться.

— Это теорія, — сказала она: — но въ чемъ же экспериментальная часть дѣла?

— Въ борьбѣ за существованіе, — было ей тоже короткимъ отвѣтомъ.

— Но позвольте: прежде я вѣрила въ естественныя пауки, теперь во что же я буду вѣрить?

— Не вѣрьте ни во что; все, во что вы вѣрили,—гиль, не будьте никакой гилисткой.

— Но какъ приучить себя въ этому?—мутилась несчастная Ванскокъ.—Я прежде работала надъ Боклемъ, демонстрировала надъ лягушкой, а теперь... я ничего другого не умѣю: дайте же мнѣ надъ кѣмъ работать, дайте мнѣ надъ чѣмъ демонстрировать.

Ей велѣли работать надъ своими нервами, упражнять ихъ «силу».

— Какъ?

Ей дали въ руки кошку и велѣли задунуть ее рукой.

Ванскокъ ви на минуту не подумала, что это шутка: она серьезно взяла кошку за горло, но не совладѣла ни съ нею, ни съ собою: кошка ее оцарапала и уѣжала.

— Изъ этого вы видите,—сказали ей:—что эксперименты съ кошкой гораздо труднѣе экспериментовъ съ лягушкой.

Ванскокъ должна была этому повѣрить. Но сколько она ни работала надъ своими нервами, результаты выходили слабые, между тѣмъ какъ одна ея знакомая, дочь полковника Фигурина, по имени Алина (нынѣшняя жена Юсафа Висленева), при ней же, играя на фортепиано, встала, свернула голову попугаю и, выбросивъ его за окно, снова спокойно сѣла и продолжала доигрывать пьесу.

Эта «сила нервовъ» поражала и занимала скорбную головой дѣвицу, и она проводила время въ упражненіяхъ надъ своею нервною системою, не замѣчая, что дѣлали въ это время другіе, слѣдуя гордановской теоріи; и вдругъ предъ ней открылась ужасная картина неслыханнѣйшихъ злодѣяній.

Во-первыхъ, всѣ члены кружка мужского пола устремились на службу; самъ Гордановъ пошелъ служить въ ополченннй край и... гордановцы все это оправдали всѣмъ своимъ сонмомъ.

— Это ловко,—сказали онц, и болѣе ничего.

Мелкій газетный сотрудникъ, Тихонъ Ларионовичъ Кишенскій, пошелъ въ полицейскую службу.

— Это очень ловко,—говорили гордановцы:—онц можетъ быть полезенъ своимъ.

Кишенскій открылъ кассу ссудъ.

— Это чрезвычайно умно,—говорили тѣ же люди:—пусть

опъ выбиратьъ деньги у подлецовъ и выручитьъ при случаѣ своихъ.

Книженскій пошелъ строчить въ трехъ разныхъ газетахъ, трехъ противоположныхъ направленій, изъ коихъ два, по мнѣнію Ванскокъ, были безусловно «подлы». Онъ сталъ богатъ; въ годъ его уже нельзя было узнать, и онъ не помогъ никому ни своею полицейскою службой, ни изъ своей кассы ссудъ, а въ печати, если кому и помогаль одною рукой, то другой зато еще злѣе вредилъ, но съ нимъ никто не прерываль никакихъ связей.

— Онъ подлець!—вопіяла Ванскокъ.

— Ничуть не бывало,—отвѣчали ей:—онъ только борется за существованіе.

Далье... далье, жиду Тинкѣ Книженскому стали кланяться; Ванскокъ попала въ шутихи; надъ ней почти издѣвались въ глаза.

Далье... Далье страхи!

Коварная красавица Глафира Васильевна Агатова предательски измѣнила принципну безбрачія и вышла замужъ церковнымъ бракомъ за пріѣзжаго богатаго помѣщика Бодростина, котораго ей поручалось только не болѣе какъ обобратъ, то-есть стянуть съ него хорошій кушъ «на общее дѣло». Глафира обманула всѣхъ и завершила дѣло ужасное: она поставила свою красоту на большую карту и вышла замужъ. Ей за это жестоко мстили всѣ и особенно не очень красивая и никогда не надѣявшаяся найти себѣ мужа Алина Фигурина и Ванскокъ, защищенныя самой природой отъ парушенія обѣтовъ вѣчнаго дѣвства.

Онѣ выдали Михаилу Андреевичу Бодростину тайну отношеній Горданова къ Глафирѣ и, какъ мы видѣли изъ словъ этой дамы, навсегда испортили ея семейное положеніе.

Съ Бодростинной строго взыскано, и это прекрасно, по зато, что же за ужасный случай былъ черезъ годъ!

Нѣкто изъ правовѣрныхъ, Казимира Швернотская, тоже красавица, какъ и Бодростина, никого не спросясь, вышла замужъ за богатаго князя Вахтерминскаго, и что же? Всѣ съ неслыханною дерзостью начали ее поддерживать, что она хорошо сдѣлала. Это говорили и Пасіянсова, и Бурдымовская, и Ципри-Кипри, и другія. Ципри-Кипри, маленькая барышня съ картофельнымъ посомъ, даже до того за-

былась, что начала проводить преступную мысль, будто бы женщиной, живущей съ мужчиной, должно быть какое-нибудь названіе, а названіе-де ей одно—«жена», и потому бракъ пушко дозволить, и проч., и проч. Возмутительное вольномысліе это имѣло ужасныя послѣдствія: такъ, красивая армянка Пасіянсова, наслушавшись такихъ сужденій, ни съ того, ни съ сего вдругъ приходитъ разъ и объявляеть, что она вышла замужъ.

— Какъ, что, за кого?—удивились всѣ хоромъ.

— Мой мужъ путеецъ, Парчевскій,—отвѣчала Пасіянсова.

— Парчевскій! Путеецъ!.. Ну, молодчина вы, Пасіянсова!—воскликнули всѣ снова хоромъ.

Одна Ванскокъ, разумѣется, не похвалила бывшую Пасіянсову и замѣтила ей, что Парчевскій былъ всегда противъ брака.

— Мало ли противъ чего они бываютъ!—небрежно отвѣчала ей бывшая Пасіянсова.—А на что же даны мужчинамъ кровь, а женщинамъ умъ? Товаръ полюбится и умъ разступится!

— Такъ это вы его заставили измѣнить принциппу?

— Конечно, я. Неужто я и такого вздора не стѣю?

— И вы это безъ стыда такъ прямо говорите!

— Да, вотъ такъ прямо и говорю.

— Я на васъ соберу сходку!

Ванскокъ только расхохотался въ глаза.

Наконецъ дошло до того, что сама Алина Фигурина, недавно яростно мстившая Бодростиной за ея замужество пересылкой ея мужу писемъ Глафиры къ Горданову, уже относилась къ браку Пасіянсовой съ возмущавшимъ Ванскокъ равнодушіемъ. Это былъ просто омутъ, ражъ, умопомраченіе. Даже бѣлокурая, голубоглазая Геба комунъ, Данка Бурдымовская, тоже объявилась замужемъ, и все это опять неожиданно, и все это опять печально, негаданно и недуманно.

Опять тѣ же вопросы: какъ, что и за кого? И на все это спокойный рассказъ, что Данка нашла себѣ избранника гдѣ-то совсѣмъ на сторонѣ, какого-то Степана Александровича Головцына, котораго встрѣтила разъ у литератора-ростовщика Тихона Ларіоновича, прошлась съ нимъ до своей квартиры, другой разъ зашла къ нему, увидала.

что онъ тученъ и изобиленъ, и хотя не литераторъ, а просто ростовщикъ, однако гораздо болѣе положительный и солидный, чѣмъ Тихонъ Ларионовичъ, и Данка обвинялась, никѣмъ незримая, законнымъ бракомъ съ Головцынымъ, котораго плѣнила своими бѣлыми плечами и умѣньемъ дѣлать фрикадельки изъ вчерашняго мяса.

— По крайней мѣрѣ одно хотя, — сказала Ванскокъ. Данкѣ:—надѣюсь же по крайней мѣрѣ, что вы, Данка, трихнете мою свою ростовщика и поможете теперь своимъ.

— Эхъ, милый другъ,—отвѣтила Данка, едва удостоивая Ванскокъ мимолетнаго взгляда:—Головцынъ такой кремешокъ, что изъ него ничего не выкуешь.

При всей непроницаемости Ванскокъ, она хорошо видѣла, что всѣ эти госпожи врутъ и вилуютъ, и Ванскокъ отвернулась отъ нихъ и плакала о нихъ, много, горько плакала о своемъ погибшемъ Иерусалимѣ, а между тѣмъ эпидемія повоженства все свирѣпѣла; скоро, казалось, не останется во вѣббрачномъ состояннн никого изъ неприемлющихъ браковъ. Цири-Кипри съ ея картофельнымъ носомъ, и та уловила въ свои сѣти какого-то содержателя одного изъ увеселительныхъ лѣтнихъ садовъ и сидѣла сама у васисдаса и продавала билеты. Объ этой даже ужъ и вѣсти не приходило, какъ она вышла замужъ, а Ванскокъ только случайно замѣтила ее въ васисдасѣ и, подскокивъ, сприсила:

— Сколько вы здѣсь получаете, Цири-Кипри, я не можете ли устроить сюда еще кого-нибудь изъ нашихъ старинныхъ?..

Но Цири-Кипри не дала ей окончить и проговорила:

— Я здѣсь, душка, не по найму, я тутъ замужемъ.

Ванскокъ плюнула и убѣжала.

Негодование Ванскокъ росло не по днямъ, а по часамъ, и было отъ чего: она узнала, къ какимъ кокнуственнымъ мѣрамъ прибѣгаютъ нѣкоторые лицемѣрки, чтобы наверстать упущенное время и выйти замужъ.

Казимира Швернотская, какъ оказалось, за поясъ заткнула Глафиру Агатову и отлила такую штуку, что всѣ разоули рты. Двадцатилѣтній князегъ Вахтерминскій, бѣлый, пухлый юноша, ненавидѣлъ бракъ, двадцатипятилѣтняя Казимира тоже, на этомъ они и сошлись. Непризнающей

блага Казимирѣ вдругъ стала угрожать *родительская власть*, и потому, когда Казимира сказала: «князь, сдѣлайте дружбу, женитесь на мнѣ и дайте мнѣ свободу», князь не задумался ни на одну минуту, а Казимира Шверинская сдѣлалась княгиней Казимирой Антоновной Вахтерминской, что уже само по себѣ нѣчто значило, но если къ этому прибавить красоту, умъ, расчетливость, безстыдство, ловкость и наглость, съ которою Казимира на первыхъ же порахъ сумѣла истребовать съ князя обязательство на значительное годовое содержаніе и вексель во сто тысячъ, «за то, чтобы жить, не мара я его имени», то, конечно, надо сказать, что княгиня устроилась недурно.

Литераторъ и ростовникъ Тихонъ Ларионовичъ, знавшій толкъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, только языкомъ пошмокалъ, узнавъ, какъ учредила себя Казимира.

— Послѣ Бодростиной это положительно второй смѣлый ударъ, нанесенный обществу нашими женщинами, — объявить онъ дамамъ и добавилъ, что, соображая обѣ эти *работы*, онъ все-таки видитъ, что искусство Бодростиной выше, потому что она вела игру съ многоопытнымъ старцемъ, тогда какъ Казимира свершила все съ молокососомъ; но что, конечно, здѣсь въ меньшемъ планѣ больше смѣлости, а главное больше силы въ натурѣ: Бодростина живая, страстная женщина, любившая Горданова сердцемъ горячимъ и истовымъ, не стерпѣла и склонилась къ нему снова, и на немъ потеряла почти взятую ставку. Княгиня же Казимира Вахтерминская, обезпечась какъ слѣдуетъ пасчетъ русскаго князя, сплыла въ Варшаву, а оттуда въ Парижъ, гдѣ, кажется, довольно плохо сдерживаетъ свое обязательство не мара я русское княжеское имя. По крайней мѣрѣ такъ были увѣрены всѣ служащіе въ конторѣ банкира R*, откуда княгиня получала содержаніе, опредѣленное ей отъ князя.

И все это оправдывалось, и всему этому слѣдовали съ завистью, съ алчбой, лишь бы только удалось... Но такіе фокусы нельзя часто повторять, и въ этомъ ихъ неудобство. Требуются постоянныя усовершенствованія, а изобрѣтательныя головы рождаются не часто, и вотъ дѣло опять очутилось въ заминкѣ: браки попритихли.

Веселка Ванскоя радовалась и съ язвительною доброжелательностью говорила, что необходимо, чтобы опять

явился пазадъ Гордановъ, а онъ вдругъ, какъ по ея слову, и явился удивить собою Петербургъ, или самъ ему удивиться.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Свой своего не узналъ.

Возвратясь въ Петербургъ послѣ трехлѣтняго отсутствія, Гордановъ былъ увѣренъ, что здѣсь въ это время весь хаосъ понятій уже просѣлъ и поулегся,—такъ онъ судилъ по разговорамъ пріѣзжихъ и по тону печати, но стройность, ясность и порядокъ, которые онъ засталъ здѣсь на самомъ дѣлѣ, превзошли его ожиданія и поразили его. Никакой прежней раскольничьей нетерпимости и тѣни не было. Ученики въ три года ушли много дальше своего учителя и представляли силу, которой ужаснулся самъ Гордановъ. Какіе люди! какіе пріемы! просто заглядѣнье! Вотъ одинъ уже замѣтное лицо на государственной службѣ; другой—капиталистъ; третій—извѣстный благотворитель, живущій прииѣваючи насчетъ филантропическихъ обществъ; четвертый—спиритъ и сообщаетъ депеши изъ-за могилы отъ Данта и Шюэ; пятый—концессіонеръ, наживающійся на казенный счетъ; шестой—адвокатъ и блистательно говоритъ въ защиту правъ мужа, насильно требующаго къ себѣ свою жену; седьмой литераторствуетъ и одною рукою пишетъ напегирики власти, а другою—порицаетъ ее. Все это могло поразить даже Горданова, и поразило. Ясно, что его обогнали, и что ему, чтобы не оставаться за флагомъ, надо было сдѣлать прыжокъ черезъ всѣ головы. Онъ и не сбѣлъ, потому что онъ тоже пріѣхалъ не съ простыми руками и съ пустою головою: у него въ заповѣдной сумкѣ было спрятано мурзаметское копые, отъ котораго сразу должна была лечь костью вся несмѣтная рать и сила великая. Богатырю нашему только нужно было къ тому коню доброе древко, и онъ немедленно же пустился поискать его себѣ въ давно знакомомъ чернолѣскѣ.

Павель Николаевичъ вытребовалъ Ванскокъ, привѣтилъ ее, далъ ей двадцать пять рублей на бѣдныхъ ея старовѣрческаго прихода (которымъ она благотворила втайнѣ) и узналъ отъ нея, что литераторствующій ростовщикъ Тихонъ Кишенскій развернулъ будто бы огромныя денежныя дѣла. Павель Николаевичъ въ этомъ немножко поусомнился.

— На большія дѣла, голубка Ванскокъ, нужны и не малыя деньги,—замѣтилъ онъ своей гостьѣ, пѣжась предъ нею на диванѣ.

— А развѣ же у него ихъ не было?—прозвенѣла въ отвѣтъ Ванскокъ.

— Были? Вы «бѣдная пастушка, вашъ мѣръ лишь этотъ дугъ» и вамъ простительно не знать, что такое пыщче называется порядочныя деньги. Вы вѣдь, небось, думаете, что «порядочныя деньги» это значить сто рублей, а тысяча такъ ужъ это на вашъ взглядъ несмѣтная казна.

— Не беспокойтесь, я очень хорошо знаю, что значить несмѣтная казна.

— Ну, что же это такое, напримѣръ, по-вашему?

— По-моему, это, напримѣръ, тысячь двѣсти или триста.

— Ага! браво, браво, Ванскокъ! Хорошо, вы, я вижу, напрактиковались и кое-что постигаете.

Помадная банка сдѣлала ироническую гримаску и отвѣтила:

— Ужа-а-сно! есть что постигать!

— Итъ, право, наострилась дѣвушка хоть куда; теперь васъ можно даже и замужь выдавать.

— Миѣ эти шутки противны.

— Ну, хорошо, оставимъ эти шутки и возвратимся къ нашему Кишенскому.

— Онъ больше вашъ, чѣмъ мой, подлый жидъ, котораго я ненавижу.

— Ну, все равно, но дѣло въ томъ, что вѣдь ему согно тысячь пегдѣ было взять, чтобы развертывать большія дѣла. Это вы, дитя мое, легкомысленностью увлекаетесь.

— Отчего это?

Оттого, что я оставилъ его два года тому назадъ съ кассой сеудъ въ полтораста рублей, изъ которыхъ онъ давалъ по три цѣлковыхъ Висленеву подъ пальто, да давалъ подъ ваши схимонашескія ряски.

— Ну, и что же такое?

— Да вотъ только и всего, проткуда ему было, значить, такъ разбогатѣть. Я согласенъ, что съ тѣхъ поръ онъ могъ удесятерить свой капиталъ, но усотерить...

— А онъ его утысячилъ!...

Гордановъ посмотрѣлъ снисходительно на собесѣдницу и, улыбаясь, проговорилъ:

— Не говорите, Ванскокъ, такого вздора.

— Это не вздоръ-съ, а истина.

— Что жъ это, стало-быть, у него, по-вашему, теперь до полутораста тысячъ?

— Если не больше, — спокойно отвѣтила Ванскокъ.

— Вы сходите съ ума, — проговорилъ тихо Гордановъ, снова потягиваясь на диванѣ. — Я вамъ еще готовъ дать пятьдесятъ рублей на вашу богадѣльню, если вы мнѣ докажете, что у Кишенскаго былъ источникъ, изъ котораго онъ хватилъ капиталъ, на который бы могъ такъ развернуться.

— Давайте пятьдесятъ рублей.

— Скажите, тогда и дамъ.

— Нѣтъ, вы обманете.

— Говорю вамъ, что не обману.

— Такъ давайте.

— Нѣтъ, вы прежде скажите, откуда Типика взять большой капиталъ?

— Фигурина дала.

— Кто-о-о?

— Фигурина, Алина Фигурина, дочь полицейскаго полковника, который тогда, помните, арестовалъ Висленева.

Гордановъ наморщилъ брови и съ напряженнымъ вниманіемъ продолжалъ допрашивать:

— Что же эта Алина—вдова или дѣвушка?

— Да, она не замужемъ.

— Сирота, стало-быть, и получила наслѣдство?

— Ничуть не бывало.

— Такъ откуда же у нея деньги? Двѣсти тысячъ, что ли, она выиграла?

— Отецъ ея наградилъ себя денегъ.

— Да вѣдь то отецъ, а она-то что же такое?

— Она украла ихъ у отца.

— Украла?

— Что, это васъ удивляетъ? Ну, да, она украла.

— Что жъ она, воровка, что ли?

— Значь воровка, она до сихъ поръ честная женщина: отецъ ея былъ взяточникъ и, награбивши сто тысячъ, хотѣлъ все отдать сыну, а Алинѣ назначилъ въ приданое пять тысячъ.

— А она украла все?

— Не все, а она раздѣлила честно: взяла себѣ половину.

— Пятьдесятъ тысячъ?

— Да; а другую такую же половину оставила брату просвистывать съ француженками у Борелей, да у Дононовыхъ, и, конечно, сдѣлала это очень глупо.

— Вы бы ничего не оставили?

— Разумѣется, у ея брата есть усы и шпоры, онъ можетъ звякнуть шпорами и жениться.

— А отецъ?

— У отца пенсіонъ, да ему пора ужъ и вздохнуть; тогда пенсіонъ достанется Алинкѣ, но она робка...

— Да... она робка? Гм!.. вотъ какъ вы плыче рѣжете: она робка!.. то-есть нехорошо ему чай наливаетъ, что ли?

— Понимайте, какъ знаете.

— Ого-го, да вы взаправду здѣсь какія-то отчаянныя стали.

— Когда пропали деньги, виновныхъ не оказалось,—продолжала Ванскокъ послѣ маленькой паузы.

— Да?

— Да; люди, прислуга ихъ, сидѣли болѣе года въ острогѣ, но всѣ выпущены, а виновныхъ все-таки нѣтъ.

— Да вѣдь виновная жъ сама Алинка!

— Ну, старалась, конечно, не дать подозрѣнія.

— Какое тутъ, чертъ, подозрѣніе, ужъ не вы одни объ этомъ знаете! А что же ея отецъ и братъ, отчего же имъ это въ носы не шибнуло?

— Можетъ-быть и шибнуло, но на нихъ узда есть—семейная честь. Ихъ дорогой братецъ вѣдь въ первостепенномъ полку служитъ, и нехорошо же для нихъ, если сестрицу за воровство на Мытной площади къ черному столбу привяжутъ; да и что пользы ее преслѣдовать, денегъ вѣдь ужъ все равно назадъ не получить, деньги у Кишенскаго.

— У Кишенскаго!.. Всѣ пятьдесятъ тысячъ у Кишенскаго!—воскликнулъ Гордановъ, раскрывъ глаза такъ, какъ будто онъ проглотилъ ложку сѣрной кислоты и у него отъ нея внутри все загорѣлось.

— Ну, да, не класть же ей было ихъ въ банкъ, чтобы ее поймали, и не играть самой бумагами, чтобы тоже огласилось. Кишенскій ей разрабатываетъ ея деньги—они въ компаніи.

— А-а, въ компаніи, — прошипѣлъ Гордановъ. — По почему же она такъ ему вѣрить? Вѣдь онъ ее можетъ пануть какъ дуру.

— Спросите ее, почему она ему вѣрить? Я этого не знаю.

— Любва, что ли, запла?

— Даже щепокъ есть.

— Она замужъ за него, можетъ-быть, собиратся?

— Онъ женатъ.

Гордановъ задумался и черезъ минуту произнесъ нараспѣвъ:

— Такъ вотъ вы какіе стали, голубчики! А вы, моя умница, знаете ли, что подобныя дѣла-то очень удобно всплываютъ на воду по одной молвѣ?

— Конечно, знаю, только что же значитъ бездоказательная молва, когда старикъ признаетъ сумасшедшимъ, и все его показаніе о пропажѣ пятидесяти тысячъ принимается, какъ бредъ сумасшедшаго.

— Бредъ сумасшедшаго! Опъ сумасшедшій?

— Да-а-съ, сумасшедшій, а вы что же меня допрашиваете? Мы вѣдь здѣсь съ вами двое съ-глаза-на-глазъ, безъ свидѣтелей, такъ вы немного съ меня возьмете, если я вамъ скажу, что я этому не вѣрю, и что вѣрить здѣсь почему, потому что пятьдесятъ тысячъ были, онѣ дѣйствительно украдены, и онѣ въ рукахъ Кишенскаго, и изъ нихъ уже вышло не пятьдесятъ тысячъ, а сто пятьдесятъ, и что жо вы, наконецъ, изъ всего этого возьмете?

— Но вы сами можете отсюда что-нибудь взять, любезная Ванскокъ! Вы можете взять, понимаете? Можете взять благородно, и не для себя, а для бѣдныхъ вашего прихода, которымъ нечего лопать!

— Благодарю васъ покорно за добрый совѣтъ; я пока еще не доносчица, — отвѣчала Ванскокъ.

— Но вѣдь васъ же безсовѣстно эксплуатируютъ: себѣ все, а вамъ ничего.

— Что жъ, въ жизни каждый воруетъ для себя. Борьба за существованіе!

— Инъ ты, какаѣ она стала! А вы знаете, что вы могли бы облагодѣтельствовать сотни преданныхъ вамъ людей, а такая цѣль, я думаю, оправдываетъ всякія средства.

— Ну, Гордановъ, вы меня не падете.

— Я васъ не падаю!.. да, конечно, не падаю, потому что вы не волынка, чтобы васъ падувать, а я...

— А вы хотѣли бы заиграть на мнѣ, какъ на волынкѣ?—
Итъ, прошло то время, теперь мы сами съ усами, и я знаю, чего вамъ отъ меня надобно.

— Чего вы знаете? ничего вы не знаете, и я хочу перевести силу изъ чужихъ рукъ въ ваши.

— Да, да, да, рассказывайте, разводите мнѣ аптимонию-то! Вы хотите сорвать куртажъ!

— *Куртажъ!*.. Скажите, пожалуйста, какія она слова узнала!.. Вы меня удивляете, Ванскокъ, это все было всегда чуждо вашимъ чистымъ понятиямъ.

— Да, подобны вамъ добрые люди перевоспитали, полно и мнѣ быть душой, и я поняла, что, съ волками живучи, надо и быть по-волчьи.

— Такъ войте-жъ! Войте, если вы это понимаете!—ска- залъ ей Гордановъ, крѣпко стиснувъ Ванскокъ за руку по- выше кисти.

— Что вы это, съ ума, что ли, сошли?—спокойно спро- сила его, не возвышая голоса, Ванскокъ.

— Живучи съ волками, войте по-волчьи и не пропу- скайте то, что плыветъ въ руки. Чтò вамъ далось это глу- пое слово «доносъ»! всѣ средства хороши, когда они ве- дутъ къ цѣли. Волки не церемонятся, рѣжутъ ихъ, душатъ ихъ, коверкаютъ ихъ, подлоцовъ, воровъ, разбойниковъ и душогубовъ!

— И потомъ?

— И потомъ... чего вы хотите потомъ? Говорите, гово- рите, чего вы хотите?.. Или, постойте, вы глумитесь до- носомъ, ну, не надо доноса...

— Я думаю, что не надо, потому что я ничего не могу доказать и не хочу себѣ за это бѣды.

— Бѣды, положимъ, не могло быть никакой, потому что доносъ можно было сдѣлать безымянный.

— Ну, сдѣлайте.

— Но, я говорю, не надо доноса, а возьмите съ нихъ отсталого, съ Книпенскаго и Фигуриной.

— Покорно васъ благодарю!

— Вы подождите благодарить! Мы съ вами станемъ дѣй- ствовать заодно, я буду вамъ большой помощникъ, не- подозрѣваемый и незримый.

У Горданова зазвенѣло въ ухахъ и въ головѣ заронилъ хаосъ мыслей.

Ванскокъ замѣтила, что собесѣдникъ ея весь покраснѣлъ и даже пошатнулся.

— Ну, и что далѣе?—спросила она.

— Далѣе,—отвѣчала Гордановъ, весь находясь въ какомъ-то туманѣ:—далѣе... мы будемъ сила, и поведу вамъ ваши дѣла не такъ, какъ Кишенскій ведетъ дѣла Фигурной...

— Вы все заберете себѣ?

— Нѣтъ, клянусь вамъ Богомъ... клинусь вамъ... не знаю, чѣмъ вамъ клясться.

— Намъ нечѣмъ клясться.

— Да, это прескверно, что намъ нечѣмъ клясться, но я васъ не обману, я вамъ дамъ за себя двойныя, тройныя обязательства, наконецъ... чортъ меня возьми, если вы хотите, я женюсь на васъ... А! Что вы? Я это взаправду... Хотите, я женюсь на васъ, Ванскокъ? Хотите?

— Нѣтъ, не хочу.

— Почему? Почему вы этого не хотите?

— Я не люблю ребятишекъ.

— У насъ не будетъ, Ванскокъ, никакихъ ребятишекъ, рѣшительно никакихъ не будетъ, я вамъ даю слово, что у насъ не будетъ ребятишекъ. Хотите, я вамъ дамъ это на бумагѣ?

— Гордановъ, я вамъ говорю, вы сошли съ ума.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сошелъ съ ума, а я берусь за умъ и васъ павожу на умъ,—заговорилъ Гордановъ, чувствуя, что вокругъ него все завертѣлось и съ головы его нахлестываютъ шумящія волны какого-то хаоса.—Нѣтъ; у васъ будетъ пятьдесятъ тысячъ, они вамъ дадутъ пятьдесятъ тысячъ, охотно дадутъ, и ребятишекъ не будетъ... и я женюсь на васъ... и дамъ вамъ на бумагѣ... и буду васъ любить... любить...

И онъ, говоря это слово, неожиданно привлекъ къ себѣ Ванскокъ въ объятія и въ то же мгновеніе... шатаясь, отлетѣлъ отъ нея на три шага въ сторону, упалъ въ кресло и тяжело облокотился обѣими руками на столъ.

Ванскокъ стояла посреди комнаты на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее обнялъ Гордановъ; маленькая, коренастая фигура Помадной банки такъ прикипѣла къ полу всѣмъ своимъ

дномъ, лицо ея было покрыто яркою краской негодованія, вывороченныя губы широко раскрылись, глаза пылали гнѣвомъ и искрились, а руки, вытянувшіеся судорожно, замерли въ томъ напряженіи, которымъ она отбросила отъ себя Павла Николаевича.

Гордановымъ овладѣло какое-то истерическое безуміе, въ которомъ онъ самъ себя не могъ дать отчета и изъ котораго онъ прямо перешелъ въ безконечную немощь разслабленія. Прелести Ванскокъ здѣсь, разумѣется, были ни при чемъ, и Гордановъ самъ не понималъ, на чемъ именно онъ тутъ вскипѣлъ и сорвался, но онъ былъ внѣ себя и сидѣлъ, тяжело дыша и сжимая руками виски до физической боли, чтобы отрезвиться и ошамановаться подъ ея вліяніемъ.

Онъ чувствовалъ, что онъ становится теперь какой-то припадочный; прежде, когда онъ былъ гораздо бѣднѣе, онъ былъ несравненно спокойнѣе, а теперь, когда онъ уже не безъ нѣкотораго запаса, имъ овладѣваетъ бѣсъ, онъ не можетъ отвѣчать за себя. Такъ, чѣмъ рана ближе къ заживленію, тѣмъ она сильнѣе зудитъ, потому-то Гордановъ и хлопоталъ скорѣе закрыть свою рану, чтобы снова не разодрать ее въ кровь своими собственными руками.

Душа его именно зудѣла, и онъ весь былъ зудъ,—этого состоянія Ванскокъ не понимала. Справедливость требуетъ сказать, что Ванскокъ все-таки была немножко женщина, и если не все, то нѣчто во всей только что происшедшей сценѣ она все-таки приписывала себя.

Это ей должно простить, потому что ей былъ уже не первый снѣгъ на голову; на ея житейскомъ пути встрѣчались любители курьезовъ, для которыхъ она успѣла представить собою интересъ, но Ванскокъ была истая весталка,—весталка, у которой недаромъ для своей репутаціи могла бы поучиться твердости восторженная Норма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бой тарантула съ ехидной.

Тягостное молчаніе этой сцены могло бы длиться очень долго, если бъ его первая не прервала Ванскокъ. Она подошла къ Горданову и, желая взять деньги, коснулась его руки, подъ которою до сихъ поръ оставалась ассигнація.

Гордановъ оглянулся.

— Что вамъ отъ меня пужно? — спросилъ онъ. — Ахъ, да... ваши деньги... Ну, извините, вы ихъ не заслужили, и съ этимъ Павелъ Николаевичъ, едва замѣтно улыбнувшись, сжалъ въ рукѣ билетъ и сунулъ его въ жилетный карманъ.

Ванскокъ повернулась и пошла къ двори, но Гордановъ не допустилъ ее уйти, онъ взялъ ее за руку и остановилъ.

— Скажите, вы этого не ожидали? — заговорилъ онъ съ нею въ шутиливомъ тонѣ.

— Чего? Того, что вы захватите мои деньги? Отчего же? Я отъ васъ рѣшительно всего ожидаю.

— И вотъ вы и ошиблись; я, къ сожалѣнію, на очень многое еще неспособенъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ! что «напримѣръ»? напримѣръ, пате вамъ ваши деньги.

Ванскокъ протянула руку и взяла скомканную и переконканную ассигнацію и сказала: «прощайте!»

— Нѣтъ, теперь опять скажите, ожидали вы или нѣтъ, что я вамъ отдамъ деньги? — настаивалъ Гордановъ, удерживая руку Ванскокъ. — Видите, какъ я добръ! Я вѣдь могъ бы выпустить васъ на улицу, да изъ окна опять назадъ поманить, и вы бы вернулись.

— Разумѣется, вернулась бы, деньги пужны.

— Да; ну, да ужъ Богъ съ вами, берите... Что вы на меня остервенились, какъ чортъ на пона? Не опасайтесь, это не фальшивыя деньги, я на это тоже неспособенъ.

— А почему бы?

— Такъ, потому, почему вы не понимаете.

— Я бы то гораздо скорѣй поняла: прямой вредъ правительству.

— Трушна, трушна, дружище Ванскокъ, велика нужна, спеціалисты пужны!

— Ну, такъ что же такое? Людей набрать не трудно всякихъ, и граверовъ, и химиковъ.

— А попасться съ ними еще легче. Нѣтъ, милая дѣвица, я и вамъ на это своего благословенія не даю.

— А между тѣмъ поляки и жида прокрасно это ведутъ.

— Да; то поляки и жида, они уже такъ къ этому приучены цѣлесообразнымъ воспитаніемъ: они возьмутся за дѣло, такъ однимъ дѣломъ тогда и занимаются, и по сно-

рять, какъ вы, что честно и что безчестно, да и они попадаются, а вы рыхлитина, вы на всемъ перессоритесь и перессоритесь, да и потомъ все это вздоръ, который годенъ только въ маломъ хозяйствѣ.

— И что-то этого не понимаю.

— Такъ ужъ вы, значить, устроены, чтобы не понимать. Это, голубь мой сизокрылый, экономическій законъ: въ маломъ хозяйствѣ многое выгодно, что въ большемъ не годится. Вы сами знаете, деревенскій мальчишка продаетъ конкодаву конку за пятачокъ, это и ему выгодно, и конкодаву выгодно; а вы вонъ съ своими кошачьими заводами «на разумныхъ началахъ» въ сибѣ сѣли. Такъ тоже наши мужичонки изъ навоза селитру дѣлаютъ, деготь садятъ, липу дерутъ, и все это имъ выгодно, потому что все это дѣло мужичье, а настоящий аферистъ изъ другого круга за это не берется, а возьмется, такъ провалится. И на что, на коего дьявола вамъ фальшивыя деньги, когда экспедици бумагъ вамъ настоящихъ сколько угодно заготовить, только умѣйте забирать. А вотъ вы, вижу, до сихъ поръ брать-то еще не мастерица.

— Нѣтъ, знаете, это хорошо брать, какъ есть гдѣ.

— Да, вотъ вамъ еще хочется, чтобы вамъ разложили деньги! А вы чего вотъ о-сю пору глядите, а не борете, что я вамъ даю?

Онъ бросилъ билетикъ на столъ, и Вансюкъ его поднялъ.

— У васъ много теперь голодной братин? — заговорилъ снова Гордановъ.

— Сколько хотите; все голодны.

— И что же, способные люди есть между ними?

— Еще бы!

— Кто же это, напримѣръ, изъ способныхъ?

— Хоть, напримѣръ, Иосафъ Висленевъ.

— Ага! Иосафушка... а онъ способный?

— А вы какъ думаете?

— Да, онъ способный, способный, — отвѣчать Гордановъ, думая про себя совсѣмъ иное.

— Но отчего же онъ такъ бѣдствуетъ?

— Оттого, что онъ честенъ.

— Это значить:

Милый другъ, я умираю,
Оттого, что я былъ честенъ,
И за то родному краю
Буду, вѣрно, я извѣстенъ.

Что же, это прекрасно! А онъ гдѣ служить?

— Висленевъ не можетъ служить.

— Ахъ, да! онъ компрометированъ,—значить, дуракъ.

— Нѣтъ, не потому; онъ это считаетъ за подлость.

— Вотъ какъ! и гдѣ же онъ пробавляется! Неужто все еще до сихъ поръ чужое молоко и чужихъ селедокъ ѣсть?

— Онъ пишетъ.

— Оды въ честь прачекъ, или романы объ устройствѣ школы?

— Нѣтъ, онъ романовъ не пишетъ.

— Слава Богу; а то я что-то читалъ дурацкое-предурацкое: романъ, гдѣ какой-то компрометированный герой школу въ банѣ заводитъ и потомъ его за то вся деревня будто столь возлюбила, что хочеть за него «цѣлому міру рожу расквасить», — такъ и думалъ: ужъ это не Ясафушка ли палецъ сочинялъ? Ну, а онъ что же такое пишетъ?

— Обзорънія.

— Да, разъяснить значеніе фактовъ; ну, это не по немъ. Что жъ, платить, что ли, ему не ладно, что онъ такъ раскованъ?

— Все скверно, какая же у насъ теперь литература? Ни съ кѣмъ ужиться нельзя.

— Вѣрно все русское направленіе гадить?

— А вы даже и надъ этою мерзостью можете шутить?

— Да отчего же не шутить? Отчего же не шутить-то, Ванюшкочъ?

— Ну, не знаю: я бы лучше всѣхъ этихъ съ русскимъ направленіемъ передумала.

— А между тѣмъ вѣдь и Пугачовъ, и Разинъ также были русскаго направленія, и Ванька Капъ тоже, и смоленскій Тропка тоже! Что, какъ вы объ этомъ думаете?.. Эхъ, вы, ягнята, ягнята бѣдные! Хотите быть командирами, силой, а брезгливы какъ старовѣрческая ягменья: изъ одной чашки съ мрянниномъ воды пить не станете! Стыдитесь, господа *сила*,—васъ такъ всякое безсилье одолеваетъ. Нѣтъ, вы дѣйствуете *органически* вразсыпную,—всякъ самъ дѣлаетъ себя, и тогда вы одолѣете міръ. Понимаете: *всякъ для*

себя. Прежде всего и паче всего прочь всякій принципъ, долой всякое убѣжденіе. Оставьте все это глупымъ идеалистамъ «страдать за вѣру». Повѣрьте, что все это гиль, все гиль, съ которою пронадежь ни за грошъ. Идеалистамъ пронадежь, разумѣется, вздоръ; ихъ души, а они еще радуются, а вѣдь вы, я полагаю...

— Я, конечно, не хочу, чтобы меня лужили, — перебила живо Ванскокъ.

— Ну, вотъ въ томъ и штука капитана Кука, — надо, чтобы мы ихъ лужили, и будемъ лужить, а они пусть тогда у насъ подъ кнутомъ классически орутъ: *O, quam est dulce et decorum pro patria mori!* Борьба за существованіе, дружокъ, не то что борьба за лягушку. Ага! борясь за существованіе, надо... не останавливаться ни предъ чѣмъ... не только предъ доносомъ, но... даже предъ клеветой! Что, небось, ужасно? А Мазепа такъ не думалъ, тотъ не ужасался и, ведя измѣну, писалъ нашему Петринкѣ:

И видитъ Богъ, не зная свѣта.
Я, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ,
Служу тебѣ душою вѣрной,

а между тѣмъ и честно, и безчестно «вредить всѣмъ педругамъ своимъ». Откуда же у васъ, дружнице Ванскокъ, до сихъ поръ еще эта сентиментальность?.. Дивлюсь! Вы когда-то были гораздо смѣлѣе. Когда-то Подозерова вы въ-разъ стерли; ба! вотъ и хорошо, что вспомнилъ, вѣдь вы же на Подозерова клеветали, что онъ шпионъ?

— Да, я это съ вашихъ словъ говорила.

— Неправда, съ Висленевскихъ, но это все равно: чѣмъ же клевета лучше правдиваго доноса?

— Да, я на такого, какъ Подозеровъ, могу сдѣлать и доносъ.

— Такъ въ чемъ же тутъ разница: стало-быть, въ симпатіи? Одинъ вамъ милѣе другого, да?

— Нѣтъ, вы этого не понимаете: Кишенскій и Линка— это свѣжія раны...

— Что-о тако-о-е?

— Свѣжія раны... Зачѣмъ шевелить свѣжія раны? Подозеровъ всегда былъ противъ насъ, а эти были наши и не отлагались... это свѣжая рана!

Гордацовъ посмотрѣлъ ей въ глаза и, сохраняя наруж-

ное спокойствіе, засмѣлся неудержимымъ внутреннимъ смѣхомъ.

Ванекокъ съ своею теоріей «свѣжихъ ранъ» открывала Горданову цѣлую, новую, еще не эксплуатированную область, по которой скажи и неспешь куда знаешь, твори, что выдумаешь, говори, что хочешь, и у тебя вездѣ со всѣхъ сторонъ будетъ тучный знакъ для коня и дорога скатертью, а вдали на чертѣ горизонта тридцать девять разбойниковъ, всегда готовые въ помощь сороковому.

— Да, да, Ванекокъ, вы побѣдили меня,—сказалъ Гордановъ.—*Свѣжія раны...* вы правы,—все это дѣйствительно свѣжія раны... Дѣйствительно надо все прощать, надо все забывать и свѣжихъ ранъ не трогать... Вы правы, вы правы, я этого не понималъ.

— Да вѣдь этого и всѣ съ перваго раза не понимали, даже и я тоже не понимала. Я тогда гувернанткой жила, и когда мнѣ писали туда, что это здѣсь принято, и я тоже на всѣхъ злилась и не понимала, а потомъ поняла.

— Ну, вотъ видите, это взаправду не такъ просто!

— Да, я говорю, что намъ никакъ нельзя отъ Петербурга отрѣшаться.

— А вы долго были гувернанткой?

— Да, цѣлую зиму.

— И бросили?

— Да, меня сюда вызвали нѣкоторые изъ нашихъ, — писали, что выгодное дѣло есть, но только это вышло вздоръ.

— Надули?

— Да, дѣла не было, — они просто для своихъ выгодъ меня выписали, чтобы посылать меня туда да сюда.

— Вотъ каналы! и вы имъ за это ничего?

— Все, батюшка, свѣжія раны, но главное меня раздосадовало, что подлець Кишенскій меня на это мѣсто послалъ, а я пріѣхала и узнала, что онъ себя за комиссію взялъ больше половины моего жалованья и не сказалъ мнѣ.

— Ишь, какая тварь! Ну, вы его, разумѣется, отзвонили и деньги отобрали?

— Ничего и не отзвонила, потому что онъ нынче держитъ нѣмца-лакея, ужаснаго болвана, которому онъ только кивнетъ, и тотъ сейчасъ выпроводить: уже такіе примѣры были и съ Паливодовой, и съ Цири-Кири, а денегъ онъ

миѣ не отдать, потому что, говорить, «вамъ больше не слѣдуетъ».

— Да какъ же не слѣдуетъ?

— Такъ, не стѣитъ, говорить, больше, да еще нагрубилъ миѣ и надерзилъ.

Гордановъ тронулъ Ванскоку за руку и, улыбувшись, покачалъ укоризненно головой.

Ванскоку не поняла этого киванья и освѣдомилась: въ чемъ дѣло?

— На что же это опять старья перья показывать! Что это за слово «надерзилъ»?

— А какъ же надо сказать?

— «Наговорилъ дерзостей».

— Зачѣмъ же два слова вмѣсто одного? Впрочемъ, вѣдь вы поняли, такъ, стало-быть, слово хорошо, а что до Кишпескаго, то Висленевъ даже хотѣлъ было его за меня въ газетахъ пропечатать, но я не позволила: зачѣмъ возбуждать!

— Свѣжая рана?

— Конечно, свѣжая рана, — и такъ уже много всякой дряни выплываетъ наружу, а еще какъ если мы сами станемъ себя разоблачать, тогда...

— Итъ, итъ, итъ, какъ это можно! Не надо этого: раны въ самомъ дѣлѣ очень свѣжи.

— То-то и есть; гласность, это такая штука, съ которою надо быть осторожнымъ.

— Именно, Ванскоку, именно надо быть осторожнымъ, а еще лучше, чтобъ ее совсѣмъ вывести, чтобъ ей, по-старинному, вовсе не было, чтобы свѣжихъ-то ранъ не будоражить и не шевелить, а всѣхъ бы этихъ и щелкоперовъ-то по-боку, да къ чорту!

— Я тоже и сама такъ думала, и оно бы очень не трудно, да Кишпескій находитъ, что они не вредить: онъ самъ издалъ одинъ патріотическій романъ, и самъ его въ одной газетѣ ругалъ, а въ другой — хвалилъ, и нажилъ деньги.

— Пожалуй, что онъ вѣдь и правъ.

— А конечно! а что общество читаетъ, такъ вѣдь оно все читаетъ, какъ номеломъ промететь и позабудеть.

— Правъ, правъ каналья Кишпескій, правъ.

— Да, онъ умный и имъ надо дорожить, онъ тоже говорить, что глупость совсѣмъ уничтожить уже нельзя, а хо-

роно вотъ, если бы побольше нашихъ шли въ цензурное вѣдомство. Кишинскій ведетъ дѣло по двойной бухгалтеріи— это такъ и называется «по двойной бухгалтеріи» Онъ припелся разомъ къ тремъ разнымъ газетамъ и въ каждой строчить въ особомъ направленіи, и сводить все къ одному; онъ чужимъ поддаетъ, а своимъ сбавить гдѣ нужно, а гдѣ пужно—наоборотъ.

— Вотъ какъ ловко!

— Да, это оказалось очень практично.

— Да какъ же-съ не практично. Ахъ, онъ, чортъ его возьми! — воскликнулъ Гордановъ. — Да онъ послѣ этого дѣйствительно дока!

— А я вамъ говорила. Но, впрочемъ, и ему не все удастся. У него тоже есть свои жидовскія слабостишки: щенятокъ своихъ любить и Алинку хочетъ за кого-нибудь замужъ перевѣнчать, да вотъ не удается.

— Ага! А вѣдь она, выйдя замужъ, и еще получила бы часть?

— Конечно, да не удастся-съ, и щенягъ нельзя усыновить. Вотъ женитесь вы на ней, Гордановъ!

— Вы съ ума сошли, Ванскокъ.

— А что же такое? Она вамъ пять тысячъ дастъ.

— Другъ мой, у меня у самого есть пять тысячъ.

— А зачѣмъ же вы на мнѣ хотѣли жениться?

Гордановъ засмѣялся и сказалъ:

— Это *par amour*.

— Вы врете, Гордановъ.

— Да, вру, вру, именно вру, Ванскокъ, но вы, конечно, не станете никому объ этомъ рассказывать, потому что иначе я отъ всего отрекусь, да и Кишинскому не говорите, какъ я шутилъ, чтобы вывести его на свѣжую воду.

— Къ чему же я это стану говорить?

— Молодецъ вы, благородная Ванскокъ! Давайте вашу лапу!

И Павелъ Николаевичъ съ чувствомъ сжалъ грязноватую руку дѣвушки и добавилъ:

— Я и теперь съ вами шучу, скажите ему все; скажите, какъ Гордановъ одичалъ и оглушѣлъ внѣ Петербурга; я даже и самъ ему все это скажу и не скрою, что вы мнѣ, милалъ Ванскокъ, открыли великія дѣла, и давайте вмѣстѣ устранивать Висленева.

— Его непременно надо устроить.

— И вотъ вамъ на то моя рука, что это будетъ сдѣлано. Занишите мнѣ его адресъ.

Ванскокъ взяла карандашъ, нацарапала куринымъ почеркомъ маршрутъ, по которому великодушная дружба Горданова должна была отыскать злополучнаго Висленева, и затѣмъ гостя и хозяинъ начали прощаться, но Гордановъ вдругъ что-то вспомнилъ и пріостановилъ Ванскокъ, когда та уже надѣла на свою скобочку свой фореиторскій шлыкъ.

— Вотъ что!—сказалъ онъ въ раздумьи:— не хотите ли съ меня еще взятку. У меня бывали въ рукахъ разные польскія переписки, и я кое-что списалъ. Вотъ тутъ у меня онѣ всѣ подъ рукой, въ этой шкатулкѣ. Хотите, передайте ихъ Висленеву.

— Зачѣмъ?

— На ихъ основаніи можно постронть прекрасныя статьи. За это деньги дадутъ.

— Давайте, и отвезу.

— Только, разумѣется, не говорить отъ кого.

— Еще бы!

— Ну, такъ очень радъ.

И съ этимъ Гордановъ досталъ изъ-подъ дивана большую желтую шкатулку, какія дѣлаютъ для перевоза крахмальныхъ рубашекъ, и вручилъ ее Ванскокъ, которая приняла ее и согнулась.

— Что?

— Тяжело,—отвѣчала Ванскокъ.

— Да, бумага тяжела.

— Ну, да ничего!

И Ванскокъ, перехвативъ половчѣе шкатулку, закинулась всѣмъ тѣломъ назадъ и поплыла внизъ по лѣстницѣ.

Черезъ минуту Гордановъ услыхалъ чрезъ открытое окно, какъ Ванскокъ, напирая на букву ш, выкрикивала:

— Извошникъ! Извошникъ!

Павелъ Николаевичъ весело размѣялся и, свѣсясь въ окно, смотрѣлъ, какъ къ Ванскокъ, стоявшей на тротуарѣ, подкатила извозчичья линейка.

Ванскокъ сторговалась и потомъ сказала:

— Ну-съ, а теперь вы, извошникъ, держите хорошенько вотъ этотъ яшишникъ!

Гордаповъ такъ и залился самымъ беззаботнымъ, ребячскимъ смѣхомъ, глядя, какъ Ванскокъ ползла, уминаясь и помѣщала свой «япшикъ».

— Ecoutez! — закричалъ опъ сквозь смѣхъ. — Ecoutez-moi!

— Ну, что тамъ еще? Я уже съѣла.

— Voulez-vous bien g p ter?

— Что? Что такое? — сердилась внизу Ванскокъ.

«Извоишикъ и япшикъ», — передразнилъ ее Гордаповъ и, показавъ ей языкъ, поднялся и затворилъ окно.

Ванскокъ, треща на линейкѣ, укатила.

Павель Николаевичъ заперъ дверь и, метнувшись изъ угла въ уголъ, остановился у стола.

«Чортъ возьми! — подумалъ опъ: — и въ словахъ этой дуры есть своя правда. Нѣтъ; нельзя отрѣшаться отъ Петербурга! «Свѣжія раны!» О, какая это чертовски полезная штука! Поусердствуйте, друзья, «свѣжимъ ранамъ», поусердствуйте, пока васъ на это хватит!»

И съ этимъ Гордаповъ сталъ скоро раздѣваться и, не зажигая свѣчи, легъ въ постель, но не заснулъ, его долго долго давилъ и терзалъ злой демонъ — его дальновидность. Опъ зналъ, что вѣрны одни лишь прямые ходы и что ихъ только можно повторять, а все фокусное дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока оно не разоблачено, и этотъ демонъ менталь Павлу Николаевичу, что тутъ ничто не можетъ длиться долго, что весь фейерверкъ скоро всыхнетъ и зачадитъ, а потому надо быстро сдѣлать ловкій курбетъ, пока еще держатся остатки старыхъ привычекъ къ кучности и «свѣжія раны» даютъ тѣнь, за которою можно предъ одними передернуть карты, а другимъ зажать ротъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Послѣдній изъ Могиканъ.

Висленевъ въ это время жилъ въ одномъ изъ тѣхъ громадныхъ домовъ Невскаго проспекта, гдѣ, какъ говорится, чего хочешь, того просишь: здѣсь и роскошныя магазины, и депо, и мелочная лавка, и французскій ресторанъ, и греческая кухмистерская восточнаго человѣка Трифандоса, и дорогіе ложементы съ парадныхъ входовъ на улицу, и сходныхъ цѣвъ пищенскія стойла въ глубинѣ черныхъ дворовъ. Населеніе здѣсь столь же разнообразно, какъ и помѣщенія подобныхъ домовъ: тутъ живутъ и дипломаты,

и ремесленники, и странствующие монахины, и погибшія созданія, и воры, и несчастнѣйшій классъ петербургскаго общества, мелкіе литераторы, поавшіе на литературную дорогу по неспособности стать ни на какую другую и тупицею по ней свою горе-горькую жизнь каликъ-перехожихъ.

Житье этихъ несчастныхъ поистинѣ достойно глубочайшаго состраданія. Эти люди болѣею частію не принесли съ собою въ жизнь ничего, кромѣ тупого ожесточенія, воспитаннаго въ нихъ завистію и нуждой, среди которыхъ прошло ихъ печальное дѣтство и сторѣла, какъ нива въ бездождіе, короткая юность. Въ ихъ душахъ, какъ и въ ихъ наружности, всегда есть что-то напоминающее замороженныхъ въ щенкахъ собакъ, они безсильны и злы, — злы на свое безсиліе и безсильны отъ своей злости. Привычка видѣть себя заброшенными и никому ни на что не нужными развиваетъ въ нихъ алчную, непомерную зависть, неостижимо возбуждаемую всею на свѣтѣ, и къ тому есть, конечно, свои основанія. Та бѣдная дѣвушка, которая, живи ъ-бокъ квартиры такого сосѣда, достаетъ себѣ хлѣбъ позорною продажей своихъ ласкъ, и та, кажется, имѣетъ въ своемъ положеніи нѣчто болѣе прочное: однажды посягнувшая на свой позоръ, она, по крайней мѣрѣ, имѣетъ за собою преимущество готоваго запроса, за нее природа съ ея неумолимыми требованіями и разнузданностью общественныхъ страстей. У бѣднаго же писака, перебивающагося строченіемъ различныхъ мелочей, нѣтъ и этого: въ его положеніи мало быть готовымъ на позорную торговлю со вѣстью и словомъ, на его спекуляцію часто нѣтъ спроса, и онъ долженъ постоянно самъ спекулировать на сбытъ своего писанія. Отсюда и идетъ всякое вѣроятіе превосходящая ложь, продаваемая въ самыхъ крупныхъ дозахъ, за самую дешевую цѣну.

Висленскъ въ эту пору своей несчастной жизни былъ рангомъ выше описанныхъ бѣдныхъ литературныхъ наріевъ и на десять степеней ихъ несчастіе. Какъ Горданова преслѣдовали его призраки, такъ были свои призраки и у Висленева. Онъ не могъ спуститься до самыхъ низменностей того слоя, къ которому пришлибли его волны прибой и отбой. Сила родныхъ воспоминаній, вліяніе привычекъ дѣтства и власть семейныхъ преданій, сказывав-

шихся въ немъ противъ его воли неодолимою гадливостью къ грязи, въ которой, какъ въ родной имъ средѣ, копошатся другіе, не допускали Висленева до спокойнаго пренебреженія къ доброму имени людей и къ ихъ спокойствію и счастію. Висленевъ могъ быть неразборчивымъ въ вопросахъ теоретическаго свойства, но буржуазной гадости онъ не переносилъ. Онъ по своему воспитанію и образованію былъ гораздо болѣе приспособленъ къ литературнымъ занятіямъ, чѣмъ большинство его собратіи по ремеслу. Относительная разборчивость въ средствахъ вредна Висленеву на доступномъ ему литературномъ рынкѣ, онъ не могъ поставлать массы дешеваго базарнаго товара, и за-дешево же заготовлялъ произведенія болѣе крупныя, которыя, въ его, по крайней мѣрѣ, глазахъ, были достойными всеобщаго вниманія. Мы видѣли, что на одно изъ пухъ «о провинціальныхъ правахъ» Висленевъ даже дѣлалъ ссылку предъ Гордановымъ; это было то самое произведеніе, о которомъ послѣдній отзывался извѣстнымъ стихомъ:

Читаль, и духомъ возмутился.
Зачѣмъ читать училищ.

На самомъ же дѣлѣ Гордановъ уже немножко зло выразился о писаніи своего пріятели: статьи его съ многосоставными заглавіями имѣли свои достоинства. Самъ редакторъ, которому Висленевъ поставлялъ эти свои произведенія, смотрѣлъ на нихъ, какъ на кунштюки, но принималъ ихъ и печаталъ, находилъ, что они годятся.

Продолжительное кривлянье имѣеть два роковыя исхода: для людей искренно заблуждающихся оно грозитъ потерей смысла и способности различать добро отъ зла въ теоріи, а для другихъ — потерей совѣсти. Висленевъ, защищаемый домашними привычками, попалъ въ первую категорію и затѣ особенно много потерялъ въ житейскихъ интересахъ. Ему, литератору съ университетскимъ образованіемъ, литературы давала вдесятеро менѣе, чѣмъ дѣятелямъ, ходившимъ въ редакціи съ карманною книжечкой «объ употребленіи буквы Ъ». Заработокъ Висленева почти равнялся тому казенному жалованью, котораго, по словамъ Сквозника-Дмухановскаго, едва достаетъ на чай и сахаръ. Висленевъ много добросовѣтнѣйшаго труда полагалъ въ свою недобросовѣтную и тяжкую работу, задача которой всегда со-

стояла въ томъ, чтобы изъ данныхъ, данныхъ одинъ выводъ путемъ правильного съ ними обращенія, сдѣлать, посредствомъ теоретической лжи и передержекъ, выводъ свойства противоположнаго.

Къ тому же, на горе Висленева, у него были свои привычки: онъ не могъ ѣсть барашихъ пилавовъ въ греческой кухмистерской восточнаго человѣка Трифандоса и заходилъ перекусить въ ресторанъ; онъ не могъ сидѣть на продырявленномъ клеенчатомъ диванѣ подъ звуки безконечныхъ споровъ о развѣтвленіяхъ теорій, а чувствовалъ влеченіе къ своей кровати и къ укромному уголку, въ которомъ можно бы, если не успокоиться, то по крайней мѣрѣ забыться.

Это сибаритство не скрывалось отъ его собратій, и Висленевъ нѣкоторое время терпѣлъ за это опалу, но потому, съ быстрымъ, но повсемѣстнымъ развитіемъ практичности, это ему было прощено, и онъ работалъ, и неустанно работалъ, крѣпясь и вѣруя, что литература для него только прелюдія, но что скоро слова его примутъ плоть и кровь, и тогда... при этомъ онъ подпрыгивалъ и, почесавъ затылокъ, хватался за свою работу съ сугубымъ рвеніемъ, за которымъ часто не чувствовалъ жестокой тяжести въ омраченной головѣ и гнетущей боли въ груди.

Къ такому положенію Висленевъ уже привыкъ, да оно вправду не было уже и тяжело въ сравненіи съ тѣмъ, когда онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, питался хлѣбами добродѣтельной Ванскокъ. Висленевъ даже могъ улучшить свое положеніе, написавъ сестрѣ, которой онъ уступилъ свою часть, но ему это никогда не приходило въ голову даже въ то время, когда его штила Ванскокъ, а теперь... теперь самый жизнелюбивый человѣкъ могъ бы свободно поручиться головой, что Висленевъ такъ и дойдетъ до гроба по своей прямой линіи, и онъ бы и дошелъ, если бы... если бы онъ не потребовался во всеобщеніе другу своему Павлу Николаевичу Горданову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гордановъ даетъ шахъ и матъ Юсафу Висленеву.

Черный день подкрался къ Юсафу Платоновичу неожиданно и негаданно, и притомъ же день этотъ былъ весь съ на-

чала до конца такъ лучезарно свѣтеть, что никакая дальнорокость не могла провидѣть его черноты.

Въ этотъ день Юсафъ Платоновичъ всталъ въ обыкновенное время, полюбовался въ окно горячимъ и искристымъ блескомъ яркаго солнца на колокольномъ крестѣ Владимірской церкви, потомъ вспомнилъ, что это стыдно, потому что любоваться ничѣмъ не слѣдуетъ, а тѣмъ паче крестомъ и солнцемъ, и сѣлъ на софу за преддиванный столикъ, исправляющій должность письменнаго стола въ его чистой и уютной, но очень, очень маленькой комнаткѣ.

Все было въ самомъ успокоительномъ порядкѣ; стаканъ кофе стоялъ на столѣ, дымясь между высокихъ грудъ газетъ, какъ пародикъ, приставшій на якорь въ бухту, окруженную высокими скалами. И какія это было очаровательныя скалы! Это были груды газетъ съ громаднымъ подборомъ самыхъ разнообразныхъ статей по одному и тому же предмету; направо было тѣ, по которымъ дѣло выходило бѣлымъ, налево тѣ, по которымъ оно выходило чернымъ. Висленевъ, помощью крапа и сыпныхъ очковъ, готовился съ чувствомъ и съ любовью доказать, что черное бѣло и бѣлое черно. Это была его специальность и его *passia*.

Но прежде чѣмъ Висленевъ допилъ свой стаканъ кофе и взялся за обработку крапа и очковъ въ колодѣ, предложенной ему на сегодняшнюю игру, ему прыгнулъ въ глаза маленькій, неоприятно задѣланный и небрежно надписанный на его имя пакетикъ.

Висленевъ, грызя сухарь, распечаталъ конвертъ и прочелъ: «Примите къ свѣдѣнію, еще одна подлость: Костька Оболдуевъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, онъ женился на Форофонтьевой и взялъ за нею въ приданое восемьдесятъ тысячъ. Пишу вамъ объ этомъ со словъ Роговцова, который заходилъ ко мнѣ ночью нарочно по этому дѣлу. Утромъ иду требовать взноса на общее дѣло и бѣднымъ поликаемъ. Завтра поговоримъ. Анна Скекова».

Висленевъ повернулъ два раза въ рукахъ это письмо Ванскокъ и хотѣлъ уже его бросить, какъ горничная квартирой хозяйки подала ему другой конвертъ, надписанный тою же рукой и только-что сію минуту полученный.

«Я задыхаюсь.— писала отвратительнѣйшимъ почеркомъ Ванскокъ.—Я сама удостовѣрилась обо всемъ: все правда, мнѣ ничего не дали на общее дѣло, но этого мало: знайте

и вѣдайте, что Оболдуевъ обломалъ дѣла, онъ забралъ не только женины деньги, но и деньги свояченицы, и на эти деньги будетъ... издаваться газета съ русскимъ направлениемъ! Бросьте сейчасъ работу, бросьте все и бѣгите ко мнѣ, мы должны говорить! P. S. Кстати, я встрѣтила очень трудное мѣсто въ переводѣ. Кунцевичъ «canonisé par le Pape» я перевела, что Иосафъ Кунцевичъ былъ разстрѣлянъ папой, а въ сегодняшнемъ номерѣ читаю уже это иначе. Чтò это за самопроизволъ въ вашей редакціи? Попросите, чтобы мои переводами такъ не распоряжались».

Висленевъ, сложивъ оба письма вмѣстѣ и написавъ Ванскоку, что онъ не можетъ слѣшить ей на помощь, потому что занятъ работой, сѣлъ и начерталъ въ заголовкѣ: «Васильетемновскія тенденціи современныхъ москворѣцко-застѣнковыхъ философо-сыщниковъ». Но онъ далѣе не продолжалъ, потому что въ двери его съ шумомъ влетѣла маленькая Ванскокъ и зачастила:

— Получили вы оба мои письма? Да?

— Да, получили, — отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

— Все это отмѣняется! — воскликнула Ванскокъ, бросая въ уголь маленькій сакъ, съ привязанною къ нему вмѣсто ручекъ веревочкой.

— Ничего не было?

— Нѣтъ, напротивъ, все было; рѣшительно все было, но представлены доказательства, такъ что это надо обсудить здѣсь; знаете о чемъ идетъ дѣло?

Висленевъ качнулъ отрицательно головой.

— Русское направленіе въ модѣ.

— Ну-съ?

— За него буду собирать деньги и обращать ихъ на общее дѣло. Я нахожу, что это честно.

Висленевъ молчалъ.

— И потомъ, — продолжала Ванскокъ: — явится, знаете, кто?

Висленевъ сдѣлалъ опять знакъ, что не знаетъ.

— Не догадываетесь?

— Не догадываюсь же, не догадываюсь.

Ванскокъ подошла къ окну и на потномъ стеклѣ начертала перстомъ: «с-у-п-с-и-д-і-я».

— Буки, — проговорилъ Висленевъ.

— Нѣтъ, не буки, а это вѣрно.

— Буки, буки, а не докой... понцмасте, не сусидія, а субсидія.

— А, вы объ этомъ? Все это вздоръ. Итакъ, будетъ дапа субсидія, и мы все это повернемъ къ пользу общаго дѣла, и потому вредить этому не надо.

— Васъ надувають, Ванскокъ.

— Очень можетъ быть, я даже и сама увѣреца, что надувають, но по крайней мѣрѣ такъ говорятъ, и потому надо этому помогать, а къ тому же есть другая новость: возвратился Гордановъ, и онъ теперь здѣсь и кастея.

Висленевъ прицилъ эту новую вѣсть недружелюбно, по нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ Ванскокомъ насчетъ необходимости всяческаго снисхожденія къ свѣжимъ ранамъ, и кина бумагъ, вынутыхъ изъ саквояжа и представленныхъ Ванскокомъ Висленеву, какъ подарокъ въ доказательство дружественнаго расположенія Горданова къ Висленеву, произвели въ умѣ послѣдняго впечатлѣннѣя миролюбиваго свойства. Висленевъ, освободясь отъ довольно продолжительнаго визита Вацкокъ, тотчасъ же углубился въ чтеніе бумагъ, принесенныхъ ему отъ Горданова. Подарокъ пришелъ Висленеву какъ нельзя болѣе по сердцу, и онъ не могъ отъ него оторваться до самаго вечера. Онъ не оставилъ бы свои занятія и вечеромъ, если бы его часу въ восьмомъ не по-сѣтилъ жилецъ сосѣдней комнаты, Теокистъ Меридіановъ, маленькій желтоволосый человѣчекъ, поставляющій своеобразныя беллетристическія бездѣлки для маленькой газеты съ скандальной репутаціей.

Теокистъ Меридіановъ вошелъ къ Висленеву безъ доклада и безъ сапоговъ: тихо, какъ котъ, подошелъ онъ въ мягкихъ кимрскихъ туфляхъ къ углубленному въ чтеніе Висленеву и произнесъ:

— Здравствуйте, любезный сосѣдъ по имѣнію.

Висленевъ вздрогнулъ и немножко встревоженно спросилъ:

— Чтѣ вамъ угодно?

Теокистъ Меридіановъ хрипло захохоталъ и, плюхнувъ на диванъ противъ Висленева, отвѣчалъ:

— Вотъ какой бонъ-тонъ: «что вамъ угодно?» А мнѣ ничего отъ васъ, сударь мой, не угодно, — продолжалъ онъ, кряхти, смѣясь и щурясь: — а такъ, совсѣмъ такъ... освѣдо-

миться, все ли въ добромъ здоровьи мой сосѣдь по имѣнью, Юсафъ Платонычъ Висленевъ, и болѣе ничего.

— А-а, ну спасибо вамъ, а я зачитался и не сообразилъ.

— Что же это вы читаете?

— Очень интересныя бумаги по польскому дѣлу.

— Это «щелчокъ», что ли, вамъ приволокъ?

— Какой щелчокъ? — спросилъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ Висленевъ.

— Да вотъ эта стрижка-срыпка, какъ вы ее называете?

— Ванскокъ!

— Ну, Ванскокъ, а я все забываю, да зову ее «щелчокъ», да это все равно. Я все слышалъ, что она тутъ у васъ чекотала, и не шель. Эхъ, бросьте вы, сэръ Висленевъ, водитесь съ этими нигилисточками.

— Что это васъ беспокоитъ, Θεоктистъ Дмитричъ? мнѣ кажется, до васъ это совсѣмъ не касается, съ кѣмъ я вожусь.

— Да, касаться-то оно, пожалуй, что не касается, а по человечеству, по-сосѣдски васъ жалко, право жалко.

Висленевъ улыбнулся и, заваривъ чай изъ только-что поданнаго самовара, спросилъ:

— Какія же предвидите для меня опасности отъ «нигилисточекъ»?

— Большой, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, очень большія—женять.

— Ну, вотъ!

— Чего «вотъ», право, клянусь Патрикомъ, женять, а мнѣ васъ жалко... какъ-въ ни есть, все сосѣдь по имѣнью, вмѣстѣ чай пьемъ!

— Вотъ видите, какъ вы заблуждаетесь! Ванскокъ сама первостатейный врагъ брака.

— Это, отецъ Юсафъ, все равно, врагъ, а къ чему дѣло придетъ, и черезъ нее женитесь; а вы лучше вотъ что: ко мнѣ опять сваха Θεодориха заходила...

— Ахъ, оставьте, Меридановъ, это даже и въ шутку глупо!

— Нѣтъ-съ, вы позвольте, она уже теперь не купчиху предлагаетъ, а княжескую фаворитку, танцовщицу... — Меридановъ сильно сжалъ Висленева за руку и добавилъ: — только перевѣнчаться и не видать ее, и за то одно шит-

надпять тысячъ? Это не худая статья, сэръ, клянусь святымъ Патрикомъ, не худая!

— Ну, вотъ вы и женитесь.

— Не могу, отецъ, радъ бы, да не могу, рыломъ не вышель, я изъ простыхъ свиней, изъ кутейниковъ, а нуженъ изъ цуцкихъ, столбовой дворянинъ, какъ вы. Не дремите, государь мой, берите пятнадцать тысячъ, пока нигилисточки даромъ не окрутили. На пятнадцать тысячъ можно газету завести, да еще какую... у-у-х-ъ!

— Отойти отъ меня, сатана! отшутился Висленевъ, для котораго мысль о своей собственной газетѣ всегда составляла отраднѣйшую и усладительнѣйшую мечту.

— Чего сатана, а я бы вамъ сталъ какіе фіэтоны строчить, просто von Dieu обороны! Я вотъ нынче что соорудилъ. Вотъ послушайте-ка, — началъ онъ, вытаскивая изъ кармана переломленную пополамъ четвертушку бумаги. — Хотите слушать?

— Пожалуй, — отвѣчалъ равнодушно Висленевъ.

Θеоктистъ Меридіановъ прищурился, тихо крикнулъ и, петербѣливо оглянувшись по комнаткѣ, заговорилъ:

— Идетъ, видите ли, экзаменъ, ребятишекъ въ приходское училище принимаютъ и предстоитъ, видите, такая морда, обрубокъ мальчуганъ Савоська, котораго на каникулахъ приготовилъ медицинскій студентъ Чорговъ.

— Гм! Фамилія недурна!

— Да, и съ направленіемъ, понимаете?

— Понимаю.

— Ну, слушайте же, — и Меридіановъ, крихтя и щурясь, зачитать сквернымъ глухимъ баскомъ.

«— Читать умѣешь! — спросилъ Савоську допоухій педагогъ.

«— Ну-ка-ся! — отвѣчалъ съ презрѣніемъ бойкій малецъ.

«— И писать обучень?

«— Эвось! — еще смѣлѣе отвѣтилъ Савоська.

«— А законъ Божій знаешь? — встрѣлъ понъ.

«— Да коего лиха тамъ знать-то! — гордо, презрительно, гнѣвно, закинувъ вверхъ голову, рыкнулъ мальчуганъ, въ воображеніи котораго въ это время мелькнуло насмѣшливое, проницательно-честно-злое лицо приготовлявшаго его студента Чоргова».

— Что, хорошо? Можете вы такую штуку провести в своей серьезной статьѣ, или нѣтъ?

Но прежде чѣмъ Висленевъ что-нибудь отвѣтилъ своему собесѣднику, послышался тихій стукъ въ дверь, причемъ Меридіановъ быстро спряталъ въ карманъ рукопись и сказалъ: «вотъ такъ у васъ всегда», а Висленевъ громко крикнулъ: взойдите!

Дверь растворилась, и въ комнату предсталъ довольно скромно, но съ иголочки одѣтый въ чистое платье Гордановъ.

Висленевъ немного смѣшался, но Павелъ Николаевичъ протянулъ ему братски руки и заговорилъ съ нимъ на ты. Черезъ минуточку онъ уже сидѣлъ мирно за столомъ и велъ съ Висленевымъ дружескій разговоръ о литературѣ и о литературныхъ людяхъ, безпрестанно вовлекая въ бесѣду и Меридіанова, который, впрочемъ, все кряхтѣлъ и старался отматчиваться. Не теряя напрасно времени, Гордановъ перешелъ и къ содержанію бумагъ, присланныхъ имъ Висленеву чрезъ Вансюкъ.

— Бумажки интересныя, — отвѣчалъ Висленевъ: — и по нимъ бы кое-что очень хлесткое можно написать.

— Я затѣмъ ихъ къ тебѣ и прислалъ, — отвѣчалъ Гордановъ. — Я знаю, что у меня онѣ проваляются даромъ, а ты изъ нихъ можешь выкроить пользу и себѣ, и дѣлу.

Висленеву эта похвала очень нравилась, особенно тѣмъ, что была выражена въ присутствіи Меридіанова, но онъ не полагался на успѣхъ по «независящимъ обстоятельствомъ».

— Что же, теперь вѣдь цензуры нѣтъ, — говорилъ протодушно Гордановъ.

— Мало что цензуры нѣтъ, да есть другія, братъ, грозы.

— Зато есть судъ и на грозу.

— Да, ищи того суда, какъ Франклина въ морѣ: по суду-то на сто рублей оштрафуютъ, а безъ суда на пять тысячъ накажутъ, какъ пять дадутъ. Нѣтъ, если бы это написать, да за границей напечатать.

— И то можно, — отвѣтилъ Гордановъ.

— Если только есть способы?

Гордановъ сказалъ, чтобы Висленевъ объ этомъ не заботился, что способы будутъ къ его услугамъ, что онъ, Гордановъ, самъ переведетъ сочиненіе Висленева на поль-

скій языкъ и самъ пристроитъ его въ заграничную польскую газету.

Загъмъ Павелъ Николаевичъ еще побесѣдовалъ привѣтно съ Висленевымъ и съ Меридіановымъ и простился.

— А ничего это, что я говорилъ при этомъ лоботрясъ? — спросилъ онъ у Висленева, когда тотъ провожалъ его по коридору.

— Это ты о Меридіановѣ-то?

— Да.

— Полно, пожалуйста, это дремучій семинаристъ, въ которомъ ненависть-то, какъ старый блинъ, зачерствѣла.

— Да, чортъ ихъ нынче разберетъ, они всё теперь ненавистники и всё мастера на всё руки, — отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, этотъ не такой.

— А мнѣ онъ не нравится; знаешь, слишкомъ молчаливъ и исподобья смотритъ. А впрочемъ, это твое дѣло, и говорилъ *у тебя*.

— Понимаю и принимаю всю отвѣтственность на себя, будь совершенно покоенъ.

— Ну, и прекрасно.

И съ этимъ Гордановъ ушелъ.

— А мнѣ сей субъектъ препротивенъ, — сказалъ Висленеву въ свою очередь Меридіановъ, когда Висленевъ, проводивъ Горданова, вернулся въ свой дортуаръ.

— Чѣмъ онъ вамъ не хорошъ?

— Очень хорошъ, совсѣмъ даже до самаго дна масляна. Зачѣмъ это онъ постучалъ, прежде чѣмъ войти?

— Такъ водится, чтобы не обезнокоить.

— Да; и вамъ вотъ это, небось, нравится, а меня отъ такихъ финти-фантовъ тошнитъ. Прощайте, я пойду къ Трифандосу въ кухмистерскую, съ Бабиневичемъ шары покатаю.

— Прощайте.

— А вы опять сочинять?

— Да.

— А Осдорихъ что же сказать: нужны вамъ пятнадцать тысячъ или не нужны?

— Да вы что же это, не шутите?

— Нимало не шучу.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что я вамъ удивляюсь, что

вы мнѣ это говорите, я никогда себя не продавалъ ни за большія деньги, ни за малыя, и на княжескихъ любовницахъ жениться не способенъ.

Меридіановъ «презрительно-гордо» пожалъ плечами и сказалъ:— А я вамъ удивляюсь и говорю вамъ, что будете вы, сэръ, кусать локоть, клянусь Патрикомъ, будете, да не достанете. Бабиневичъ вѣдь, только ему объ этомъ сказать, сейчасъ отхватить, а онъ вѣдь тоже изъ дворянъ.

— Сдѣлайте милость и оставьте меня съ этимъ.

— Сдѣлаемъ вамъ эту милость и оставимъ васъ.—отвѣчалъ Меридіановъ и, не прощаясь съ Висленевымъ, зашлепалъ своими кимрскими туфлями.

Оглавленіе

XXIII ТОМА.

На ножахъ.

Романъ въ 6 частяхъ.

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я .

Боль врача ищетъ.

	стр.
I. Отступница	5
II. Вся впереди	22
III. Глава, которую можно поставить въ началѣ	26
IV. Безъ содержанія	33
V. На всѣ ноги кованъ	39
VI. Волкъ въ овечьей кожѣ	54
VII. Не поняли, но объясняютъ	62
VIII. Изъ балета «Два вора»	68
IX. Дока на доку нашель	76
X. Въ органѣ перемѣнили валь	85
XI. Утро, которое хочетъ быть мудренѣе вечера	95

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я .

Бездна призываетъ бездну.

I. Entre chien et loup	133
II. Врачи г. Горданова	137
III. Свой своего не узналъ	144
IV. Бой тарантула съ ехидной	151
V. Последній изъ Могиканъ	160
VI. Гордановъ даетъ шахъ и мать Юсафу Висленеву	163

F

24.124/22-24